

НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКИЙ МЕЖВУЗОВСКИЙ ЖУРНАЛ

**АСПИРАНТСКИЙ
ВЕСТНИК**

Поволжья

ISSN 2072-2354

eISSN 2410-3764

<http://aspvestnik.com/index.html>

SCIENTIFIC-PRACTICAL INTERCOLLEGIATE JOURNAL

ASPIRANTSKIY VESTNIK

Dovolzhnya

ФИЛОСОФСКИЕ НАУКИ

3-4

2021

**Учредитель журнала — Ассоциация вузов Самарской области
«Самарский региональный научно-образовательный комплекс»**

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

Г.П. Котельников, академик РАН, д-р мед. наук, профессор (Россия, Самара)

ЗАМЕСТИТЕЛЬ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

(серия Философские науки)

В.А. Конев, д-р филос. наук, профессор (Россия, Самара)

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Т.В. Борисова, д-р филос. наук, профессор
(Россия, Самара)

Е.Я. Бурлина, д-р филос. наук, профессор
(Россия, Самара)

С.В. Занин, д-р ист. наук, профессор (Россия, Самара)

Л.Г. Иливицкая, канд. филос. наук, доцент
(Россия, Самара)

В.А. Конев, д-р филос. наук, профессор
(Россия, Самара)

В.И. Ионесов, д-р культурологии (Россия, Самара)

А.Ю. Нестеров, д-р филос. наук, доцент
(Россия, Самара)

С.В. Соловьёва, д-р филос. наук, доцент
(Россия, Самара)

Р.И. Таллер, д-р филос. наук, профессор
(Россия, Самара)

Е.Ю. Шиллинг, доктор философии, профессор
(Германия, Гёттинген)

Ответственный секретарь

Ю.С. Пышкина, канд. мед. наук, доцент (Россия, Самара)

Ответственные редакторы номера

Ю.С. Пышкина, канд. мед. наук, доцент (Россия, Самара)

Н.Ю. Кувшинова, канд. психол. наук, доцент (Россия, Самара)

Редактор английского текста

С.С. Барбашева, канд. пед. наук, доцент (Россия, Самара)

Свидетельство Роскомнадзора
о регистрации средства массовой информации
ПИ № ФС 77-13193 от 10.07.2002

Журнал включен Высшей аттестационной комиссией
Министерства образования и науки Российской Федерации
в перечень ведущих рецензируемых научных журналов
и изданий для публикации основных научных результатов
диссертаций на соискание ученой степени кандидата
и доктора наук по философским наукам по следующим
группам специальностей научных работников:

09.00.00 — Философские науки

09.00.01 — Онтология и теория познания

09.00.08 — Философия науки и техники

09.00.11 — Социальная философия

09.00.13 — Философская антропология, философия
культуры

Журнал включен в Российский индекс научного
цитирования: www.elibrary.ru

Индекс издания в объединенном каталоге
«Пресса России»: 42023

Адрес редакции: 443099, Россия, г. Самара,
ул. Чапаевская, д. 89. Тел.: +7(846)333-30-86.
E-mail: aspvestnik@list.ru, aspirantura_samgmu@mail.ru

Адрес сайта в сети Интернет: <https://www.aspvestnik.com/>,
<https://journals.eco-vector.com/2410-3764>

Оригинал-макет изготовлен ООО «Эко-Вектор Ай-Пи».
191186, г. Санкт-Петербург, Аптекарский пер., д. 3,
лит. А, пом. 1Н. E-mail: info@eco-vector.com

Подписано в печать 30.06.21. Формат 60 × 90¹/₈.
Усл. печ. л. 11,0. Тираж 250 экз. Печать офсетная.
Заказ № 1-8540-lv

Отпечатано в ООО «Типография Фурсова».
196084, г. Санкт-Петербург, ул. Заставская, д. 14А литер М.
Тел.: (812) 646-33-77. E-mail: lv@express-reklama.ru

Точка зрения авторов может не совпадать с мнением редакции. К публикации принимаются только статьи, подготовленные в соответствии с правилами для авторов. Направляя статью в редакцию, авторы принимают условия договора публичной оферты. С правилами для авторов и договором публичной оферты можно ознакомиться на сайте: <https://journals.eco-vector.com/2410-3764>. Полное или частичное воспроизведение материалов, опубликованных в журнале, допускается только с письменного разрешения издателя и редакции, ссылка на журнал обязательна

Founder of the journal is the Association of Higher Education Institutions of Samara Region
"Samara Regional Academic Organization"

EDITOR-IN-CHIEF

G.P. Kotelnikov, RAS Academician, Doctor of Medical Sciences, Professor (Russia, Samara)

DEPUTY EDITOR-IN-CHIEF**(Philosophic Sciences)**

V.A. Konev, Doctor of Philosophical Sciences, Professor (Russia, Samara)

EDITORIAL BOARD

T.V. Borisova, Doctor of Philosophical Sciences,
Professor (Russia, Samara)

E.Ya. Burlina, Doctor of Philosophical Sciences,
Professor (Russia, Samara)

S.V. Zanin, Doctor of Historical Sciences, Professor
(Russia, Samara)

L.G. Ilivitskaja, Candidate of Philosophical Sciences,
Associate Professor (Russia, Samara)

V.A. Konev, Doctor of Philosophical Sciences, Professor
(Russia, Samara)

V.I. Ionesov, Doctor of Culturology
(Russia, Samara)

A.Yu. Nesterov, Doctor of Philosophical Sciences,
Associate Professor (Russia, Samara)

S.V. Solovjeva, Doctor of Philosophical Sciences,
Associate Professor (Russia, Samara)

R.I. Taller, Doctor of Philosophical Sciences, Professor
(Russia, Samara)

E.Yu. Shilling, Doctor of Philosophy, Professor
(Germany, Hettlingen)

Executive Secretary

Yu.S. Pyshkina, PhD, Associate Professor (Russia, Samara)

Executive editor

Yu.S. Pyshkina, PhD, Associate Professor (Russia, Samara)

N.Yu. Kuvshinova, PhD, Associate Professor (Russia, Samara)

Editor of English text

S.S. Barbasheva, PhD, Associate Professor (Russia, Samara)

Certificate of Federal Service
for Supervision in the Sphere of Telecom,
Information Technologies and Mass Communications
PI № FS 77-13193 dated 10.07.2002

Higher Attestation Commission includes the journal
in the list of peer-reviewed journals recommended
for the publications of the findings of candidate
and doctoral thesis in Philosophy on the specialties of:

09.00.00 Philosophic Sciences

09.00.01 Ontology and theory of knowledge

09.00.08 Philosophy of science and technology

09.00.11 Social Philosophy

09.00.13 Philosophical anthropology, cultural philosophy

The journal is included in the Russian Science
Citation Index: www.elibrary.ru

Index of publication in the Union Catalogue
"Press of Russia" 42023

Address of redaction:

89 Chapayevskaya st., Samara, Russia, 443099

Tel.: +7(846)3333086

E-mail: aspvestnik@list.ru,

aspirantura_samgmu@mail

Website URL: <https://www.aspvestnik.com/>,
<https://journals.eco-vector.com/2410-3764>

The point of view of the authors may not coincide with the opinion of the editors. Only articles prepared in accordance with the guidelines are accepted for publication. By sending the article to the editor, the authors accept the terms of the public offer agreement. The guidelines for authors and the public offer agreement can be found on the website: <https://journals.eco-vector.com/2410-3764>. Permissions to reproduce material must be obtained in writing to the publisher and retained in order to confirm the legality of using reproduced materials

СОДЕРЖАНИЕ / CONTENTS

ФИЛОСОФСКИЕ НАУКИ

Онтология и теория познания (09.00.01)

И.А. Гапаров

Понятие «польза» в раннем утилитаризме XVII–XVIII веков

5

Е.М. Гробер

Формирование и принципы социально-философского осмысления категории «гражданское самосознание»

13

Р.В. Сорокин

Диалектические и деятельностные основы для современного исходного определения науки

22

В.Ю. Яковлев

Эпистемологический статус нарратива в научном познании

31

Социальная философия (09.00.11)

С.В. Давыдов

Философская дилемма субъектного и институционального подходов в практиках публичной политики России

39

А.В. Дахин

Человек — дом социального бытия: диверсификация рамок коллективной социально-исторической памяти

43

М.С. Дихтемиров

Факторы миграции как зеркало состояния общества (на материале анализа миграционных процессов в Республике Крым)

47

PHILOSOPHIC SCIENCES

Ontology and theory of knowledge (09.00.01)

I.A. Gaparov

The concept of “utility” in early utilitarianism XVII–XVIII centuries

5

E.M. Grober

Formation and principles of social and philosophical understanding of the category “civic consciousness”

13

R.V. Sorokin

Dialectical and activity-based foundations for the modern original definition of science

22

V.Yu. Yakovlev

Epistemological status of the narrative in scientific cognition

31

Social philosophy (09.00.11)

S.V. Davydov

Relations between a social subject and a social institution: Philosophical foundations and public policy practises

39

A.V. Dakhin

A human is the body of social being: Diversity of collective socio-historical memory frameworks

43

M.S. Dikhtemirov

Migration factors as a reflection of the state of society (Analysis of migration process in the Republic of Crimea)

47

**Философская антропология,
философия культуры (09.00.13)***В.Л. Афанасьевский*Средневековая религиозная интеллектуальная
культура в трудах В.С. Соловьёва 56*А.В. Зайцев*Диалектика цели и средств в жизни,
творчестве и мировоззрении И.А. Дедкова 63*С.С. Орищенко*Вещи в кинематографе как феномен
культурной реальности 73*А.А. Пустарнакова*Социокультурные детерминанты репродуктивного
поведения этнических групп 78**Рецензия***А.И. Белкин*К пониманию природы и импульсов
обусловленного мышления:
о новой книге Терренса Уэбстер-Дойла 83**Philosophical anthropology,
cultural philosophy (09.00.13)***V.L. Afanasevsky*Medieval religious intellectual culture in the works
of V.S. Soloviev 56*A.V. Zaitsev*The dialectic of purpose and means in the life,
work, and worldview of I.A. Dedkov 63*S.S. Orishchenko*Things in cinema as a phenomenon
of cultural reality 73*A.A. Pustarnakova*Sociocultural determinants of reproductive
behaviour of ethnic groups 78**Review***A.I. Belkin*To understanding the effects
of conditioning thinking:
About new book of Terrence Webster-Doyle 83

ПОНЯТИЕ «ПОЛЬЗА» В РАННЕМ УТИЛИТАРИЗМЕ XVII–XVIII ВЕКОВ

И.А. Гапаров

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королёва» (Самарский университет), Самара, Россия

Для цитирования: Гапаров И.А. Понятие «польза» в раннем утилитаризме XVII–XVIII веков // Аспирантский вестник Поволжья. 2021. № 3–4. С. 5–12. DOI: <https://doi.org/10.17816/2072-2354.2021.21.2.5-12>

Поступила: 28.01.2021

Одобрена: 05.02.2021

Принята: 12.02.2021

▪ Актуальность темы исследования определяется многообразием трактовок понятия «польза», в соответствии с которыми разрешаются проблемы удовольствия, блага и счастья. Английские утилитаристы XVII–XVIII вв. первыми провели глубокий анализ «пользы» и попытались найти общие основания, конституирующие это понятие. Цель статьи — прояснение способов употребления понятия «польза» в трудах Дж. Беркли, Д. Юма и И. Бентама. Систематизация воззрений Нового времени, осуществлённая этими мыслителями, позволила приблизиться к выявлению сущности «пользы». Пропорциональность и симметричность, условия назначения и приспособленность под нужды человека способствовали выведению прекрасного и морально-нравственного начал из полезного. Тот факт, что совершенство вещи определяется приемлемой целью, ради которой она создана, дал основания сделать выводы, что содержание понятия «польза» в раннем утилитаризме раскрывается через рациональность цели и средства, а «принцип полезности» — через зависимость интересов индивида от уровня общественного благополучия.

▪ **Ключевые слова:** польза; счастье; цель; средство; ранний утилитаризм; Дж. Беркли; Д. Юм; И. Бентам; Ф. Дессаур.

THE CONCEPT OF “UTILITY” IN EARLY UTILITARIANISM XVII–XVIII CENTURIES

I.A. Gaparov

Samara National Research University named after Academician S.P. Korolev, Samara, Russia

For citation: Gaparov I.A. The concept of “utility” in early utilitarianism XVII–XVIII centuries. *Aspirantskiy Vestnik Povolzh'ya*. 2021;(3-4):5–12. DOI: <https://doi.org/10.17816/2072-2354.2021.21.2.5-12>

Received: 28.01.2021

Revised: 05.02.2021

Accepted: 12.02.2021

▪ The relevance of the research topic is determined by the variety of interpretations of the concept of “utility”, according to which the problems of pleasure, good and happiness are solved. The English utilitarians of the seventeenth and eighteenth centuries were the first to conduct an in-depth analysis of “utility” and try to find common grounds that constitute this concept. The purpose of the article is to clarify the ways of using the concept of “utility” in the works of J. Berkeley, D. Hume and I. Bentham. The systematization of the views of the New Time, carried out by these thinkers, allowed us to approach the identification of the essence of “utility”. Proportionality and symmetry, the conditions of appointment and adaptation to the needs of man contributed to the removal of the beautiful and moral principles from the useful. The fact that the perfection of a thing is defined as an acceptable purpose for which it was created gave reason to conclude that the concept of “utility” in early utilitarianism is revealed through the rationality of goals and means, and the “principle of utility” – through the dependence of individual interests from the level of social welfare.

▪ **Keywords:** utility; happiness; goal; means; early utilitarianism; J. Berkeley; D. Hume; I. Bentham; F. Dessauer.

Обоснование

От человека, пребывающего в рамках здравого смысла, скрыты многие связи философского и научного плана. Здравый смысл стремится сохранить очевидность, а всё то, что претендует на выход за его пределы, устраняется. При таком положении дел нельзя помыслить категории субъекта и объекта, так как они, являясь продуктом рефлексии, задают направление научно-познавательным процессам. Невозможно и вычленишь эффективные средства, которыми преследуется цель, потому что человек замыкается в нормативных положениях (табу, догмы, предписания) и на неизвестное реагирует враждебно и растерянно.

Растерянность подобного рода изначально была свойственна эпохе Возрождения, когда на смену птолемеевской картине мира пришла коперниканская, в которой был провозглашён примат активно познающего и действующего субъекта. Произошёл переход от рецептивного к проективному вектору познания, что засвидетельствовал Джованни Пико делла Мирандола, когда сказал, что «не дам тебе, о Адам, ни определённого места <...> чтобы и место, и лицо, и обязанность ты имел по собственному желанию, согласно твоей воле и твоему решению» [5, с. 324]. А чуть позже Мартин Лютер согласится с тем, что «человек рожден для труда, как птица для полёта» [12, с. 39]. Истоки подобных идей можно найти в ряде изречений Аристотеля, одно из которых гласит, что «назначение человека — деятельность души, согласованная с суждением или не без участия суждения» [1, с. 64]. Возрождение открывает проективный вектор познания, теоретически и практически выражающий себя в техническом и собственно познавательном планах.

Разнонаправленность проективности подметил Николай Кузанский, по представлению которого человек Возрождения ещё «не выходит за свои пределы, когда творит <...>, он не производит что-то новое, но обнаруживает, что творимое им при развёртывании заранее было в нём» [13, с. 261]. Отсюда прямая связь с выражением «назначение» человека, обозначающим возможность постижения сути собственной природы через рациональность цели и средства, что неразрывно было связано с достижениями счастья. Под счастьем понимали разное. Для одних мыслителей — это «деятельность души в полноте добродетели» [13, с. 74], а для других — «жизнь, по возможности свободная от страданий и полная удовольствий» [18, с. 61]. Проблема, которая проистекала из определения, была сформулирована так:

«как достичь счастья?» В стремлении найти ответ на этот вопрос одна часть мыслителей осталась в рамках концепта «добродетельного мужа», а другая обратила внимание на понятие пользы. Ведь представления о чистой добродетели ни в коей мере не способны подтолкнуть волю к акту, так как для этого необходимы хорошие ощущения и благоприятные последствия. Однако трактовки пользы на тот момент существовало столько же, сколько и мнений.

Единое концептуальное поле интерпретации пользы зарождается в работах английских протоутилитаристов: Дж. Гэйя, У. Пэйли, Дж. Пристли, Р. Камберленда, Ф. Хатчесона и графа Шефтсбери (Эстетические опыты) [24], которые за основание полезного брали благо и добродетель. Французские (П. Гольбах) и немецкие мыслители (Г.В. Лейбниц, Г. Майер) приняли установку разумного согласования цели и средства, в связи с чем был сформулирован ряд вопросов: 1) что есть польза? 2) почему польза присуща поступку? 3) можно ли устранить пользу из человеческого поступка (действия) вообще? Такие вопросы требовали научного осмысления. Фундамент их разрешения был сформулирован в работах Дж. Беркли, Д. Юма и И. Бентама, заложивших основы праксеологии, разработавших методологию практической деятельности и создавших концептуальную модель понимания «пользы».

Цель исследования — прояснение способов употребления понятия польза в раннем английском утилитаризме XVII–XVIII вв. в работах Дж. Беркли, Д. Юма и И. Бентама. Для достижения поставленной цели определены следующие **задачи**: 1) представить подходы к пониманию термина «польза»; 2) определить ключевые предпосылки акцентуализации внимания на понятии «польза» в английском утилитаризме XVII–XVIII вв.; 3) прояснить влияние Джорджа Беркли, Дэвида Юма и Иеремии Бентама на формирование понимания пользы как рациональной согласованности средств и цели; 4) определить значимость понятия пользы для последующих исследований.

Метод исследования

Метод исследования заключается в исторической реконструкции понятия «польза». Анализ направлен на выявление предпосылок его использования в раннем английском утилитаризме XVII–XVIII вв., условий и обстоятельств употребления в связи с теоретическими концептами «удовольствие», «благо» и «счастье».

Результаты и их обсуждение

В социально-гуманитарных и естественно-научных дисциплинах до сих пор отсутствует единство по поводу понимания сущности пользы, что связано с условиями, исходя из которых определяется её денотат. Ведь под пользой можно подразумевать всё, что угодно: средство, выгоду, расчёт, интерес, помощь и т. д. В принципе, всё это может быть подведено под «положительный результат», но такое упрощение не позволяет ухватить всей сути полезного. Понимание пользы как «блага-для-себя» критиковалось Аристотелем, Платоном, Кантом и другими мыслителями. Трактовка подобного рода представляет из себя отсылку к эпохе декаданса, что, например, находит отражение в стоическом учении на закате Римской империи или в мировоззренческом кризисе второй половины XIX в. в работах иррационалистов. Среди последних свидетелем данного явления в XIX в. стал Фр. Ницше, для которого польза — это ценностная антитеза нигилизму и цинизму. Как «благо-для-себя» она извлекается не через угнетение «die Untermenschen», что ведёт к «ressentiment», а через «невозмутимость, спокойствие духа». Ведь как писал Ницше, «человек — это канат, натянутый между животным и сверхчеловеком <...> важно то, что он мост, а не цель» [20, с. 34]. Такой подход в некотором смысле следовал основоположениям стоиков, оказавшимся свидетелями упадка Римской империи. Поэтому для них польза — это то, посредством чего достигается невозмутимость, что одновременно выступает и целью, и счастьем.

На фоне подобной трактовки пользы формируется иное понимание, связанное: 1) с преследованием блага всех; 2) с пресечением попыток причинения вреда другому. Но проблемой остаётся принцип абстрагирования. Для А. Смита он олицетворяется «невидимой рукой рынка» [22, с. 911], представляющей из себя общественный регулятор равномерного распределения богатств. Для Г.В.Ф. Гегеля он — «хитрость разума» (List der Vernunft) [9, с. 397], согласно которой разум являет себя в мировой истории финалистским образом, так, как если бы он «манипулировал человеческими страстями как материалом для подчинения людей своим собственным целям» [17, с. 134]. При таком подходе то, что присуще духу, не свойственно человеку, ведь он становится безвольной марионеткой высших принципов: «невидимой силы рынка» А. Смита или «хитрости разума» Г.В.Ф. Гегеля.

Что касается ранних этико-философских учений, то в них отсутствует согласованность

из-за разносторонности подходов к достижению счастья. Если обратиться к античной эпохе, то у Платона, Аристотеля, Эпикура и Протагора можно обнаружить полемику относительно того, что следует понимать под добродетелью, благом и счастьем. В последующем исследование было затруднено, так как каждый выдвинул точку зрения и остался при своём: для одних счастье было добродетелью, для других — удовольствием, а для третьих — созерцательной деятельностью и т. д. В Новое время дискуссии возобновились вновь между христианами и атеистами по поводу взаимосвязи пользы и счастья. Особую роль сыграли концепции так называемых протоутилитаристов, у которых поднимается проблема рациональности средств и достигаемой с их помощью цели. Так, Уильям Пэйли полагает, что общественное благо должно быть распределено равномерно [21]. Хатчесон выводит закономерность, согласно которой общественное благо прямо пропорционально счастью всех разумных существ, поэтому лучшее действие — то, которое способно обеспечить «самое большое счастье для наибольшего числа людей» [23, с. 174]. А Г.В. Лейбниц проясняет силу эффекта полезного действия, которая заключается в осознании принуждения и в распространении его на всю деятельность. Поэтому польза сокрыта не в самой природе, о которой человеку ничего неизвестно, а в правильном определении данного термина [15, с. 34].

Общий недостаток этих подходов в том, что они используют понятие пользы, но не проясняют его содержание. В этом смысле Дж. Беркли первым обратил на него внимание и попытался определить границы его интерпретации. В работе «Алкифрон, или мелкий философ» он исследует сущность пользы путём анализа разных точек зрения того времени. Так, для Мандевилля (Лисикла) порок приносит пользу обществу, потому что он «увеличивает поступления от пошлины на солод <...>, даёт работу великому множеству рук: пивовару, солодовнику, пахарю» [3, с. 41]. Пробуждая к существованию новые профессии, он способствует принципу разделения труда и обеспечивает многих людей средствами к существованию. В противном случае, говорит Б. Мандевиль, всё бы «пришло в упадок, захирело, градостроительное дело; и живописца дивный труд уж никому не нужен тут» [16, с. 131]. На это следует возражение Беркли (Ефранора), который полагает, что прирост общественного блага от некоторых профессий (бакалейщики, винокуры), негативно влияющих на жизнь человека, невозможен,

так как они сокращают жизнь, обуславливая непомерное потребление и склонность к негативным привычкам, антитезой чему служит принцип золотой середины Стагирита, который подтверждается мыслью, что «при своём умеренном способе есть и пить, он окажется более полезным обществу» [3, с. 5]. Поэтому всё, что делается для собственного удовольствия, не является полезным, так как последствия поступка неизвестны. Они могут вести как к благу, так и ко злу (к пороку), а тот, как известно, «не имеет заслуг перед обществом, так как сводит пользу для общества на нет» [3, с. 50]. Порок приводит к вражде и распаду, а не к сотрудничеству.

Эти понятия, тесно связанные с идеей прекрасного, выступают предметом анализа следующего диалога, в котором Шефтсбери (Алкифрон) проводит параллель между чувством как влечением к прекрасному (a priori) и пользой. Но Ефранор считает отождествление ошибочным, так как прекрасное превратно принимается a priori и именуется как моральное чувство [4]. Этой установке противопоставляется мысль, основанная на правильно построенном суждении, где взвешивается всё, что способствует удовольствию, с тем, что ведет к страданию. Исходя из этого проводится последовательный вывод относительно того, что моральное чувство в завершённом силой мышления виде преобразуется в представление о красоте, которая существует не «сама по себе и ради себя самой» [3, с. 85], а находится на службе у человеческих потребностей. Достижению прекрасного служит ряд примеров, исходящих от чувственного объекта, который нравится человеку из-за «симметрии и пропорциональности, приятной для глаз» [3, с. 86], что связано с отношением одной вещи к другой по размеру и форме. Если пропорции правильны, то соотношение частей должно стать таким, чтобы целое было полным и совершенным, «поэтому вещь совершенна только в той мере, в какой она соответствует цели, ради которой создана» [3, с. 86], что никак не обходится без мыслительных навыков, с помощью которых части соотносятся так, что наилучшим образом способствуют деятельности и назначению целого. Устраняя препятствия, они «создают» удобство, способствуют эффективному достижению намеченной цели [6]. Таким образом, Джордж Беркли подходит к концепту пользы, который строится на следующих основаниях: 1) обстоятельствах назначения вещи (целях, ради которых она используется); 2) рациональности (пропорциях — ширине, длине, высоте); 3) удобстве (приспособленности под нужды человека).

В этом плане не менее интересен подход Д. Юма, который предлагает рассматривать в качестве средства общественного благополучия основания морали. Для начала он задаётся вопросом: «приобретаем ли мы знание о них с помощью цепи аргументов и индукции или непосредственного чувства и внутреннего ощущения?» [25, с. 179]. Если знание истекает из чувств, то разум не способен понять то, о чём они «говорят», а человек превращается в безвольный автомат. Если моральные различия усматриваются разумом, то длинная ветвь доказательств будет убедительной для поступков разной направленности. Юм предлагает согласовать чувства и разум во всех моральных определениях. По его мнению, «суждение о добродетелях и пороках является окончательным и основывается на некотором внутреннем ощущении или чувстве, которым природа снабдила весь род человеческий» [25, с. 181], и, чтобы направить его, необходимо множество предварительных рассуждений, которые логикой построения будут притягивать или отталкивать человека. На такое способно чувство прекрасного, которое истекает из размышления. Воспитание и логическая аргументация позволяют устранить ошибки и направить это чувство на правильный путь. В результате усилий нравственные чувства, преобразованные идеей прекрасного, приобретают форму привычки, которая становится нормативным регулятором человеческого поступка, закрепляется в опыте. Исходя из этого, Юм предлагает исследовать «каждый атрибут духа, который делает человека объектом уважения и привязанности или ненависти и презрения» [25, с. 182], для того чтобы обнаружить качества, посредством которых можно достичь этических принципов, и исходя из которых выводится всякое одобрение или осуждение.

Опираясь на метод индукции, Юм начинает исследование принципов морали с рассмотрения добродетелей благожелательности и справедливости, благодаря которым выявляется закономерность, состоящая из двух аспектов: 1) интенция на другого; 2) полезность. При анализе благожелательности уделяется внимание её непринужденности со стороны действующего человека [8]. Своими делами он превращается в необходимое условие существования сообщества, которое благодаря ему извлекает удовольствие и счастье. Так обеспечивается взаимосогласие между обществом и индивидом, которое в философском плане представлено в термине «польза». Под пользой Юм понимает качество вещи, которое соответствует её природе и благотворно

влияет на общество, а под вредом — то, что причиняет страдания и вызывает чувство отвращения. Для того чтобы прояснить содержание «пользы», отсылкой может послужить цитероновская критика эпикурейских богов, которые, будучи бездейственными, не могут претендовать на становление «полезными». Польза — это критерий, на основании которого определяется степень благотворности влияния поступка на сообщество. При таком понимании благожелательность выражает достоинство человеческого существа, так как содействует интересам человеческого рода и приносит счастье. Поэтому для определения наличия данной добродетели нужно научиться за каждым поступком проследить благой умысел, преследующий достижение благожелательной цели с удовлетворением и удовольствием.

За благожелательностью следует справедливость, которая способствует разграничению прав и существованию собственности. Ведь неограниченное изобилие благ не требует её установления, так как люди оставляют их в общем пользовании. То же происходит при благожелательности, которая предполагает силу и живость эмпатии и симпатии по отношению к другому лицу. Так, в семье она выражена ярче, потому что каждый член (семьи) готов разделить радость и невзгоды с другим, но для системы общественного благополучия эффективной становится справедливость, так как она поддерживает общение ради взаимных удобств и выгод всех индивидов и способствует процветанию кооператива и сообщества, которое «есть единственная цель всех законов и предписаний, берущих основой справедливость» [25, с. 198].

Рассмотрение добродетелей завершается анализом пользы, выступающей в качестве формы взаимосогласования индивидуальных интересов. Будучи регулятором социальных отношений, она поддерживает общественный порядок, следит за тем, чтобы сражения и войны велись соразмерно законам разума [25, с. 192]. И пока польза выступает в роли принципа, соприсущего человеку как разумному существу, будут сохранены все добродетели. В этом плане как неодушевленные предметы, так и немыслящие существа (растения, животные) не обладают добродетелями, в том смысле, в котором ими наделён человек эпохи Просвещения.

На наш взгляд, такое понимание добродетели является продолжением идей Аристотеля. Ведь Юм связывает её с пользой и считает возможным возвращение в состояние эгоизма, где нет никаких добродетелей. В таком случае

цель человечества заключается в том, чтобы поддерживать принцип, включающий благожелательность, а также «человеколюбие» как качество, которое «могут приобрести лишь морально зрелые индивиды, то есть такие, которые на протяжении жизни сумели сохранить уравновешенную среднюю позицию» [10, с. 248]. Однако нормативность не даёт гарантий относительно того, что ему будут следовать добровольно. Тогда действенной может стать справедливость, опирающаяся на общественный контроль. Но, в силу того, что они выступают односторонними установками с разными основаниями, для согласования индивидуальных и общественных интересов необходим синтез, который проявляется, как полагает отечественный мыслитель В.В. Васильев, исходя из анализа творческого наследия Юма, в склонности «переносить прошлый опыт на будущее» [7, с. 53], без которой «всё наше знание замыкалось бы в тесных границах нашей памяти и чувств; и мы никогда не смогли бы приспособить средства к целям или применить наши естественные способности для достижения блага или избегания зла» [7, с. 52]. Следуя этому, счастлив тот, обстоятельства жизни которого соответствуют его характеру, но превосходит его тот, «кто способен характер приспособить к окружающим обстоятельствам» [25, с. 237].

Тему пользы и счастья поднимает и Иеремия Бентам, развивая идеи Дж. Беркли и Д. Юма. Он обращает внимание на тот факт, что природа управляет человеком через страдания и удовольствия, которые предопределяют то, что человек совершает. Наличие опыта позволяет постичь эту закономерность как «принцип полезности», который, выступая в качестве «принципа величайшего счастья и благоденствия», «признаёт это подчинение и берёт его в основание той системы, цель которой — возвести здание счастья руками разума и закона» [2, с. 9]. Он регулирует поступки людей, которые преступают меру в дозволенном и не достигают в необходимом, а так как моральный принцип является производным положением человеческого разума, для которого знание — связь многого в едином, то встаёт вопрос относительно того, в чём заключается различие между принципом полезности и пользой. Автор даёт определение пользе, говоря, что это «то свойство предмета, по которому он имеет стремление приносить благоденствие, выгоду, удовольствие, добро или счастье, предупреждать вред, страдание, зло или несчастье той стороны, об интересе которой идёт речь» [2, с. 10]. Так определяется денотат пользы, включающий прагматичность

и инструментализм, сообразно которым достигается цель. Однако стоит обратить внимание ещё на один аспект, который связан с бинарностью единичного и общего. Ведь помышляя пользу в качестве идеи, человек не способен обнаружить её следы в действительности, так как там она предстаёт в качестве «бесплодной абстракции». Чтобы избежать этих затруднений Бентам снимает напряженность между единичным и общим в установке «рационально мыслящего субъекта», следующего не стихийным влечениям (как конкретное лицо), не идеям (как общество), а принципу полезности. Так осуществляется снятие бинарности в угоду рациональности цели и средства, субъект наделяется ответственностью, а сообщество превращается в континуум по приращению счастья и уменьшению страданий, так как «по естественному устройству человеческой природы люди, не думая, принимают этот принцип, если не для определения своих собственных действий, то по крайней мере для суждения о своих действиях и действиях других людей» [2, с. 12]. Ведь если счастье конкретного лица прямо пропорционально счастью сообщества, то ни о каких противоречиях не может идти и речи. Поэтому, прежде чем действовать, нужно обдумать последствия, выбрать эффективные средства, позволяющие достичь цели [19].

Естественно, что такой шаг по отношению к пользе не мог обойтись без анализа её оснований, влияющих на её прирост/уменьшение в сообществе. По предположению И. Бентама, в их состав входят: обстоятельства, акт, намерение, осознанность, мотив, расположение и последствия. Они позволяют расчленить на отдельные элементы поступок, выделить средства и цель, сопоставить с ними результаты, внести изменения в последующие действия. Так, при знании обстоятельств можно предусмотреть поведение субъекта в разных условиях [26]. Акт связан с действием, которое направляется волей субъекта. Намеренность включает способы, которыми относится к акту обстоятельство намерения. Акт может быть назван намеренным, если воля субъекта относится к действию или его последствиям, или к обоим вместе. И, напротив, вещь, которая не входит в состав предмета намерения, не может быть названа таковой. Тесно связана с ней сознательность, под которой подразумевается обдуманность обстоятельств, стесняющих волю в её направленности. Но действия, пребывающие под контролем сознания, позволяют минимизировать элементы случайности, в ходе чего польза приносится усилиями человека, а не приходит косвенным путем. В отличие от

осознанности, мотив предвосхищает акт и его последствия. Так, мотив — это то, что способствует возникновению действия/противодействия. И. Бентам полагает, что мотив выступает в качестве того, что предрасполагает объект к действию, и только в том случае, если за ним следует удовольствие или страдание. Поэтому всё то, что приносит пользу, должно быть учтено в мотиве действия, который выступает в качестве начала, призванного побудить волю к акту или воздержаться от него. За мотивом следует «расположение», которое выступает постоянством «в складе духа, где он по тому или другому случаю подвергается влиянию того или другого мотива, чтобы начать акт, который представляется ему с той или другой тенденцией» [2, с. 158]. Новаторство Бентама в этом плане заключается в том, что мотив как начало нейтрален по отношению к сфере этики (так как мотив не предвосхищает действие), а расположение, напротив, подпадает под оценку хорошего или плохого, в зависимости от того, увеличивает оно или уменьшает счастье другого. Исправлять дурное расположение — дело моралиста, а не законодателя, который занят «не врачеванием душ людей», а поддержанием порядка. Поэтому мотив, как совокупность обстоятельств, воздействующих на человека в определённой ситуации, — только предлог для поступка, взаимосвязанного с расположением, полезность которого соизмеряется степенью добродетельности или испорченности. Сообразуясь с ней, представляется возможным рассчитать вред, причиненный другому человеку или сообществу. И, если человек по характеру неустойчив, подвластен искушениям жизни, как например Джо из романа «Мартин Иден», который любил выпить и хорошо провести время, то его старания не приведут к положительным последствиям ни для себя, ни для общества [14]. Об этом догадывался Иден, когда в последний раз стремился избавиться себя от назойливого присутствия окружающих, так сказать, отплатить «признательностью». Ведь в силу своего характера он был предан лишь тем, кто поддерживал его по жизни (верил в его силы), и поэтому таким образом их благодарил. Однако «хорошие» поступки наверняка были не совсем хорошими, если М. Иден в пору творческого процветания стал одаривать благами тех, кто прежде был о нем плохого мнения.

Заключение

Анализ, в ходе которого было исследовано понятие пользы, показал, что Джордж Беркли связывает её с идеей прекрасного. Эта идея

проистекает из понятия пользы, основаниями которой выступают симметрия и пропорция, в которых прослеживается соответствие частей, из которого следует отношение, свойственное вещам. Эти части должны: 1) обладать подходящим размером и формой; 2) соответствовать человеку [11]. Так они приближаются к своей полноте и целостности, которая представляет идею прекрасного. В свою очередь, вещь совершенна в той мере, в какой она соответствует цели, ради которой создана. Выступая в роли посредника между целью и действием, вещь связывает разнообразные измерения реальности (чувства, рассудок и разум), которыми определяются условия существования человека. Поэтому польза предполагает соответствие частей целому, которое связано с целью, соразмерно которой оно приобретает собственную консистенцию размера и формы, смысл и назначение.

В отличие от Дж. Беркли, Д. Юм проводит анализ понятия пользы сквозь призму морали. Будучи основанием пользы, и пребывая по ту сторону мира явлений, мораль встраивается в универсум человеческих отношений под видом добродетелей благожелательности, справедливости, которые взаимодополняют и замещают друг друга. Ведь, как полагает Юм, похвалы заслуживает как отдельный человек, так и неодушевленный предмет, «если правильность и изящество его частей не разрушает его пригодности для какой-либо полезной цели» [25, с. 215]. Несовершенство частей играет важную роль, если диспропорция в конструкции необходима для намеченной цели и преследует благо целого. В этом плане неодушевленные предметы и неразумные животные не обладают добродетелью, то есть не вызывают морального отклика. Поэтому роль социума заключается в культивации морально-нравственных чувств, так как только они пробуждают представление о пользе, закрепляя его в форме предрасположенности к привычкам и принципам, обеспечивающим общественный порядок. Таким образом, интерес каждого человека должен быть связан с интересом общества, ведь только так можно гарантировать счастье обеих сторон.

Иеремия Бентам систематизирует идеи Беркли и Юма. Справедливый закон, умение правительства руководствоваться общественными интересами, механизмы, подталкивающие человека к действию, выступают основными установками философии Бентама. Несмотря на эгоистические наклонности человека, государство способно сделать из него порядочного гражданина, достаточно лишь определить принцип полезности, который

управляет каждым, и вывести из него формулу расчета благоприятных и неблагоприятных последствий, по которой можно определить, насколько действие отдельного человека повлечет за собой пользу для одного, определенного круга лиц или для всех.

Информация о финансировании. Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-011-00462 А «Философия техники Фридриха Дессауэра: эпистемология и антропология реалистской теории творчества».

Список литературы

1. Аристотель. Никомахова этика. Сочинения в 4 т. Т. 4. М.: Мысль, 1984. С. 53–294.
2. Бентам И. Введение в основания нравственности и законодательства. М., 1998.
3. Беркли Дж. Алкифрон, или мелкий философ. Работы разных лет / пер. с англ. А.А. Васильева. СПб., 2000. С. 13–252.
4. Беседин А.П. Джордж Беркли как философ Просвещения // Философские науки. 2014. № 5. С. 24–34.
5. Джованни Пико делла Мирандола. Речь о достоинстве человека / пер. с лат. Л.М. Брагиной // Антология философии средних веков и эпохи Возрождения. Москва, 2001. С. 318–332.
6. Быховский Б.Э. Джордж Беркли. М.: Мысль, 1970. С. 7–196.
7. Васильев В.В. Дэвид Юм и загадки его философии. М., 2020. С. 21–122.
8. Васильев В.В. Неизвестный Юм // Вопросы философии. 2014. № 1. С. 127–139.
9. Гегель Г.В.Ф. Энциклопедия философских наук. Т. 1. Наука логики. М., 1974.
10. Глухман В. Идея человеколюбия в этике Дэвида Юма // Этическая мысль. 2012. № 12. С. 245–258.
11. Дессауэр Фридрих. Спор о технике: монография / пер. с нем. А.Ю. Нестерова. Самара, 2017.
12. Дитер Ф. Мартин Лютер и Томас Мюнцер, или Начала бухгалтерии. М., 1976.
13. Кузанский Н. О предположениях. Сочинения: в 2 т. Т. 1. М.: Мысль, 1979. С. 258–261.
14. Лондон Дж. Мартин Иден. М., 2020.
15. Малышкин Е.В. Универсальная характеристика Лейбница как мнемонический проект // Вестник Ленинградского государственного Университета им. А.С. Пушкина. 2011. Т. 2, № 3. С. 27–36.
16. МанDEVиль Б. Басня о пчелах, или Пороки частных лиц — блага для общества. М.: Наука, 2000.
17. Машрэ П. Спиноза, конец истории и хитрость разума // Логос. 2007. № 2 (59). С. 116–140.
18. Милль Д.С. Утилитаризм. Ростов-на-Дону, 2013.
19. Нестеров А.Ю. Семиотические основания техники и технического сознания: монография. Самара, 2017.

20. Ницше Ф. Так говорил Заратустра. М., 1994. С. 29–389.
21. Прокофьев А.В. Утилитаризм // *Философская антропология*. 2019. Т. 5, № 2. С. 192–215.
22. Смит А. Исследование о природе и причинах богатства народов. М., 2016. С. 888–976.
23. Хатчесон Ф. Исследование о происхождении наших идей красоты и добродетели в двух трактатах. В кн.: Ф. Хатчесон, Д. Юм, А. Смит. Эстетика. М., 1973. С. 41–262.
24. Шефтсбери. Моралисты. *Философская рapsодия*. В кн.: Шефтсбери. Эстетические опыты. Пер. А.В. Михайлова. М., 1975. С. 77–236.
25. Юм Д. Исследование о принципах морали. *Сочинения в 2 т.* Т. 2. М., 1996. С. 171–379.
26. *The Works of Jeremy Bentham in 11 Vol. Ed. by J. Bowring. Edinburgh; 1843. Vol. 3. P. 231–295.*

References

1. Aristotel'. *Nikomakhova etika*. In: *Sochineniya v 4 t.* Moscow: Mysl'; 1984. Vol. 4. P. 53–294. (In Russ.)
2. Bentam I. *Vvedenie v osnovaniya npravstvennosti i zakonodatel'stva*. Moscow; 1998. (In Russ.)
3. Berkli Dzh. *Alkifron, ili melkiy filosof. Raboty raznykh let*: per. s angl. A.A. Vasil'eva. Saint Petersburg; 2000. P. 13–252. (In Russ.)
4. Besedin A. George Berkeley as a Philosopher of the Enlightenment. *Russian Journal of Philosophical Sciences*. 2014;(5):24–34. (In Russ.)
5. Dzhovanni Piko della Mirandola. *Rech' o dostoinstve cheloveka*: per. s lat. L.M. Braginoi. *Antologiya filosofii srednikh vekov i ehpokhi Vozrozhdeniya*. Moscow; 2001. P. 318–332. (In Russ.)
6. Byhovskij BJe. *Dzhodzh Berkli*. Moscow: Mysl'; 1970. P. 7–196. (In Russ.)
7. Vasil'ev VV. *Djevid Jum i zagadki ego filosofii*. Moscow; 2020. P. 21–122. (In Russ.)
8. Vasil'ev VV. Unknown Hume. *Voprosy filosofii*. 2014;(1):127–139. (In Russ.)
9. Gegel' GVF. *Jenciklopedija filosofskih nauk*. Vol. 1. Nauka logiki. Moscow; 1974. (In Russ.)
10. Gluhman V. David Hume's idea of humanity. *Eticheskaya mysl'*. 2012;(12):245–258. (In Russ.)
11. Dessaujer Fridrih. *Spor o tehnikе: monografija: per. s nem.* A.Ju. Nesterova. Samara; 2017. (In Russ.)
12. Diter F. *Martin Ljuter i Tomas Mjuncer, ili Nachala buhgalterii*. Moscow; 1976. (In Russ.)
13. Kuzanskij N. O predpolozhenijah. *Sochineniya: v 2 t.* Moscow: Mysl'; 1979. Vol. 2. P. 258–261. (In Russ.)
14. London Dzh. *Martin Iden*. Moscow; 2020. (In Russ.)
15. Malyshkin EV. *Characteristica universalis as a mnemonic project. Pushkin Leningrad State University Journal*. 2011;2(3):27–36. (In Russ.)
16. Mandevil' B. *Basnja o pchelah, ili Poroki chastnykh lic – blagadlja obshhestva*. Moscow: Nauka; 2000. (In Russ.)
17. Marshje P. *Spinoza, konec istorii i hitrost' razuma. Logos*. 2007;2(59):116–140. (In Russ.)
18. Mill' D.S. *Utilitarizm*. Rostov-on-Don; 2013. (In Russ.)
19. Nesterov AJu. *Semioticheskie osnovaniya tehnik i tehničeskogo soznaniya: monografija*. Samara; 2017. (In Russ.)
20. Nicshe F. *Tak govoril Zaratustra*. Moscow; 1994. P. 29–389. (In Russ.)
21. Prokof'ev AV. *Utilitarizm. Philosophical Anthropology*. 2020;5(2):192–215. (In Russ.). DOI: 10.21146/2414-3715-2019-5-2-192-215
22. Smit A. *Issledovanie o prirode i prichinah bogatstva narodov*. Moscow; 2016. P. 888–976. (In Russ.)
23. Hatcheson F. *Issledovanie o proishozhdenii nashih idej krasoty i dobrodeteli v dvuh traktatah*. In: F. Hatcheson, D. Jum, A. Smit. *Jestetika*. Moscow; 1973. P. 41–262. (In Russ.)
24. Sheftsberi. *Moralisty. Filosofskaja rapsodija*. In: Sheftsberi. *Jesteticheskie opyty*. Per. A.V. Mikhaivov. Moscow; 1975. P. 77–236. (In Russ.)
25. Jum D. *Issledovanie o principah morali*. In: *Sochineniya v 2 t.* Moscow; 1996. Vol. 2. P. 171–379. (In Russ.)
26. *The Works of Jeremy Bentham in 11 Vol. Ed. by J. Bowring. Edinburgh; 1843. Vol. 3. P. 231–295.*

▪ Информация об авторе

Искендер Абдурашидович Гапаров — очный аспирант кафедры философии. ФГБОУ ВО «Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королёва», Самара, Россия. E-mail: sarov-1@mail.ru

▪ Information about the author

Iskender A. Gaparov — Postgraduate student of the Department of Philosophy. Samara National Research University named after Academician S.P. Korolev, Samara, Russia. E-mail: sarov-1@mail.ru

ФОРМИРОВАНИЕ И ПРИНЦИПЫ СОЦИАЛЬНО-ФИЛОСОФСКОГО ОСМЫСЛЕНИЯ КАТЕГОРИИ «ГРАЖДАНСКОЕ САМОСОЗНАНИЕ»

Е.М. Гробер

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Самарский государственный технический университет», Самара, Россия

Для цитирования: Гробер Е.М. Формирование и принципы социально-философского осмысления категории «гражданское самосознание» // Аспирантский вестник Поволжья. 2021. № 3–4. С. 13–21. DOI: <https://doi.org/10.17816/2072-2354.2021.21.2.13-21>

Поступила: 12.05.2021

Одобрена: 19.05.2021

Принята: 24.05.2021

▪ Актуальность работы обусловлена необходимостью осмысления процесса формирования и содержательного наполнения категории «гражданское самосознание» в современном мире, исходя из принципов понимания философами категории «сознание» и «самосознание» в социально-гуманитарном знании. Цель исследования — рассмотрение отдельных аспектов гражданского самосознания не только посредством раскрытия его сущности, как современного проявления феномена осознанности человеком своего гражданского статуса, но также с позиций значимости его потенциала в социально-гуманитарном знании в целом. В качестве методологической основы исследования нами определяется гуманитарная проблематизация исследуемого материала, обеспечивающая философскую постановку проблемы исследования, что в сочетании с диалектическим методом позволяет осуществить всесторонний анализ категории «гражданское самосознание». Рассмотрение указанной нами категории позволяет определить, как путем развития общественного сознания происходит осмысление происходящих в обществе событий и явлений, а также установление места человека в общественно-политической жизни и, как следствие, самоопределение и самосознание человека в социуме. Множественность подходов к изучению формирования гражданского самосознания позволяет нам сделать вывод о высокой потребности рассмотрения данной проблематики во все исторические периоды. На основании сформированных представлений о самосознании нами установлены следующие модели самосознания человека и гражданина: «мир – человек», «мир – человек – трансформация», «мир 1 – человек – трансформация – мир 2», «мир 1 – человек – трансформация – мир 2 – цифра – человек». Таким образом, гражданское самосознание в структуре властных отношений представляет собой осознание субъектом своих навыков и способностей, наряду с действиями, совершаемыми субъектом в целях вовлечения в установленные властными структурами процессы.

▪ **Ключевые слова:** самосознание; самопознание; гражданское самосознание; самосознания субъекта; соучастующее проектирование; структура властных отношений.

FORMATION AND PRINCIPLES OF SOCIAL AND PHILOSOPHICAL UNDERSTANDING OF THE CATEGORY “CIVIC CONSCIOUSNESS”

E.M. Grober

Samara State Technical University, Samara, Russia

For citation: Grober EM. Formation and principles of social and philosophical understanding of the category “civic consciousness”. *Aspirantskiy Vestnik Povolzh'ya*. 2021;(3-4):13–21. DOI: <https://doi.org/10.17816/2072-2354.2021.21.2.13-21>

Received: 12.05.2021

Revised: 19.05.2021

Accepted: 24.05.2021

▪ The relevance of the work is due to the need of comprehending the process of formation and content filling of the category of “civic consciousness” in the modern world based on the principles of philosophers’ understanding of the categories “consciousness” and “self-consciousness” in social and humanitarian knowledge. The purpose of the study is to consider certain aspects of civic consciousness not only by revealing its essence, as a modern manifestation of the phenomenon of a person’s awareness of his civic status, but also from the standpoint of the significance of his potential in social and humanitarian knowledge in general. As a methodological basis of the research, we define the humanitarian problematization of the material under study, which provides a philosophical formulation of the research problem, which, in combination with the dialectical method, allows us to carry out a comprehensive analysis of the category of “civic consciousness”. Consideration of the category indicated by us allows us to determine how,

through the development of social consciousness, there is an understanding of the events and phenomena occurring in society, as well as the establishment of a person's place in social and political life and, as a result, self-determination and self-consciousness of a person in society. The plurality of approaches to the study of the formation of civic consciousness allows us to conclude that there is a high need to consider this issue in all historical periods. Based on the formed ideas about self-awareness, we have established the following models of self-awareness of a person and a citizen: "world – man", "world – man – transformation", "world 1 – man – transformation – world 2", "world 1 – man – transformation – world 2 – number – person". Thus, civic consciousness in the structure of power relations is the subject's consciousness of his skills and abilities, along with an awareness of the actions performed by the subject in order to be involved in the processes established by the power structures.

▪ **Keywords:** self-consciousness; self-knowledge; civic self-consciousness; self-consciousness of the subject; participatory design; structure of power relations.

Жизнедеятельность современного человека основана на взаимодействии субъекта с другими субъектами посредством личного, косвенного и цифрового контакта. Реалии XXI в. направляют субъекта на поиск новых идей и смыслов своего существования. Основу формирования сознания составляет медиaprостранство и цифровая среда.

Сознание и самосознание на всём протяжении развития истории философии являлись одними из основных тем в определении места человека в мире.

Рассмотрение отдельных аспектов гражданского самосознания целесообразно осуществлять не только посредством раскрытия его сущности, как современного явления феномена осознанности человека — гражданином, но также с позиций значимости его потенциала в социально-гуманитарном знании в целом. Нам представляется актуальной необходимость осмысления процесса формирования гражданского самосознания в современном мире, на основе развития пониманий философиями категории сознания и самосознания в социально-гуманитарном знании.

В истории философии проблема гражданского самосознания рассматривается в основном с позиций оценки места сознания в существовании человека. Проблемы сознания и самосознания в той или иной степени поднимались во все периоды развития философской мысли (Аристотель, Платон, Сократ, Гоббс, Локк, Камю и др.).

Вместе с тем, в настоящее время проблема самосознания гражданина рассматривается учёными с позиций формирования самосознания в подростковом возрасте. Так, Э.И. Никонова и Л.В. Абдрахманова рассматривают факторы формирования гражданского самосознания российской молодёжи в современных условиях [4]. Проблема самосознания также рассматривается в структуре властных отношений с позиций национальной и этической компоненты. Например, М. Терентьева изучает проблему этнического самосознания и государства [8].

В контексте проведённого нами исследования наиболее значимыми представляются аспекты формирования гражданского самосознания в процессе развития социально-гуманитарного знания во всем многообразии характерных особенностей, присущих различным историческим периодам рассмотрения самосознания субъекта.

В качестве методологической основы исследования отдельных аспектов формирования гражданского самосознания в процессе развития социально-гуманитарного знания нами определяется гуманитарная проблематизация исследуемого материала, обеспечивающая постановку проблемы исследования, что в сочетании с диалектическим методом позволяет осуществить всесторонний анализ гражданского самосознания. В рамках обусловленной спецификой данного исследования методологии следует отметить также индуктивный метод, способствующий переходу от анализа исторического рассмотрения проблемы сознания к особенностям рассмотрения гражданского самосознания в процессе развития цифровой экономики XXI в.

Анализ развития социально-гуманитарного знания в отношении проблемы сознания и самосознания человека, как субъекта социального взаимодействия, необходимость и принципиальная возможность применения моделей гражданского самосознания в условиях развития цифровой экономики XXI в. позволяет характеризовать сознание как одно из основных понятий философии, социологии и психологии, обозначающее человеческую способность идеального воспроизведения действительности в мышлении.

Происхождение сознания связано, прежде всего, с формированием культуры на основе практически-преобразовательной деятельности людей, с необходимостью закрепления, фиксации навыков, способов, норм этой деятельности в особых формах отражения [6]. Эти навыки, способы, нормы специфической человеческой деятельности имеют характерную

природу; возникают, осуществляются и воспроизводятся в совместной коллективной деятельности; поэтому закрепляющие их формы отражения всегда носят социальный характер. Таким образом, в более узком смысле сознание — высшая форма психического отражения, свойственна общественно развитому человеку. Без сознания оказывается невозможной совместная деятельность людей в одном поколении, а также передача опыта культуры от одного поколения к другому. Сознание, таким образом, выполняет функцию социальной памяти человечества, вырабатывая некоторые схемы воспроизводства накопленного человечеством опыта.

Возникновение и развитие сознания неразрывно связано с развитием языка как материального воплощения норм сознания.

Сознание выступает в двух формах: индивидуальной (личной) и общественной. Общественное сознание — отражение общественного бытия; формы общественного сознания — наука, философия, искусство, нравственность, религия, политика и т. д.

Чтобы определить модели устройства и применения самосознания человека и гражданина в современной социокультурной действительности, необходимо изначально установить формы существования сознания как категории социально-философской концепции. Так, сознание может быть интерпретировано в двух различных формах. Во-первых, индивидуальная форма сознания, которая отражает личностные особенности осмысления происходящих в обществе процессов и общественное сознание, коллективное, благодаря которому человек способен существовать в социуме, анализировать происходящие вокруг него события и осознавать их через призму коллективного мышления. При этом сознательность, осознанность и осознание тесно переплетены с понятием самосознания и составляют его базисную часть. Одним из наиболее актуальных понятий в современном обществе, по нашему мнению, является категория общественного сознания, так как именно благодаря ему оказывается возможным осознание происходящих в обществе событий и явлений, а также установление места человека в общественно-политической жизни и, как следствие, самоопределение и самосознание человека в социуме.

Историческая компонента развития самосознания связана с такими именами, как Аристотель, Платон, Гегель, Камю и др. [9]. При этом такой экзистенциальный философ, как Альберт Камю, считал сознание превосходящим над иными формами существования

человека, «ибо всё начинается с сознания, и ничто помимо него не имеет значения» [7]. В наиболее широком смысле мы будем понимать под сознанием, в первую очередь, совокупность всех знаний и представлений о мире, что непосредственно отражает гносеологическую концепцию философии, наиболее яркими представителями которой были Сократ, Декарт, Дж. Локк и др. При этом сознание обретает гносеологические (познавательные) функции.

Самосознание предстаёт, в свою очередь, по оценке социологов и представителей онтологической и социальной философии, как сознание человеком своего местонахождения в мире, или, как утверждали философы средних веков, предназначения человека в мироздании [3]. С позиций антропологической концепции философии, самосознание базируется на сознании человеком своих мыслей и действий посредством осознания себя как индивидуальности.

Принято классифицировать самосознание по трём уровням развития данной категории осознанности, а именно: самочувствие, осознание принадлежности к конкретной общности, «Я» — самосознание [2].

Самочувствие при этом отражает элементарный уровень самосознания, при котором сознается лишь механистическая работа своего собственного тела, движения, ощущения, восприятие. Однако благодаря даже указанному элементарному уровню самосознания человек способен отличать себя от мира предметов и вещей, а также определять свой вектор развития в социальной системе мироздания.

Второй уровень самосознания позволяет человеку относить свою личность к конкретно данной общности, классу, формации. Именно данный уровень характеризуется принадлежностью человека к определённой культурному коду и политическому строю.

Наиболее высокий уровень самосознания отделяет личность человека как определённую формацию, несомненно имеющую общие черты с другими людьми, с другими «Я», но тем не менее отличающуюся генетическими особенностями и сформированными в ходе социализации представлениями об окружающей действительности, с собственными переживаниями и осмыслениями происходящих явлений. Из изложенного выше следует, что третий, высший уровень самосознания определяет неповторимость личности и устанавливает феноменологический аспект в развитии самосознания, что характерно для начала XIX в. в развитии социальной философии. Человек способен контролировать свои

действия, поступки и эмоции, направлять их и осуществлять взаимодействие с другими участниками социума, формируя коллективное мышление, являясь актором политических и общественных трансформаций.

Таким образом, определяем, что модели самосознания человека и гражданина должны быть основаны на третьем уровне самосознания, при котором человек становится надындивидуальным активным субъектом общественных отношений. В данном исследовании предлагается рассмотреть три основных периода развития самосознания человека и гражданина и сформировать на основе данных периодов развития соответствующие модели самосознания.

Первый период, при котором самосознание предстаёт как элемент обыденности, можно характеризовать IV в. до н. э. – V в. н. э., при котором античный человек размышляет о своём месте в мироздании с позиций материалистических концепций и с учётом физических явлений и процессов. Самосознание при этом действует по следующей модели: «мир – человек». Человек сознает мир и пытается найти обоснование происходящим явлениям.

При второй модели самосознания, «мир – человек – трансформация», помимо осознания мира человеком, происходит осмысление процессов, которое находит отражение в действующем субъекте. При этом действующий субъект способен интерпретировать действия окружающих и моделировать собственное поведение на основе осознания себя в модернизированном социуме. Подобная модель самосознания находит отражение в революциях и реформах XVII–XIX вв.

С развитием медиатехнологий и появлением «мобильного человека» образуется категориально новая модель самосознания, при которой человек осознает свои действия и поступки путём регулярного обновления информационного контента через мобильные устройства, интерпретирует их и образует собственную реальность на основании переработанной осознанной информации и самосознания себя в мировом пространстве. Таким образом, данная модель состоит из следующих элементов: «мир 1 – человек – трансформация – мир 2». Гносеологические особенности человека при этом опираются на стихийную подборку информации в сети Интернет, основанную на наиболее частых просмотрах и повторении единого контента. При подобной модели самосознания человека, человек становится потребителем стихийного информационного контента, при этом на основании осмысления предложенной информации,

человек-гражданин формирует определённую позицию по интересующим его вопросам социально-политического устройства. Однако в данной модели необходимо учитывать высокую роль коллективного бессознательно-го мышления и, как следствие, осмысления процессов посредством ознакомления актора взаимодействия с субъективными оценками пользователей медиаконтента, что приводит к переоценке полученного контента в социальных медиа каналах получения информации.

Последняя представленная модель самосознания человека в настоящее время находит отражение в цифровой экономике больших данных, при анализе и осмыслении которой, возникает потенциальная возможность рассмотрения концепции «мир 1 – человек – трансформация – мир 2 – цифра – человек».

Таким образом, на основании сформированных представлений о самосознании нами сформированы основные модели самосознания человека и гражданина: «мир – человек» (IV в. до н. э. – XV в. н. э.), «мир – человек – трансформация» (XVI–XIX вв.), «мир 1 – человек – трансформация – мир 2» (XX в.), «мир 1 – человек – трансформация – мир 2 – цифра – человек» (XXI в. – наст. вр.).

Анализируя место самосознания в системе гражданско-правовых и гражданско-социальных взаимоотношений, важно отметить, что самосознание предстаёт как отдельная структурная единица в комплексной связи индивидуального и коллективного (общественного) сознания. При этом самосознание находится на границе отношений человека к обществу и политическому устройству [5].

Гражданское самосознание находит отражение в действиях и поступках человека-гражданина, основываясь при этом на утилитарно-прагматическом подходе, направленном на удовлетворение первоочередных потребностей социального человека, что отражает систему «мир – человек», а также на основе сознания себя в системе «государство – человек».

В наиболее широком смысле гражданское самосознание целесообразно рассматривать с позиций аксиологического (ценностного) направления философской мысли, получившей особое развитие в античной и средневековой философии, где вопрос о ценностях был ключевым в вопросе понимания бытия человека [1]. Наиболее ярким представителем аксиологического подхода при рассмотрении процессов сознания и самосознания является немецкий философ и социолог Шелер, который рассматривал человеческую личность как несовершенное отражение божественных ценностей. Отметим также, что подобный подход

относит гражданское самосознание к элементу личностного формирования человека. Субъективные представления человека об окружающей действительности, социальных общностях и группах, индивидуально-личностные взгляды и политические пристрастия подвержены влиянию из внешнего мира и, как следствие, изменению первоначальных субъективных представлений. При этом внешние события и факторы социальной среды способны оказывать косвенное и прямое влияние на субъект социального взаимодействия путём вовлечения человека в различные социальные системы и структуры.

Отдельно обращаем внимание на компоненты гражданского самосознания, образующиеся в процессе социального взаимодействия субъекта с другими субъектами, а именно: ценностные установки человека-гражданина, основанные на них смысловые и понятийные аспекты житейского мировоззрения, и, наконец, потребности в получении социального блага посредством прямого или косвенного участия в социально-политических процессах общества.

Гражданское самосознание как предмет социально-философского осмысления изучается современными исследователями, как правило, с позиций анализа поведенческих особенностей молодёжи и подрастающего поколения. Однако развитие гражданского самосознания не прекращается на всем протяжении жизнедеятельности человека, так как человек социален и находится в постоянном взаимодействии с окружающим миром и государственно-политическим устройством, развитие самосознания субъекта происходит непрерывно.

Впервые проблему самосознания поднимали античные философы с VI в. до н. э. по VI в. н. э., которые определяли самосознание как самостоятельную компоненту человеческого бытия. Одним из первых античных философов, который в своих размышлениях указывал на проблему сознания человеком государства и места в государственно-политическом устройстве, был Аристотель. В его трактате «Политика» (IV в. до н. э.) присутствует утверждение, что человек является политическим животным, из чего следует, что сознание человека определяется осознанием его места в политике и обществе в целом.

Более полное выражение проблема самосознания получила в учении Сократа, который не разделял философскую позицию софистов из-за поверхностного подхода к процессу перехода от познания к самопознанию. Грань

данного перехода Сократ осмысливал через слияние личностного проявления «Я» с предметным миром вещей и явлений.

Один из последователей Сократа, Ксенофонт, в своём трактате «Воспоминания о Сократе», продолжая развитие принципа «познай самого себя», утверждал, что в первую очередь необходимо познать самого себя, свои действия, свои мысли и поступки, только тогда человеку станет подвластно осознание тех вещей, на которые он способен или не способен. Сократ обращал внимание на способность человека находить счастье в осознании своих действий полезными для окружающих и для познающего субъекта, а также отмечал, что несчастным делают человека ошибки, совершенные из-за незнания и не осознания себя и своих поступков.

Важный принцип, который становится основой в последующем анализе проблемы гражданского самосознания, — это способность человека, познавая себя, познавать и других людей, что приводит к успешной организации общественного устройства.

Со времён развития античной философской мысли, проблема самопознания человека и гражданина рассматривалась философами Нового времени (XVII–XVIII вв.). Здесь категория самосознания развивается благодаря дуалистическому учению Декарта при осмыслении основного вопроса философии и рационалистическому подходу к гносеологическому осмыслению мира. Впервые в истории философской мысли Декарт поставил проблему научного осмысления самосознания как реальной научной единицы.

В период развития философии Нового времени особое внимание заслуживал рационалистический подход, сознание рассматривалось как инструмент гносеологии. Сознание вступало в тесную взаимосвязь со свободой и волей человека, тем самым становясь во главе познавательной способности человека, определению места человека в мире. Процесс познания рассматривался Декартом как «единство познания материального мира и процесса самопознания» [9].

Самопознание человека-гражданина в эпоху развития философии Декарта, рассматривалось как саморефлексия, к которой приходит человек, вступая во взаимодействие с внешним материальным миром. Субъект стремится познать себя до познания объективно реальности, что иллюстрирует «Я»-концепцию в отношении познающего субъекта.

Вместе с тем процесс самопознания возможен лишь на основе познания окружающего мира вещей, объективной реальности.

Декартом вводится разделение самосознания (осознанности) от самопознания (познание), при этом мыслитель определяет самосознание познающего субъекта, как самопознание через логическую детерминированность мышления человека. Окружающая действительность в сознании человека, согласно философии Декарта, предстаёт как рефлексия на объективную реальность.

Несмотря на активное развитие философии самосознания Декарта, самое большое внимание проблеме самосознания уделяется немецкой философской школой (XVIII–XIX вв.). Наиболее яркие представители немецкой философской мысли — Кант, Фихте, Гегель. Философские концепции данных мыслителей заслуживают особого внимания при определении видения самосознания человека-гражданина в период развития немецкой философии.

Например, Кант, в первую очередь, обращается к проблеме познающего субъекта и гносеологического самосознания. Основой познания представляются такие категории, как чувственное и рациональное. Познающий субъект осознает реальность через своё восприятие действительности и формирует качественно новую реальность, создавая при этом собственное гносеологическое поле осознания мира.

Самосознание в немецкой классической философии рассматривается с позиций отношения субъекта к категории познания в целом, определяя наиболее общие тенденции гносеологического подхода в осмыслении субъекта.

История философской мысли при рассмотрении гражданского самосознания находит наиболее полное отражение в философии экзистенциализма. Человек рассматривается через художественное осмысление чувственных характеристик субъекта, уделяется особое внимание переживаниям, сопереживаниям и страданиям человека, рефлексии на внешний мир вещей, как, собственно, Декартом было положено начало в анализе рефлексии сознания человека на гносеологическую оценку окружающей действительности. В экзистенциальной философии самосознание превышает сознание и самопознание выступает следствием самосознания.

Таким образом, можно сделать вывод, что история философии происхождения гражданского самосознания основана на двух базисных подходах к рассмотрению сознания и осознанности субъекта: функциональный и субстанциональный.

При этом функциональный подход получает своё развитие в XVII–XVIII вв., занимая

направление эмпиризма, что также тесно связано с концепцией вульгарного материализма. Сознание при функциональном подходе рассматривается как особая функция человеческого мозга, благодаря которой человек способен осознавать происходящую действительность. Сознание рассматривается исключительно как материальный объект, так как мозг человека вырабатывает и воспроизводит мысли точно так же, как и печень человека вырабатывает желчь. Подобное очевидное сравнение социального, духовного и материального присуще вульгарному материализму. Наиболее яркими представителями при рассмотрении сознания путём применения функционального подхода являются Демокрит, Эпикур, Гоббс, Локк, Гельвеций.

Вместе с тем субстанциональный подход отличает сознание как субстанцию, лежащую в основе всех форм земного бытия.

Надмировое сознание составляет основу рассмотрения человеческого сознания. При подобном рассмотрении сознание субъекта представляет собой часть или итоговый продукт всеобщего мирового сознания. Основные представители субстанционального подхода — это античные философы Платон и Аристотель; в средневековой философии сознание рассматривается с точки зрения субстанционального подхода в учениях Августина и Аврелия, позднее — в трудах Декарта, Гегеля и других мыслителей.

Многогранность подходов к изучению формирования гражданского самосознания позволяет нам сделать вывод о высокой потребности рассмотрения данной проблематики во все исторические периоды. Несмотря на изменение социального строя или политических направлений, проблема сознания, самосознания и самопознания человека в обществе остаётся актуальной и в современном мире.

В настоящее время в истории философской мысли наблюдается уклон в сторону социальной проблематики бытия человека. При этом социальная компонента выступает определяющей по отношению к рассмотрению различных форм отношения человека с миром. Проведённый нами анализ показал, что проблема сознания человека выявляется на предынстинктивных способностях субъекта к осознанию действительности. В таком случае самосознание представляет собой форму индивидуального восприятия человеком окружающей действительности и вещей, материального мира, находящихся вокруг человека и его близкого окружения.

Как следствие, самосознание человека связано с его близким (непосредственным) и с дальним (косвенным) кругом окружения. Представляется, что непосредственный круг окружения человека осознает некий эмоциональный фон, представляющий свою микрофлору из чувств, переживаний и сопереживаний на внешнюю среду, в то время как косвенный круг окружения ежемоментно стремится привнести в жизнедеятельность субъекта ситуации, не свойственные привычному образу и ритму жизни человека.

Тем самым создаётся некая среда, в которой происходит противостояние, смирение и принятие факторов окружающей действительности.

При этом в то время, когда факторы окружающей действительности затрагивают интересы масс в контексте жизнедеятельности субъекта в государственном устройстве, самосознание индивида трансформируется в гражданское самосознание и действия человека, производные от влияния внешних факторов социального мира формируют ответную реакцию и осознание себя в мире гражданственности и общественного устройства. Переход от самосознания к гражданскому самосознанию представляется не столь значимым, как формирование данного гражданского самосознания путём вовлечения субъекта во властные отношения, сформированные на территории, относящейся к территории пребывания субъекта.

Так, принятие определённых решений во властных структурах в сфере экономики, политики, социальной и культурных сферах, а также иных направлений деятельности государственного аппарата, влечёт за собой набор новых навыков и функций, которыми должен обладать субъект, в целях адаптации к современным условиям и социальной интеграции в процессы жизнедеятельности.

Таким образом, гражданское самосознание в структуре властных отношений представляет собой осознание субъектом своих навыков и способностей, наряду с действиями, совершаемыми субъектом в целях вовлечения в установленные властными структурами процессы.

Развитие цифровой экономики в Российской Федерации принято связывать с Посланием президента Российской Федерации Федеральному собранию Российской Федерации от 1 марта 2018 г. Начиная с этого времени цифровой экономике уделяется особое внимание в различных дисциплинарных областях. В социо-гуманитарной сфере феномен цифровой экономики принято рассма-

тривать с позиций влияния цифровизации на человека, рассматриваются также отдельные аспекты сбора, анализа и обработки информации, в частности, технологии Big Data позволяют установить взаимосвязи событий и явлений, не доступные при прямом анализе социальных закономерностей на основе социологии, психологии или философии.

Человек подвержен влиянию цифрового пространства вне зависимости от того, в каком окружении он находится (непосредственном или косвенном, что было нами рассмотрено ранее). Более того, субъект представляется передатчиком цифровой информации другим субъектам социального взаимодействия, тем самым субъект способен своими действиями оказывать непосредственное и опосредованное влияние на других субъектов, совершая при этом минимальные усилия.

Осознание субъектами своих действий и поступков при этом осуществляется, как правило, в случае возникновения ситуации, выводящий человека из равновесия. Подобный феномен возможно сравнить разве что с экзистенциальным подходом в философии, при котором субъект путём сильного асоциального переживания осознает своё место и роль в мире и меняет, перестраивает, переконструирует своё самосознание [7].

Цифровые платформы, которые создаются коммерческим сектором экономики, вовлекают субъекта в социальные взаимодействия при наличии у субъекта доступа к сети Интернет, совершенно иной подход наблюдается при рассмотрении действия цифровых платформ, функционирующих от органов власти, оказывающих влияние на территории пребывания субъекта. Так, государственная цифровая платформа направлена на выполнение следующих основных задач:

- информирование о текущей ситуации на территории пребывания субъекта;
- ознакомление со структурой и спецификой властных отношений;
- вовлечение в элементы государственной поддержки субъекта.

При этом цифровые платформы позволяют субъекту самостоятельно проанализировать, осознать процессы и явления, затрагивающие интересы социальной сферы человека-гражданина.

Вместе с тем, пользование цифровой платформой субъектами становится необязательным благодаря ретрансляции новостных публикаций об официальных событиях, происходящих на территории пребывания субъекта, а также популяризации мер государственной поддержки, проводимых на

конкретной территории. Роль цифровой экономики при этом отводится сбору, обобщению форм вовлечения населения в процессы государственного управления.

Властными структурами, при стремлении обеспечить единый подход к систематизации и анализу гражданской активности, устанавливаются новые правила и ограничения для участия граждан в политических и социальных процессах.

Осознание субъектом места и роли в социальной жизнедеятельности позволяет ему урегулировать изменения, происходящие в окружающем мире. Однако самосознание гражданина отличается от вышеупомянутого осознания, самосознание гражданина подвержено реакции государственного сектора на проявления действий субъекта по итогам осознания предоставленных возможностей. В зависимости от поддержки или отторжения субъекта от предоставленных возможностей, субъектом формируется гражданское самосознание.

Цифровая компонента формирования гражданского самосознания при этом основана на формальном цифровом анализе действий субъекта без придания социальной значимости действий субъекта.

Таким образом, можно сделать вывод, что влияние цифровой экономики на формирование положительного гражданского самосознания до сих пор не совершенно. Однако существуют предпосылки по регулированию гражданского самосознания со стороны властных структур. Данная тенденция может обрести также негативные последствия, основанные на осознании субъекта как самостоятельной действительной единицы.

На основании вышеизложенного есть основание утверждать, что гражданское самосознание является одним из важнейших элементов развития цифровой экономики, без которого не представляется анализ иных сфер жизнедеятельности человека и гражданина. Именно в общественном сознании происходит осознание происходящих в обществе событий и явлений, а также установление места человека в общественно-политической жизни и, как следствие, самоопределение и самосознание человека в социуме.

Многогранность подходов к изучению формирования гражданского самосознания позволяет нам сделать вывод о высокой потребности рассмотрения данной проблематики во все исторические периоды. Несмотря на изменение социального строя или политических направлений, проблема сознания, самосознания и самопознания человека

в обществе остаётся актуальной и в современном мире.

Гражданское самосознание находит отражение в действиях и поступках человека-гражданина, основываясь при этом на утилитарно-прагматическом подходе, направленном на удовлетворение первоочередных потребностей социального человека, что отражает систему «мир – человек», а также на основе сознания себя в системе «государство – человек».

Осознание субъектом места и роли в социальной жизнедеятельности, позволяет субъекту урегулировать изменения, происходящие в окружающем мире. При этом гражданское самосознание является одним из важнейших элементов развития цифровой экономики, без которого не представляется анализ иных сфер жизнедеятельности человека и гражданина.

Список литературы

1. Браун О.А., Аркузин М.Г. Подходы к определению и структурно-содержательные характеристики понятия «Гражданское самосознание личности» // Профессиональное образование в России и за рубежом. 2017. № 4 (28). С. 176–180.
2. Бутенко Н.А. Содержание цивилизационного самосознания и возможность его трансформации в современных условиях // Манускрипт. 2020. Т. 13, № 8. С. 123–126. DOI: 10.30853/manuscript.2020.8.21
3. Липчанская И.В. К вопросу о значимости духовного производства в развитии современного гуманитарного знания // Гуманитарий Юга России. 2020. Т. 9, № 3. С. 177–189. DOI: 10.18522/2227-8656.2020.3.13
4. Никонова Э.И., Абдрахманова Л.В. Факторы формирования гражданского самосознания российской молодежи в современных условиях // Вестник экономики, права и социологии. 2020. № 1. С. 138–141.
5. Палий В.М. Соотношение ценностей управления и самосознания индивида в условиях модернизации институтов власти // Вестник Московского университета МВД России. 2020. № 4. С. 204–208. DOI: 10.24411/2073-0454-2020-10230
6. Парамонова С.П., Сунцов Ю.В. Институт гражданского самосознания — фактор развития общества в условиях современности (на примере Западно-Уральского региона) // Вестник ПНИПУ. Социально-экономические науки. 2018. № 4. С. 38–50. DOI: 10.15593/2224-9354/2018.4.3
7. Счастливецва Е.А. Изгибы абсурдного сознания в философии А. Камю // Вестник ВятГУ. 2016. № 12. С. 5–9.
8. Терентьева Моралес Л.В. Этническое самосознание и государство // Интерактивная наука. 2016. № 10. С. 38–41. DOI: 10.21661/r-114964
9. Щенникови В.П., Белоглазова О.Н. Проблема самосознания в истории философии // Вестник КемГУ. 2011. № 1(45). С. 195–199.

References

1. Braun OA, Arkuzin MG. Approaches to definition and structurally substantial characteristics of the concept "civil consciousness of the personality". *Professional Education in Russia and abroad*. 2017;(4(28)):176–180. (In Russ.)
2. Butenko NA. Content of civilised self-consciousness and possibility of its transformation in present-day conditions. *Manuskript*. 2020;13(8):123–126. (In Russ.) DOI: 10.30853/manuskript.2020.8.21
3. Lipchanskaya IV. On the importance of spiritual production in the development of modern humanitarian knowledge. *Humanities of the South of Russia*. 2020;9(3):177–189. (In Russ.) DOI: 10.18522/2227-8656.2020.3.13
4. Nikonova EI, Abdrakhmanova LV. Factors of the formation of civic consciousness of Russian youth in modern conditions. *The Review of Economy, the Law and Sociology*. 2020;(1):138–141. (In Russ.)
5. Paliy VM. Correlation of values of management and self-consciousness of the individual in the conditions of modernization of power institutions. *Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii*. 2020;(4):204–208. (In Russ.) DOI: 10.24411/2073-0454-2020-10230
6. Paramonova SP, Suntsov YuV. The institution of civic self-awareness as a factor of the social development in the present conditions (the case of the Western Ural region). *Vestnik PNIPU. Social'no-ekonomicheskie nauki*. 2018;(4):38–50. (In Russ.) DOI: 10.15593/2224-9354/2018.4.3
7. Schastlivtseva EA. Bend a conscience of the absurd in philosophy A. Camus. *Herald of Vyatka State University*. 2016;(12):5–9. (In Russ.)
8. Terent'eva Morales LV. Ethnical consciousness and the government. *Interaktivnaya nauka*. 2016;(10):38–41. (In Russ.) DOI: 10.21661/r-114964
9. Shchennikov VP, Beloglazova ON. The problem of self-actualization in the history of philosophy. *Bulletin of Kemerovo State University*. 2011;(1):195–199. (In Russ.)

■ Информация об авторе

Ева Михайловна Гробер — аспирант кафедры философии и социально-гуманитарных наук института инженерно-экономического и гуманитарного образования. ФГБОУ ВО «Самарский государственный технический университет», Самара, Россия. E-mail: evagrober@yandex.ru

■ Information about the author

Eva M. Grober — Postgraduate student of the Department of Philosophy and Social and Humanitarian Sciences of the Institute of Engineering, Economic and Humanitarian Education. Samara State Technical University, Samara, Russia. E-mail: evagrober@yandex.ru

ДИАЛЕКТИЧЕСКИЕ И ДЕЯТЕЛЬНОСТНЫЕ ОСНОВЫ ДЛЯ СОВРЕМЕННОГО ИСХОДНОГО ОПРЕДЕЛЕНИЯ НАУКИ

Р.В. Сорокин

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского», Нижний Новгород, Россия

Для цитирования: Сорокин Р.В. Диалектические и деятельностные основы для современного исходного определения «науки» // Аспирантский вестник Поволжья. 2021. № 3–4. С. 22–30. DOI: <https://doi.org/10.17816/2072-2354.2021.21.2.22-30>

Поступила: 20.05.2021

Одобрена: 27.05.2021

Принята: 01.06.2021

▪ Статья посвящена актуальной проблеме неопределённости науки. Прделанная работа не только способствует снятию/разрешению этой современной проблемы, но и содействует теоретическому осмыслению необходимости качественных изменений в сфере научной деятельности, максимально органичному сочетанию теории с практикой по формированию новой формы науки, гарантированно снимающей глобальные опасности и неопределённости научно-технического развития. Автором представлены основы для формирования/формулировки современного, общего определения науки, отсутствие коего и говорит о наличии вышеозначенной проблемы. Цель исследования — дать современное общее определение науки, сделав серьёзный шаг, если не к окончательному решению, то к общезначимому разрешению данной проблемы. По мнению автора, все содержательные элементы, необходимые для формирования/формулировки современного общего определения науки, уже выявлены, но не структурированы. Высокой значимостью в деле решения этой проблемы обладает методологический подход, и акцент следует сделать на диалектике, а не формальной логике. В диалектической методологии необходимо обратиться к теории диалектического развития от абстрактного к конкретному, а также общей теории деятельности. Специфика науки определяется в последовательном раскрытии содержания науки как знания, как индивидуально-коллективной, интерналистско-экстерналистской деятельности и как сферы общественной жизни. В результате анализа этих аспектов автор выходит на исходное, общее и актуальное определение науки.

▪ **Ключевые слова:** наука; определения; знание; деятельность; наукофера; экстернализм; интернализм; методология; диалектика; логика.

DIALECTICAL AND ACTIVITY-BASED FOUNDATIONS FOR THE MODERN ORIGINAL DEFINITION OF SCIENCE

R.V. Sorokin

National Research Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod, Nizhny Novgorod, Russia

For citation: Sorokin R.V. Dialectical and activity-based foundations for the modern original definition of “science”. *Aspirantskiy Vestnik Povolzhya*. 2021;(3-4):22–30. DOI: <https://doi.org/10.17816/2072-2354.2021.21.2.22-30>

Received: 20.05.2021

Revised: 27.05.2021

Accepted: 01.06.2021

▪ The article is devoted to the actual problem of uncertainty in science. The work done not only contributes to the removal/solution of this modern problem, but also contributes to the theoretical understanding of the need for qualitative changes in the sphere of scientific activity, the most organic combination of theory with practice to form a new form of science, guaranteed to remove the global dangers and uncertainties of scientific and technological development. The author presents the basis for the formation of a modern, general definition of science, the absence of which indicates the presence of the above problem. The aim of the research is to give a modern general definition of science, making a serious step, if not to the final solution, then to a generally meaningful solution of this problem. In the author's opinion, all substantive elements necessary for forming a modern general definition of science have already been identified, but they are not structured. The methodological approach has a high importance in solving this problem, and the emphasis should be placed on dialectics, rather than formal logic. In dialectical methodology, it is necessary to refer to the theory of dialectical development from the abstract to the concrete, as well as the general theory of activity. The specificity of science is defined in the consistent

disclosure of the content of science as knowledge, as individual-collective, internalist-externalist activity and as a sphere of social life. As a result of the analysis of these aspects the author comes to the initial, general and actual definition of science.

■ **Keywords:** science; definitions; knowledge; activity; scientosphere; externalism; internalism; methodology; dialectics; logic.

Сегодня не вызывает никаких сомнений тот факт, что наука является одним из ключевых феноменов современной техногенной цивилизации. Кажется, вполне логичным ожидать конкретности и даже точности в определении данного доминантного феномена.

Однако реалии таковы, что «сегодня нет однозначного определения науки. В различных литературных источниках их насчитывается более 150» [2, с. 10]. Анализ различных образов науки, как и попытки их обобщения, совершались неоднократно. В трудах В. Виндельбанда и Г. Риккерта исследовались трансцендентальные элементы научного знания, что продолжило традицию, заложенную И. Кантом. Представители марбургской школы неокантианства (П. Наторп, Э. Кассирер) рассматривали роль науки в развитии духовной культуры. Общее учение о науке, её задачах и целях разрабатывал Т. Гексли. М. Бергло изучал связи науки и нравственности. Работы Э. Маха, В. Рентгена, А. Эйнштейна, В. Гейзенберга содержат осмысление результатов познания в конкретных областях науки. Вопросу реализации универсалистской концепции науки посвящены исследования А. Макинтайра, Ф. Анкерсмита, А. Мегилла, Р. Коллинза. Уточнение причин модификации философских образов науки содержится в трудах Э. Гуссерля, М. Хайдеггера, А.Н. Уайтхеда и И.Р. Пригожина. В работах М. Шелера и М. Мерло-Понти обосновывалась перспектива интерпретации науки как специфической формы сознания. К сожалению, формат работы не позволяет остановиться подробно на истории обсуждения данной проблемы в отечественном и зарубежном научном пространстве (такая цель и не ставится). История исследования данной проблематики подробно излагается в работах С.Б. Куликова [15–17].

В то же время существуют аргументы, обосновывающие позицию, согласно которой ситуация отсутствия общего определения науки не является проблемной, особенно при наличии общего понимания таковой. «Попытки выработать точное определение науки, научного знания, научного метода, которое позволило бы отделить науку от других форм общественного сознания и видов деятельности — не увенчались успехом, — констатирует коллектив отечественных иссле-

дователей. — И это вполне естественно, ибо в процессе исторического развития границы между наукой и не-наукой постоянно меняются: то, что вчера было не-наукой, сегодня обретает статус науки» [7, с. 116]. По мнению А.А. Ивина, никаких однозначных, сколь угодно жестких критериев, отделения науки от ненауки не существует. Научное познание бесконечно и пока оно будет продолжаться, понятие науки будет оставаться неясным и неточным, и значение определения науки не следует переоценивать. Понятие науки подобно «семейным» понятиям Л. Витгенштейна — «язык», «игра», «пейзаж» и т. д. [10, с. 9–10]. Как утверждает Л. Витгенштейн, в сложных случаях, даже при наличии одного слова и уверенности в его родовой определенности, нельзя найти общие признаки у предметов этим словом обозначаемых [6, с. 265–266]. Согласно К. Попперу, требование строгих определений является излишним и даже вредным педантизмом в опытных науках, или эта проблема может сниматься указанием на «методологический номинализм» [22, с. 63–65]. Дж. Бернал считает, что невозможно создать какое-либо универсальное и адекватное определение науки, и предложил несколько широких формулировок. Он говорит о бесполезности и бесплодности такого порядка исследования, утверждая, что работать надо с множествами конкретных смыслов науки [4, с. 8]. Проблема определения науки во многом снимается указанием на её реальную сложность. Как отмечают некоторые авторы, этот вывод созвучен «парадигме сложности» [3, с. 59–70].

Глубина проблемы современной неопределённости науки

И всё же отсутствие общего определения науки представляется некоторой проблемой. Сегодня можно говорить о расхождении научного и философского познания/понимания науки. Подобную ситуацию исследователи связывают, во-первых, с многообразием образов науки, как в самой науке, так и в философии науки, а во-вторых, с несоответствием данных образов. Отмечается наличие диссонанса и в философской рефлексии науки, обусловленного потребностью в едином образе науки

(для более успешного решения социокультурных задач), и несистемностью формирования подобных образов в ситуации разнообразия форм философской рефлексии. Различные способы представления науки являются частью базисных научных идей. Их множественность создаёт трудности в отношении «исходных интенций науки — обозреть универсум с точки зрения единых принципов строения природы и основных взаимодействий в её рамках» [14, с. 169]. Сложность и противоречивость науки приводит к тому, что она становится малопонимаемой вне рамок сообщества учёных и воспринимается через призму сложившихся стереотипов.

Кроме того, развитие высоких технологий продуцирует возможность возникновения непредсказуемых и, возможно, необратимых последствий. Характеризуя современный этап развития философского познания науки, через поиск и выделение противоречий, затрудняющих построение единого образа науки, эта возможность видится в обнаружении генетической связи современного состояния проблематики и возникновении сомнений в родстве философской и научной рефлексии [14]. Для решения рассматриваемых проблем ряд исследователей предлагает использовать оригинальную информационно-синергетическую исследовательскую модель выявления механизмов нелинейной динамики когнитивных и социокультурных систем [14, 20].

В то же время, наука оказывается предметом ожесточённой критики. Она сопоставляется с философией, которая является сферой постоянных диспутов. Наука при этом воспринимается как нечто более конкретное и определённое. В подобной ситуации неопределённость последней интерпретируется как мыслительная недостаточность. Кроме того, неопределённость науки способствует эскалации постмодернистской критики рациональности и продуцирует тенденцию, в рамках которой происходит подмена понятий концептами.

Негативным следствием оказывается проблематизация надёжности оснований всяких исследований науки. По мнению ряда исследователей, происходит деформация «силы языка» современного научно-философского дискурса [19, с. 196–200; 24, с. 93–97].

Могут возникать ситуации, в которых одно значение будет исключать другое. Известен случай, когда физик с мировым именем, лауреат Нобелевской премии Р. Фейнман дал отрицательный ответ на вопрос: математика — наука или нет? [15, с. 56].

Кроме того, принятие неудачного определения науки может привести к ситуации, когда обществу под видом науки могут быть навязаны противостоящие ей теории. Актуальной остаётся проблема креативного, творческого влияния на общество понимания сути науки предлагаемого той или иной традицией. Всё это требует внимательного и ответственного отношения к принятию того или иного определения науки. Конечно принцип свободного выбора должен иметь место. Однако стоит помнить, что определения могут быть пустой формой и ничего не отражать, кроме упомянутой свободы выбора.

В основе критики перманентности проблемы неопределённости науки некоторые исследователи видят отсутствие обоснованных критериев и структуры соотношения научной определённости и неопределённости [19].

Наука претендует на то, чтобы быть наиболее полным, объективным и совершенным знанием человечества. Но такому знанию не следует демонстрировать изначальную неопределённость и бесформенность.

Многое говорит о том, что окончательное, устраивающее всех *решение* проблемы неопределённости науки не представляется возможным. Однако есть веские основания полагать, что возможен серьёзный шаг к общезначимому современному *разрешению* данной ситуации.

О наличии проблемы и возможности её *разрешения/снятия* мы судим на основе множества указаний на существующий ряд специфических смыслов науки. Приведём подобные представления:

- «термин „наука“ употребляется во множестве значений. Как научно-техническая революция, социальный институт, деятельность, академическая дисциплина, знание» [27, 28];
- «наука — это одновременно и система знаний, и их духовное производство, и практическая деятельность на их основе» [23];
- «науку в целом можно рассматривать с трёх точек зрения, как особую систему знаний, как особую систему общественных организаций и учреждений, вырабатывающих, хранящих, распространяющих и внедряющих эти знания, как особый вид деятельности — систему научных исследований, удовлетворяющих особым критериям и проводимым по своим особым правилам» [26];
- «сфера человеческой деятельности, функцией которой является выработка и теоретическая систематизация объективных знаний о действительности» ... «термин „наука“

- употребляется также для обозначения отдельных отраслей научного знания» [2];
- «одна из сфер человеческой деятельности», термин „наука“ также используется для обозначения отдельных областей научного знания» [7];
 - «основные стороны бытия науки: 1) сложный, противоречивый процесс получения новых специфических знаний; 2) полученный результат; 3) социальный институт со всей своей инфраструктурой: организации науки, научные учреждения, профессиональные объединения...; 4) особая область человеческой духовной деятельности, важнейший элемент (сторона) культуры» [25];
 - «слово „наука“ имеет целый ряд значений: 1) сфера человеческой деятельности, функция которой — выработка и систематизация объективных знаний о действительности; 2) одна из форм общественного сознания; 3) обозначение для отдельных областей знания — математики...; 4) социальный институт, ведущий компонент социальной структуры общества, интегрирующий и координирующий познавательную деятельность множества людей, упорядочивающий в научной сфере социальной жизни» [9];
 - «наука многоаспектный... феномен, ибо он предстаёт и как социальный институт, и как определённая деятельность по производству знаний, и как традиция, позволяющая этой деятельности осуществиться» [21];
 - «наука в целом представляет собой сложнейшее явление. Акцентируя внимание на целях и задачах науки, можно дать следующее определение науки, наука — это специфическая деятельность по производству новых знаний. Акцентируя внимание на специфике научной деятельности, можно дать следующее определение науки, наука — это специфическая эмпирическая и теоретическая деятельность, направленная на получение истинных знаний о мире. Принимая во внимание нормативную сторону научной деятельности, определение науки — это деятельность, регулируемая идеалами и нормами получения, объяснения и построения научного знания»; «принято выделять несколько форм бытия науки: деятельность по получению нового знания, особое мировоззрение, специфическое знание, социальный институт»; «наука в культуре современной цивилизации» [11, с. 5, 71, 94];
 - «под образом науки в современной философии подразумевается совокупность спосо-

- бов понимания, порождённых, в частности, процедурами осмысления социокультурных последствий научно-технического прогресса». Философская рефлексия этих последствий «позволяет выделить как минимум три обобщённых образа науки: 1) наука как ценность в культуре; 2) био-власть; 3) технонаука» [16];
- «наука — это комплекс положений, основанных на экстраординарных предположениях природы знания» [29].

Представленные дефиниции, указывающие на множество смыслов науки, с одной стороны, подтверждают тезис о неопределённости науки, однако, с другой стороны, позволяют надеяться, что здесь уже собраны важнейшие определения смысла науки, что закладывает основу и даёт материал для современного преодоления проблемы неопределённости науки.

Специфика современной ситуации неопределённости науки. Методология

Суть современной ситуации с неопределённостью науки отражает известная диалектическая идея о необходимом гармоничном единстве формы и содержания [18]. Вышеизложенное позволяет считать, что уже выявлены все содержательные элементы, необходимые для формирования/формулировки современного общего определения науки. Однако пока они не организованы в соответствующую структуру. Отсутствие такой структуры и служит глубинным основанием появления всё новых и новых определений науки. При отсутствии адекватной соответствующей структуры, связывающей все компоненты понятия «наука» (вспомним один из идеалов такого положения дел — классификацию научного знания у О. Конта), каждый серьёзный исследователь будет подгонять определение науки под свою субъективную логику изложения материала.

Учитывая современную специфику ситуации, следует подчеркнуть высокую значимость в деле решения вышеобозначенной проблемы методологического подхода, а именно диалектического. Так, близкая нам попытка преодоления проблемы неопределённости науки не привела к решению таковой, поскольку акцент был сделан не на диалектику, а на формальную логику [19].

Здесь же отметим значение общей теории деятельности. Определение науки через «деятельность» достаточно распространено. Но суть не в том, чтобы просто указать на саму

непосредственную активность, а в необходимости всесторонне учесть при этом все выделяемые в теории деятельности компоненты (субъект, объект, средства, непосредственный процесс, результат, условия, система, среда деятельности), как значимые для определения научной деятельности.

В диалектической методологии, прежде всего, мы обращаемся к теории диалектического развития от абстрактного к конкретному [1]. На основе этого чётко дифференцируем два известных смысла науки: исходный — наука как специфический вид знания («научное знание»), и завершающий — наука как специфическая сфера общественной жизни («научная сфера» или «наукофера»). Это позволяет предельно точно зафиксировать важнейший проблемный аспект в определениях науки. Таковым является строгое определение «научной деятельности», а именно — её структурная форма. Опираясь на теорию деятельности и учитывая объективную жизненность диалектических противоположностей, выделяем три сущностных смысла науки — наука как знание, как научная деятельность и как наукофера.

Срединный компонент — наука как научная деятельность — более точно определяется при помощи двойного единства противоположностей: индивидуально-коллективного и интерналистско-экстерналистского. Следует обратить внимание, что здесь нет прямого упоминания о науке как социальном институте. Это не случайно, поскольку полный учёт специфики научной деятельности изначально включает в себя проблематику науки как социального института. В соответствии с этим, специфика науки определяется в последовательном раскрытии содержания науки как знания, как индивидуально-коллективной, интерналистско-экстерналистской деятельности и как сферы общественной жизни.

Следует отметить, что акцентуация трёх вышеназванных основных значений науки (наука как знание, как научная деятельность и как наукофера) в принципе, успешно соотносится с общей логикой роста общественного интереса к глубокому и полному пониманию науки. Дальнейшая логика исследования определяет необходимость проведения последовательного анализа специфики трёх вышеназванных дефиниций. При этом будут затронуты наиболее значимые темы науки в достаточно очевидной, аксиоматической форме. Это должно способствовать практическим (например, дидактическим) целям. Предполагаем, что акцентуация этих трёх смыслов науки позволит сформулировать претендующее на общезначимость определе-

ние таковой, а следовательно, дать современное разрешение проблемы неопределённости науки.

Специфика определения науки как знания

Первым, исходным смыслом является понимание науки, как научного знания. Только при наличии представления о специфике научного знания, можно говорить обо всех других возможных смыслах науки. Проблематика науки, как научного знания охватывает огромный историко-теоретический материал, рассматриваемый при исследовании критериев научности знания, его истинности. К таковым относят: объективность; логическую выверенность; системную организованность; теоретичность; эмпирическую подтверждаемость (верификацию); критичность (фальсификацию, принципиальную открытость к новому); практическую проверяемость; когерентность, красоту, простоту (для сложных случаев).

Работая с пониманием науки, как научного знания, всегда следует иметь в виду, что последнее является собирательным понятием, объединяющим весьма разные дисциплины. Вследствие этого возникает сложная ситуация. Например, такой критерий, как эмпирическая подтверждаемость, не распространяется на логико-математическое знание. Необходимо подчеркнуть исключительную важность данного положения: в своём пределе эта ситуация может вести к постмодернистскому отрицанию осмысленности рассуждений о науке вообще, поскольку таковой нет или она — фикция.

Специфика определения науки, как научной деятельности

Определение науки как научной деятельности имеет широкое распространение. Следует отметить, что определение науки как знания, являясь итогом и смысловой ориентацией, делает деятельность именно научной. При этом происходит некоторая акцентуализация определения науки как деятельности, что функционально связано с ростом внимания к науке в современном мире.

При использовании определения науки как знания, последняя предстаёт как итоговый результат. При этом производство, систематизация и целый ряд других процессов оказываются вне границ её определения.

Определение науки как научной деятельности, в свою очередь, максимально актуализи-

рует процесс производства научного знания. При этом необходимо помнить о специфике науки как знания, являющегося целью научной деятельности. Конечно, следует признать сохранение вопроса о содержании этой «научной деятельности».

Анализ используемых в определениях науки представлений о «научной деятельности» указывает, что таковая берётся достаточно абстрактно. Точное или полновесное определение «научной деятельности» с необходимостью выводит на четыре аспекта этой деятельности — индивидуальный, коллективный, интерналистский, экстерналистский, которые, диалектически мысля, нужно рассматривать через неразрывную диалектическую связь противоположностей: индивидуального и коллективного, интерналистского и экстерналистского.

Специфика определения науки как социального института

Общая абстрактность определения «научной деятельности» прямо связана с самим фактом наличия темы «наука как социальный институт». Представление о науке как социальном институте сейчас достаточно распространено. Содержательно полноценное понятие «научная деятельность», объективно содержательно обедняет и делает вспомогательным понятие «наука как социальный институт». Возникает проблема выбора. В этом случае нам представляется более перспективным ориентироваться на содержательно точное определение научной деятельности.

Некоторой точкой отсчёта в определении специфики индивидуальной научной деятельности может быть известная позиция неопозитивистов. Стремясь избавить науку от всего субъективного (можно сказать, добиться абсолютной тождественности бытия и мышления), неопозитивисты фактически, свели к нулю специфику индивидуальной научной деятельности [13].

Представители постпозитивизма указали, что неопозитивистское понимание научной деятельности оставляет за бортом теоретического интереса очень много значимой для реального научного познания информации. Доказательством этого может служить концепция неявного знания (полностью или частично не эксплицированного) М. Полани. К широкой трактовке научной деятельности — включающей в неё и личные особенности, и общие эвристические, методологические подходы учёного — также ведёт

общее понимание цели науки как приращения знания (К. Поппер) и то, что на этом пути все средства хороши, «anything goes» (П. Фейерабенд). Перспективней согласиться с правой постпозитивизма. Здесь же нужно иметь в виду всё непосредственное окружение и средства индивидуальной научной деятельности (Б. Латур).

Говоря о специфике и проблематике определения научной деятельности, как коллективной, следует отметить, что в принципе возможна достаточно независимая от мира индивидуальная научная робинзоада (пример — деятельность отечественного математика Г.Я. Перельмана). Но в норме, любая научная деятельность — это коллективная деятельность. Нужно отметить также, что множество учёных работают в коллективах или совместных проектах. Коллективная деятельность — это специфические проблемы коллективного творчества, научной коммуникации. Как и в предыдущем случае, следует иметь в виду и всё непосредственное окружение и средства коллективной научной деятельности.

Возникшая в 1930-х годах концепция интернализма, согласно которой собственно научные проблемы определяют развитие науки, а окружение и личные особенности учёных вносят только определённые коррективы в собственную «логику идей», отражает специфический аспект научной деятельности, «погружённой в себя». Примером этого могут служить вековые попытки что-то сделать с постулатом о параллельных прямых в аксиоматике Евклида. Представляется перспективным ценностное расширение интернализма и отождествление его с бытием науки, которая нацелена только на поиск истины. Кроме того, именно здесь нужно ввести понятие информации, проблему науки как социального института и проблематику научного этоса (этики научного сообщества).

Начало исследования науки как социального института было заложено в работах Р. Мертона 1930-х годов. В своих исследованиях автор сформулировал основополагающие характеристики, а также идеалы, нормы и правила «этоса науки». По первым буквам каждой из них отражаются акронимом CUDOS. К таковым относятся: communism/communalism (коммунализм, коммунизм, всеобщность, коллективизм), universalism (универсализм), disinterestedness (незаинтересованность, бескорыстие), organized skepticism (организованный скептицизм). Эти нравственные императивы учёного в дальнейшем Р. Мертон расширил [30]. Исследования

в области приоритетности позволили вывести амбивалентность императивов предписываемого поведения учёных, как-то быстро представлять полученные данные коллегам, однако не торопиться с публикациями. Нормативные дополнения отражаются в формуле CUDOS+. Предполагаем, что именно здесь намечается качественная грань, за которой начинается дифференциация интерналистской и экстерналистской научной деятельности.

Как известно, экстернализм, в противоположность историческому интернализму, в развитии науки считает определяющим внешние, социокультурные условия, окружающие науку. Представляется целесообразным, как и в случае с интернализмом, вести ценностное содержательное дополнение понятия «экстернализм», под которым будет пониматься введение внешних для собственного развития науки (отражённого в интернализме) ценностей. Можно считать, что именно с учётом этой экстерналистской ценностной составляющей можно понять дальнейшее развитие теории этоса науки.

Дифференциация внешнего и внутреннего бытия науки даёт основания утверждать наличие двух достаточно независимых групп ценностей, определяющих деятельность науки — внутренних и внешних. Это положение позволяет говорить о том, что идеальные научные ценности, выделенные Мертоном, не теряют актуальности, несмотря на ряд критических замечаний (например, со стороны Я. Митроффа, доказывающего, что в ряде конкретных ситуаций эффективными оказываются регуляторы, альтернативные тем, о которых говорит Мертон, а также представителей «новой социологии науки»). Проблематика и история исследования этоса науки хорошо освещена в философской литературе, а формат и цели данной работы не позволяют останавливаться на ней подробно. Кратко отметим, что данная тема не теряет своей актуальности [8]. Исследователи констатируют наличие продолжающейся конкуренции программ этики науки как дескриптивного, нормативного, прикладного или метаэтического дискурса [12]. Очевидно, что детализация научного этоса позволяет реконструировать основы, детерминирующие сознательную научную активность [29].

В «реалистическом развитии» концепции Р. Мертона на первый план выходит «проблемная правда жизни». Но также к экстерналистской деятельности относится и самое положительное, а именно требование, чтобы наука неукоснительно ориентировалась на общественное благо: «Наука — это сфера

различной деятельности человечества, направленной на выработку, обобщение и систематизацию научных знаний с целью создания искусственной природы, способная развивать цивилизацию в гармонии с естественной природой во благо человечества» [5, с. 86]. Главным здесь оказывается вопрос, можно ли считать понятие «экстерналистской научной деятельности» предельным понятием науки. Мы считаем, что в принципе, на это можно ориентироваться. Но больше оснований для того, чтобы считать завершающим понятием науки понятие «наукосфера».

Специфика определения науки как сферы общественной жизни

Целостное бытие науки не редко передаётся словосочетанием «наука как сфера общественной жизни». Сократим его до дефиниции «наукосфера», как определения, имеющего большой теоретический потенциал. Открывающийся ряд родственных по образованию терминов — биосфера, ноосфера, техносфера — позволяет использовать существующие в этих областях подходы к построению понятий, для формирования определения «наукосфера». Результатом можно считать следующую дефиницию: наукосфера — это совокупность бытийных аспектов науки (научное знание, индивидуально-коллективная, интерналистско-экстерналистская научная деятельность) в их отношении к природе, культуре, обществу и человеку.

Итоговое определение науки

В итоге, выходим на следующее исходное, современное определение науки. Наука — это специфическая индивидуально-коллективная, интерналистско-экстерналистская деятельность (научная деятельность) по получению объективных, системно организованных и обоснованных знаний о существующем (научное знание), представляющая собой специфическую сферу общественной жизни, охватывающую совокупность всего научного в его отношениях с природой, обществом, культурой, человеком (наукосфера).

Формирование/формулировка общего определения науки не только закладывает основу и даёт материал для современного преодоления проблемы неопределённости науки, но и способствует более адекватному пониманию этой науки, которая служит неким ключом к осмыслению современного общества. Разрешение проблемы неопределённости науки содействует теоретическому осмыслению

необходимости качественных изменений в научной деятельности, способствующей формированию новой науки, устраняющей неопределённости научно-технического развития, снимающей глобальные угрозы и нацеленной на решение коэволюционных задач.

Список литературы

- Агудов В.В. Восхождение от абстрактного к конкретному // Дialeктика научного познания. Очерк диалектической логики. М.: Наука, 1978. С. 172–198.
- Алексеев И.С. Наука // Философский энциклопедический словарь. М.: Советская энциклопедия, 1989.
- Аршинов В.И., Буданов В.Г. Парадигма сложности и социогуманитарные проекции конвергентных технологий // Вопросы философии. 2016. № 1. С. 59–70.
- Бернал Дж. Наука в истории общества: пер. с англ. / под ред. Б.М. Кедрова, И.В. Кузнецова. М., 1956.
- Верхотуров А.Д., Макиенко В.М., Воронов Б.А., Коневцов Л.А. О новом определении науки в связи с решением глобальных проблем человечества, в том числе экологических // Учёные записки Комсомольского-на-Амуре политехнического университета. 2013. Т. 1, № 3(15). С. 86–93.
- Витгенштейн Л. Философские исследования // Языки как образ мира. М.: АСТ, 2006. С. 220–546.
- Горский Д.П., Ивин А.А., Никифоров А.Л. Краткий словарь по логике. М.: Просвещение, 1991.
- Губанов Н.Н., Губанов Н.И., Черемных Л.Г., Шорикова Е.С. Научный этос // Гуманитарный вестник. 2020. №3 (83). С. 1. DOI: 10.18698/2306-8477-2020-3-666
- Добренёв В.И., Осипова Н.Г. Методология и методы научной работы: учеб. пособие. М., 2009.
- Ивин А.А. Современная философия науки. 2-е изд. Москва; Берлин: Директ-Медиа, 2015.
- История и философия науки (Философия науки): учеб. пособие / под ред. Ю.В. Крынева, Л.Е. Моториной. М., 2014.
- Касавин И.Т. Наука — гуманистический проект. М., 2020.
- Кудряшова Т.Б. А.Н. Портнов о «силе языка» // Известия высших учебных заведений. Серия: Гуманитарные науки. 2017. Т.8, № 2. С. 93–97.
- Куликов С. Б. Концептуальная модель трансформации философских образов науки // Вестник ТГПУ. 2011. № 13(115). С. 169–173.
- Куликов С.Б. Процессы трансформации философских образов науки. Томск, 2012.
- Куликов С.Б. Специфика образов науки в современной философии // Вестник НГПУ. 2012. № 2(6). С. 48–52.
- Куликов С.Б. Трансформация философских образов науки: автореферат дис. ... док. философских наук. Томск, 2012. Режим доступа: <https://dlib.rsl.ru/viewer/01005019543#?page=6>. Дата обращения: 21.04.2021.
- Левин Г.Д. Дialeктико-материалистическая теория всеобщего / отв. ред. А.П. Шептулин. М.: Наука, 1987.
- Маслов В.М., Хорунжий В.П. Родовое определение и аксиология науки/наукосферы // Известия высших учебных заведений. Серия: Гуманитарные науки. 2017. Т. 8, № 3. С. 196–200.
- Мелик-Гайказян И.В. Концептуальная модель диагностики технологии информационного общества // Вестник ТГПУ. 2010. Вып. 5 (95). С. 42–51.
- Поликарпов В.С. История науки и техники: учебное пособие для студентов вузов. Ростов-на-Дону, 1999.
- Поппер К. Открытое общество и его враги: в 2 т. Т. 1. Чары Платона. М., 1992.
- Спиркин А.Г. Философия: учебник для студентов высших учебных заведений. 2-е изд. Москва, 2008.
- Фейнман Р., Лейтон Р., Сэндс М. Фейнмановские лекции по физике. Т. 1. М., 1976.
- Философия науки в вопросах и ответах: учеб. пособие для аспирантов / В.П. Кохановский, Т.Б. Фатхи, Т.Г. Лешкевич, Т.П. Матяш. Ростов-на-Дону, 2006.
- Философия. Основные идеи и принципы: Популярный очерк / под общ. ред. А.И. Ракитова. М., 1990.
- Философия: учеб. пособие / под ред. С.А. Хмельвской. М., 2002.
- Шкляр М.Ф. Основы научных исследований: учеб. пособие. М., 2008.
- Kulikov SB. Scientific ethos and foundations of conscious activity // Integrative psychological and behavioral science. 2020;54(1):158–178. DOI: 10.1007/s12124-019-09483-6
- Merton RK. The sociology of science. Chicago: Chicago University Press, 1973. P. 267–278. DOI: 10.7312/calh15112.2

References

- Agudov VV. Voshozhdenie ot abstraktnogo k konkretному. In: Dialektika nauchnogo poznanija. Oчерk dialekticheskoj logiki. Moscow: Nauka; 1978. P. 172–198. (In Russ.)
- Alekseev IS. Nauka. In: Filofoskij jenciklopedicheskiy slovar'. Moscow: Sovetskaja jenciklopedija; 1989. (In Russ.)
- Arshinov VI, Budanov VG. Paradigm of complexity and socio-humanitarian projections of convergent technologies. *Voprosy filosofii*. 2016;(1):59–70. (In Russ.)
- Bernal J. Nauka v istorii obshchestva : per. s angl. Ed. by B.M. Kedrova, I.V. Kuznecova. Moscow; 1956. (In Russ.)
- Verkhoturov AD, Makienko VM, Voronov BA, Konevtsov LA. On a new definition of science with regard to the need of resolving mankind's global problems, including environment. *Scientific Notes of Komsomolsk-on-Amour State Technical University*. 2013;1(3(15)):86–93. (In Russ.)
- Vitgenshtejn L. Filofoskie issledovanija. In: Jazyki kak obraz mira. Moscow: AST; 2006. P. 220–546. (In Russ.)

7. Gorsky DP, Ivin AA, Nikiforov AL. Kratkij slovar' po logike. Moscow: Prosveshhenie; 1991. (In Russ.)
8. Gubanov NN, Gubanov NI, Cheremnyh LG, Shorikova ES. Ethos of science. *Gumanitarnyj vestnik*. 2020;(3(83)):1. (In Russ.). DOI: 10.18698/2306-8477-2020-3-666
9. Dobren'kov VI, Osipova NG. Metodologija i metody nauchnoj raboty: uchebnoe posobie. Moscow; 2009. (In Russ.)
10. Ivin AA. Sovremennaja filosofija nauki. 2-e izd. Moscow, Berlin: Direkt-Media; 2015. (In Russ.)
11. Istorija i filosofija nauki (Filosofija nauki): uchebnoe posobie. Ed. by Ju.V. Krjanev, L.E. Motorina. Moscow; 2014. (In Russ.)
12. Kasavin IT. Nauka – gumanisticheskij proekt. Moscow; 2020. (In Russ.)
13. Kudrjashova TB. A.N. Portnov on “the power of language”. *Izvestija vysshih uchebnyh zavedenij. Serija: Gumanitarnye nauki*. 2017;8(2):93–97. (In Russ.)
14. Kulikov SB. The conceptual model of transformations of philosophical images of science. *Tomsk State Pedagogical University Bulletin*. 2011;(13(115)):169–173. (In Russ.)
15. Kulikov SB. Processy transformacii filosofskih obrazov nauki. Tomsk; 2012. (In Russ.)
16. Kulikov SB. Specifics of images of the science in modern philosophy. *Novosibirsk State Pedagogical University Bulletin*. 2012;(2):48–52. (In Russ.)
17. Kulikov SB. Transformacija filosofskih obrazov nauki: [dissertation]. Tomsk, 2012. (In Russ.) Available from: <https://dlib.rsl.ru/viewer/01005019543#?page=6>. Accessed: 21.04.2021.
18. Levin GD. Dialektiko-materialisticheskaja teorija vseobshhego. Ed. by A.P. Sheptulin. Moscow: Nauka; 1987. (In Russ.)
19. Maslov VM, Horunzhij VP. Generic definition and axiology of science/science spheres. *Izvestija vysshih uchebnyh zavedenij. Serija: Gumanitarnye nauki*. 2017;8(3):196–200. (In Russ.)
20. Melik-Gaikazyan IV. Conceptual model of diagnostics of technologies of the information society. *Tomsk State Pedagogical University Bulletin*. 2010;5(95):42–51. (In Russ.)
21. Polikarpov VS. Istorija nauki i tehniki: uchebnoe posobie dlja studentov vuzov. Rostov-na-Donu; 1999. (In Russ.)
22. Popper K. Otkrytoe obshchestvo i ego vragi: v 2 t. Vol. 1. Chary Platona. Moscow; 1992. (In Russ.)
23. Spirkin AG. Filosofija: uchebnik dlja studentov vysshih uchebnyh zavedenij. 2-e izd. Moscow; 2008. (In Russ.)
24. Fejnman R, Lejton R, Sjends M. Fejnmanovskie lekicii po fizike. Moscow; 1976. Vol. 1. (In Russ.)
25. Filosofija nauki v voprosah i otvetah: Uchebnoe posobie dlja aspirantov. (authors) V.P. Kokhanovskii, T.B. Fatkhi, T.G. Leshkevich, T.P. Matyash. Rostov-na-Donu; 2006. (In Russ.)
26. Filosofija. Osnovnye idei i principy: Populjarnyj ocherk. Ed. by A.I. Rakitov. Moscow; 1990. (In Russ.)
27. Filosofija. Uchebnoe posobie. Ed. by S.A. Hmelevskaya. Moscow; 2002. (In Russ.)
28. Shkljar MF. Osnovy nauchnyh issledovanij. Uchebnoe posobie. Moscow; 2008. (In Russ.)
29. Kulikov SB. Scientific ethos and foundations of conscious activity. *Integrative psychological and behavioral science*. 2020;54(1):158–178. DOI: 10.1007/s12124-019-09483-6
30. Merton RK. The sociology of science. Chicago: Chicago University Press; 1973. P. 267–278. DOI: 10.7312/calh15112

▪ Информация об авторе

Роман Владимирович Сорокин — очный аспирант кафедры философии. ФГАОУ ВО «Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского», Нижний Новгород, Россия. E-mail: Romsor36@mail.ru

▪ Information about the author

Roman V. Sorokin — Postgraduate student of the Department of Philosophy. National Research Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod, Nizhny Novgorod, Russia. E-mail: Romsor36@mail.ru

ЭПИСТЕМОЛОГИЧЕСКИЙ СТАТУС НАРРАТИВА В НАУЧНОМ ПОЗНАНИИ

В.Ю. Яковлев

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Костромской государственной университет», Кострома, Россия

Для цитирования: Яковлев В.Ю. Эпистемологический статус нарратива в научном познании // Аспирантский вестник Поволжья. 2021. № 3–4. С. 31–38. DOI: <https://doi.org/10.17816/2072-2354.2021.21.2.31-38>

Поступила: 20.05.2021

Одобрена: 25.05.2021

Принята: 01.06.2021

▪ **Обоснование.** В статье проанализирована роль нарратива в научном познании.

Цель статьи — исследование эпистемологического статуса нарратива в процессе производства и легитимации знания.

Методология исследования основана на семиотической концепции культуры в контексте прагматической практики обоснования результатов научного исследования. Нарратив рассматривается как специфический способ осмысления мира и форма бытия человека в процессе порождения знания через рассказ. Анализируются функции нарратива в процессе познания: генерации и осмысления знания, структурной организации когнитивного опыта, трансляции индивидуального познавательного опыта в культурный код общества. Обсуждается тезис, что научные репрезентации объекта познания являются вторичными по отношению к нарративным моделям понимания в контексте коммуникативной практики науки.

Сделаны **выводы** о необходимости экспликации в эпистемологии ценностно-смысловых оснований прагматики научного знания, с учётом которой нарративная природа научного знания должна быть эксплицитно представлена в методологической рефлексии научного исследования.

▪ **Ключевые слова:** нарратив; рассказ; научный дискурс; нарративный анализ; социальная эпистемология.

EPISTEMOLOGICAL STATUS OF THE NARRATIVE IN SCIENTIFIC COGNITION

V.Yu. Yakovlev

Kostroma State University, Kostroma, Russia

For citation: Yakovlev VYu. Epistemological status of the narrative in scientific cognition. *Aspirantskiy Vestnik Povolzh'ya*. 2021;(3-4):31–38. DOI: <https://doi.org/10.17816/2072-2354.2021.21.2.31-38>

Received: 20.05.2021

Revised: 25.05.2021

Accepted: 01.06.2021

▪ **BACKGROUND:** The article analyzes the role of narrative in scientific cognition.

AIM: The aim of the article is to investigate the epistemological status of the narrative in the process of knowledge production and legitimization.

MATERIALS AND METHODS: The methodology of the study is based on the semiotic concept of culture in the context of the pragmatic practice of justifying the results of scientific research. Narrative is viewed as a specific way of making sense of the world and a form of human existence in the process of knowledge generation through storytelling. The functions of narrative in the process of cognition are analyzed: generation and comprehension of knowledge, structural organization of cognitive experience, translation of individual cognitive experience into the cultural code of society. The thesis that scientific representations of the object of cognition are secondary to narrative models of understanding in the context of communicative practice of science is discussed.

CONCLUSIONS: Conclusions are made about the necessity of explication in epistemology of value-semantic foundations of pragmatics of scientific knowledge, taking into account which the narrative nature of scientific knowledge should be explicitly presented in the methodological reflection of scientific research.

▪ **Keywords:** narrative; story; scientific discourse; narrative analysis; social epistemology.

Обоснование

Повествование или нарратив (от лат. *narrare* — рассказ) — одна из основных форм фиксации и передачи культурного опыта чело-

века, которая обнаруживается во всём многообразии человеческой деятельности. Человек осмысливает переживаемый опыт, факты и процессы социальной жизни, рассказывая

о них как о некоторой последовательности событий, выстраиваемых в определенный сюжет, в котором мир становится понятным и соразмерным жизни. В результате естественного присутствия во всех формах бытия человека повествование (нарратив) традиционно ассоциировалось с мнением, вымыслом, литературным жанром, нерелексивным знанием. Институционализация науки как теоретической формы знания и социального института сопровождалась «отстранением» от нарративных форм знания, которые отождествлялись с доклическим опытом, рассказом, художественным текстом, как чем-то вымышленным и произвольным.

Проблема соотношения нарративного повествования и жизни, тематизация повествовательных способов понимания мира как специфических форм человеческого существования способствовали тому, что нарратив стал предметом повышенного интереса со стороны различных областей научного знания. Нарратология или «теория повествования» зародилась в 60-е годы XX в. в структурной лингвистике, где изучение повествовательных текстов было направлено на выявление инвариантного структурного репертуара нарратива [13]. В результате научных дискуссий концепция нарративного повествования, которая изначально рассматривалась в качестве предмета аналитического исследования текста в лингвистике, обрела методологический статус, стала концептуальной схемой объяснения текстов гетерогенного происхождения и области функционирования. «Отправной точкой нового интереса к нарративу в гуманитарных науках, — отмечают Й. Брокмейер и Р. Харре, — является, по-видимому, „открытие“ в 1980-х годах того, что повествовательная форма — и устная, и письменная — составляет фундаментальную психологическую, лингвистическую, культурологическую и философскую основу наших попыток прийти к соглашению с природой и условиями существования» [2, с. 30]. В итоге, в процессе исследования текстов любого жанра нарратив стал рассматриваться как способ структурной организации дискурсивных практик человека, а метод их познания был назван У. Фишером «нарративной парадигмой» [14].

С конца XX в. концепция нарратива стала использоваться в широком спектре гуманитарных наук, что было связано с выходом теории нарратива за пределы лингвистики [9]. Повествовательный подход в постмодернистской интерпретации стал использоваться как «специфическое средство для создания моделей „экспериментального освоения мира“, моделей, предъявляемых в качестве примера

для „руководства действиями“» [5, с. 144]. В психологии, например, нарратив стал использоваться как «познавательная схема» исследования личности (Н. Штейн); феномен конструирования социальных отношений (К.Дж. Джерджен) [4]; концепт формирования идентичности человека (Д. Макадамс, Д. Спенс). Аналогичная ситуация наблюдается в областях гуманитарного знания. Историк Х. Уайт [11], утверждает, что историки при описании прошлого неизбежно сочиняют «рассказ», с помощью которого они могут организовывать описываемые события правдоподобным образом. Философ и теоретик литературы П. Рикер [9] фиксирует внимание на том, что понимание истории зависит от повествовательной структуры дискурса, сюжета, в который мы привносим наш опыт.

Цель статьи — исследование эпистемологического статуса и функций нарратива, в процессе производства и легитимации знания как фактора прагматической, социально-культурной детерминации научного познания.

Методология исследования

Методология исследования основана на философской концепции «языковых игр» (Л. Витгенштейн); семиотической концепции культуры, ориентирующей на системное описание прагматики конституирования знания; теории речевых актов (Дж. Остин, Дж. Серль, П. Стросон); критической теории нарративных практик классической науки в постмодернистской философии (Ж.-Ф. Лиотар) и социальной эпистемологии.

Тематизация онтологии научного знания сквозь призму «рассказа» в современной теории познания становится предпосылкой для изучения научного дискурса в различных областях научного исследования. Это предполагает обсуждение в междисциплинарном аналитическом исследовании оснований «нарративного поворота». Данный термин введен в научный оборот Мартином Крейсвиртом [15] для характеристики философской «оптики», затрагивающей переосмысление нарративного предмета науки и методов его познания в постнеклассической научной рациональности, изменение отношения к тексту нарратива и миру как тексту, сближение методов познания ученого и творчества литератора.

Результаты исследования

В традиционном плане нарратив — повествование (рассказ) о последовательности событий пережитого опыта, связанных между

собой причинно-следственным образом, имеющих начало (точка отсчета), развитие сюжетного действия и его завершение (финал). В основе нарратива лежит идея темпоральности, временной динамики описываемых событий, организованных в форме определенного сюжета, как структурирующего начала, придающего смысл описываемой реальности в контексте коммуникативного её понимания.

Определяющим звеном повествования является сюжет, посредством которого события, фигурирующие в рассказе, выстраиваются в определенной последовательности. У каждого сюжета может быть несколько вариантов изложения, позволяющих представить рассказ по-иному в другом контексте повествования. Хорошо составленные рассказы имеют ряд текстологических элементов, при помощи которых рассказчик (нарратор), диалогически взаимодействует с читающей и слушающей аудиторией, интерпретирует интертекст нарратива, аргументирует свою позицию, обращая внимание на одни аспекты дискурса, умалчивая о других.

Нарратология как раздел лингвистики исследует различные структурно-функциональные компоненты повествования: сюжет, фабулу, стиль, тропы как структурные элементы текста, соотношение дискурса, нарратива и наррации, взаимосвязь автора и нарратора, персонажа и читателя [5, с. 164]. Современные междисциплинарные исследования нарратива идут дальше, выявляя основания и пределы нарративной методологии гуманитарного знания. В семиотической теории нарратив, как лингвистическая система знаков в повествовательном тексте, характеризует: соотношение знаков со знаками (синтаксис повествования); соотнесение знаков и описываемой с помощью них внеязыковой реальности (семантика повествования); диалогические отношения субъектов, использующих и интерпретирующих знаковую систему языка (прагматика повествования), фиксирующая коммуникативное понимание текста нарратива.

Обсуждение повествовательных способов бытия и производства научного знания в постнеклассической научной рациональности, формирование информационного общества привели к изменению мировоззренческой оценки знания с позиций недоверия к «большим нарративам» классической философии науки. Постмодернизм, с точки зрения Ж.-Ф. Лиотара [7, с. 10], знаменует отказ от «метанарративов» (идей Просвещения, прогресса, истины, освобождения человека и т. п.) как средства идеологически ангажированного обоснования знания. Изменения в основаниях

постнеклассической науки (В.С. Степин) способствовали тому, что научный нарратив стал тематизироваться «в семье нарративных культур» как разновидность дискурса.

Существенная часть научного знания, в том числе в области естественных наук, где логико-дедуктивный и экспериментальный базис являются важнейшими средствами объективации знания, в качестве основания опираются на нарративные практики повествования. Научный дискурс насыщен элементами рассказа, такими как сюжет, фабула, перформатив, метафора, целеполагание, сравнение и т. д., которые, не будучи устойчивыми формами организации научного языка, влияют на процесс производства научного знания и его интеграцию в культуру. Закономерны вопросы: каковы функции нарратива в структуре научного познания? возможно ли научное знание, основанием которого служит рассказ?

Для ответа на поставленные вопросы обратимся к концепции «языковых игр» Л. Витгенштейна и философско-методологической критике «больших нарративов» в концепции Ж.-Ф. Лиотара, которые, по утверждению Ф.Р. Анкерсмита, «идентичны так называемой спекулятивной философии истории. Спекулятивная философия истории, то есть тот вид систем, который был построен Гегелем, Марксом, Шпенглером, Тойнби и многими другими, свирепо критиковался в пятидесятые годы такими философами, как Поппер, Манделбаум и Хайек» [1, с. 350].

Научное познание как разновидность «языковой игры», вплетённой в социальную жизнедеятельность людей, предполагает наличие определённых правил, «вычитываемых», по словам Л. Витгенштейна, «из самой игры — как некий закон природы, которому подчиняются действия играющих» [3, с. 105]. Языковые игры в науке включают несколько форм высказываний, среди которых можно выделить описательные (денотативные) высказывания о мире с позиций корреспондентной концепции истины как соответствия текста высказывания реальному положению дел; деонтические высказывания, обязывающие совершить определённые действия; перформативные, реализующие собой определённое действие, социальный поступок.

Денотативные описания фактов или положения дел «вторичны» в том отношении, что возможны только потому, что прескриптивные (деонтические) высказывания определяют правила того, что «должно» сделать, как поступить, исходя из имеющихся социальных предписаний. Указанные нормы языковой

игры имманентны нарративу и составляют основание знания, без которого его существование невозможно. «Если нет правил, то нет и игры, — отмечает Ж.-Ф. Лиотар, — даже небольшое изменение правила меняет природу игры, а „приём“ или высказывание, не удовлетворяющее правилам, не принадлежат определяемой ими игре» [7, с. 72]. В нарративе все перечисленные формы высказывания синкретично взаимосвязаны. Прагматика нарративного знания предполагает систему социальных компетенций, позволяющую «произносить „хорошие“ денотативные высказывания, а также „хорошие“ прескриптивные или оценочные высказывания» [7, с. 52–53].

В позитивистской философии научное знание сфокусировано на денотативно-истинном описании (с позиций принципов верификации познавательного опыта) и устранении прескриптивных и перформативных высказываний, которые образуют неустранимый контекст генерации научного знания. Наука в такой парадигмальной концепции включает денотативные высказывания, но дистанцируется от прагматики знания — перформативных и прескриптивных суждений, которые изначально образуют единство с описательными предложениями.

Однако научный дискурс включает не только верифицированные, истинные суждения, но также нормы, требования, обещания, оценки, которые отражают отношение субъекта познания к содержанию высказывания. Условием онтологической возможности научного знания является языковая игра коммуникативного сообщества, на основании которой субъект аргументирует, добивается консенсуса по правилам, усвоенным в качестве члена общества. Научное познание фундировано прагматикой нарративного дискурса, в контексте которого истинные денотативные описания наделяются эпистемологическим статусом достоверного и обоснованного знания. Без встречи и диалога с Другим семантика (логически связанная с корреспондентной теорией истины) и синтактика научного языка (логически соотносимая с когерентной теорией истины) проблематична и неосуществима.

В коммуникативном осмыслении знания учёный исходит из презумпции взаимопонимания знания, в отсутствии которого рефлексия и объективация знания становится невозможной. Научный нарратив, как коммуникативное со-бытие с Другим, зависит не только от точки зрения автора, но и от рецептивной интенции рассказа в коммуникативном сообществе по отношению к компетентному слушателю или читателю.

«Вторичность» денотативного научного описания позволяет объяснить семиотическую неоднозначность интерпретации и подчеркнуть приоритет нарратива, как основания и контекста любой формы дискурса, включая научную его разновидность. В социокультурной прагматике нарратива научное знание получает ценностно-смысловую размерность когнитивного опыта, в которой «соответствие» или «несоответствие» высказывания о реальности зависит не только от объекта описания, но и от консенсуса акторов, вступающих в роли экспертов диалогического понимания знания. Легитимация научного знания в данном случае характеризует соответствие высказывания правилам языковой игры, сложившимся в коммуникативном сообществе, устанавливающим, что «истинно», «справедливо», «дóлжно» в нарративной практике, а что противоречит данным правилам.

Классическая теория познания ориентирована на истинное описание объекта (дескрипцию) и элиминацию прескриптивной составляющей языковой игры. Однако в такой методологии «научное знание, — как пишет Ж.-Ф. Лиотар, — не может узнать и продемонстрировать свою истинность, если не будет прибегать к другому знанию — рассказу, являющемуся для него незнанием; за отсутствием ононого, оно обязано искать основания в самом себе и скатываться таким образом к тому, что осуждает: предвосхищению основания, предрассудку» [7, с. 74]. Иными словами, легитимация и производство научного знания необходимо предполагает «рассказ» (нарратив) как способ конституирования знания, в котором присутствуют высказывания всех типов (дескриптивы, прескриптивы, перформативы и т. д.).

В научном исследовании в процессе постановки целей и задач исследования субъект познания выбирает существенные свойства объекта знания с точки зрения смысла деятельности, создает теоретические модели, с помощью которых конструируется знание, определяют необходимые и существенные свойства вещей. При этом «существенные», «необходимые» и «значимые» свойства объектов не существуют сами по себе. «Существенное» в одной нарративной перспективе может не иметь когнитивного значения в другой постановке задач. Свойства объекта исследуемой реальности аксиологически структурируются, выбираются путём мотивированного целеполагания в контексте практического коммуникативного взаимодействия с Другим в контексте культуры. В результате предмет познания приобретает социальный смысл и значение

в целеполагающей практике познавательного процесса. Объясняя факты, субъект интерпретирует прагматический смысл познания, выражает нормы научной практики, организации и легитимации когнитивного опыта познания.

Внесение смысла в текст нарратива предшествует, сопровождает и фундирует объяснительные процедуры, которые выражают циклическую герменевтическую природу нарративного понимания: чтобы понять целое, необходимо объяснить частное, и наоборот, понимание системной целостности объекта описания помогает объяснить в нём частное событие. Дедуктивно-номологическая объяснительная модель научного знания говорит о конечном результате, а не о противоречивом и сложном процессе познания в его генезисе. Основное различие между пониманием и объяснением в структуре научного знания состоит в том, что в объяснении интенция субъекта сосредоточена на соответствии знания реальности, в понимании объект оценивается в контексте соответствия целям и ценностно-смысловым критериям субъекта в контексте культурной прагматики. В объяснении главным вопросом является доказательство теории на основании фактов — в понимании вопрос о ценностно-смысловой «нагруженности» фактов.

Логика *объяснения* направлена на то, чтобы подвести объект под общий закон, на основе которого нетривиальные положения теории выводятся из ранее установленных теоретических истин. Процедуры объяснения традиционно интерпретировались как «чистые» описания фактов, на основании критериев верифицированного знания с позиций его истинности или ложности. Логическая схема *понимания* основана на подведении фактов под нормативные правила, которые определяют стандарты (нормы, правила, инструкции) деятельности, являются основанием выбора субъекта в процессе научного исследования.

Таким образом, нормативное понимание характеризует эпистемический статус прагматических правил, на базе которых реализуется выбор субъектом «существенных» и «несущественных», «значимых» и «незначительных», «необходимых» и «случайных» свойств объекта научного познания с точки зрения норм научного дискурса. В этом качестве верификация теории зависит не только от фактической стороны исследования, но и от деонтических предписаний, которые определяют выбор учёного, направляют ход исследования и влияют на его результат. Иными словами, описания и объяснения становятся «истинными» и «объективными» не в силу своей очевид-

ности, а в рамках нарративных инструкций, утверждающих то, что значимо, объективно и существенно в процессе познания. В этом качестве нарративная прагматика знания взаимосвязана с эвристикой повествования.

Творческая деятельность в науке, по словам Б. Латура и С. Вульгара, это не приватная способность индивида, а коммуникативный, «социальный форум, на котором производится построение знания» [16, с. 31]. В книге «Жизнь лаборатории: конструкция научных фактов», посвящённой изучению деятельности биологической лаборатории на основе антропологического подхода в социальной эпистемологии, проведено полевое исследование повседневной научной работы учёных в контексте сети социальных практик: рутинной лабораторной деятельности учёных, интерпретации данных, ведения документации, публикации исследований.

Результаты научных экспериментов, как оказалось, можно интерпретировать по-разному: различие в интерпретации наблюдений является функцией социальных отношений и процедур «конструирования» методологических «подходов к реальности» [16, с. 32]. Научная деятельность в лаборатории Роджера Гийемена на примере исследования белка пептида TRF (H), кажущаяся вне её стен логически упорядоченной, содержит серию не релевантной информации, по поводу которой некоторые учёные пытаются договориться, что считать фактом. Текущая научная практика включает нарративные переговоры о двусмысленности спорных фактов, чтобы снизить уровень информационного «шума» и разобраться в вопросах идентификации данных на основании экспертного согласия.

Генезис научных открытий берёт начало в материальном мире, однако консенсус понимания экспериментальных данных в научном сообществе необходимо предполагает прагматику научного дискурса, в котором факты, по словам В.А. Лекторского, оцениваются «в социальных коммуникациях, то есть как продукт и одновременно условие социально-культурного конструирования» [6, с. 35]. При этом в процессе легитимации знания потенциально возможны альтернативные способы интерпретации опытных данных.

Научный нарратив в этом качестве определяет формы структурирования объекта, которые определяют «во что верить» и «что делать» в конкретной ситуации познания. В основе содержательного исследования объекта неизменно присутствует деонтическое предписание — суждение о «должном», задающем систему дескриптивных норм, определяющих способы легитимации знания с позиций социальных

предписаний. Как пишут Й. Брокмейер, Р. Харре: «Хотя нарратив и кажется некоторой хорошо определённой лингвистической и когнитивной сущностью, его следует рассматривать, скорее, как конденсированный ряд правил, включающих в себя то, что является согласованным и успешно действующим в рамках данной культуры» [2, с. 36].

Повествование структурирует наше восприятие мира. Это не воспроизведение картины мира (репрезентация реальности), а способ её дискурсивного конструирования, с помощью которого говорящий придает смысл результатам когнитивного опыта путем организации его содержания, выделения начала, динамического описания цепочки событий по мере сюжетного развития рассказа, связанного определённым образом с заключением, финалом рассказа. Научные тексты, представляющиеся на первый взгляд строгими верифицированными описаниями объекта, фундируются на структурах рассказа, осмысленного и согласованного с контекстом как трансцендентальным основанием знания. Человек осваивает окружающий мир как текст культуры через повествование не только в гуманитарных науках, имеющих текстовую природу, но и в естествознании, в основании которого лежат нарративные практики внесения смысла в текст научного знания.

Хотя наука уверяет, что теория в физике верифицирована опытом, как отмечает российский физик-теоретик Д.Д. Соколов: «Физика (а тем более математика) ... не может непосредственно описывать действительность. Уже сам процесс описания предполагает существование какого-то каркаса представлений, мыслей, методов и тому подобное. Поэтому в строгом и совершенном здании физической теории на самом деле масса деталей взята вовсе не из опыта, а толком неизвестно откуда» [10, с. 21]. Представляется, что «масса деталей» теории, о которой говорит учёный, является по существу элементом повествовательного способа генерации знания, без которого невозможно представить себе реальный процесс осмысления знания в области естественных наук. Между теорией и эмпирическими фактами нет жёсткой, однозначной связи. Для того, чтобы помыслить или представить некоторую модель реальности нужен культурный опыт миропонимания.

Аналогичные проблемы обсуждаются в постмодернистской философии истории (А. Данто, Х. Уайт, Ф.-Р. Анкерсмит), в которой анализируются предпосылки и пределы нарративного описания прошлого. Смысл исторического нарратива, как размышления

о прошлом, согласно Х. Уайту, — это неизбежно рассказ, который организован на основе сюжетного действия, вводимого извне автором повествования. История, как теоретическая дисциплина, интерпретируется как классическая область нарративного способа «объяснения» прошлого, в структуре которого фундаментальное значение отводится финалу истории, как своеобразному гравитационному полю аттрактора, структурирующего восприятие прошлого. Под этот финал, известный заранее автору, подводятся факты исторического описания.

Ф.-Р. Анкерсмит в работе «История и тропология: подъём и падение метафоры» отмечает, что нарративная методология в историческом исследовании не предполагает непосредственного обращения к прошлому. Описание в историческом повествовании, имеет одновременно две взаимосвязанные интенции — фактическую составляющую рассказа и прескриптивную основу, определяющую смысл описываемых фактов, событий и коллизий.

Задаваясь вопросом об эпистемологическом статусе нарратива в исторической науке Ф.-Р. Анкерсмит исследует основные теории истины (корреспондентную, когерентную и т. д.) и приходит к выводу, что понятие истины по отношению к нарративу неприменимо. Исторический нарратив не отражает, а конструирует «картину» прошлого, которое само по себе не может быть критерием истинности или ложности нарратива [1, с. 293]. «Истинных» интерпретаций прошлого, по мнению философа, не существует, так как они имеют герменевтическое, прагматическое, а не онтологическое значение. Новое осмысление известных фактов реализуется не столько за счёт критического их подбора, сколько за счёт выбора нетривиальной «точки зрения» на восприятие описываемых событий. Прошлое как предмет исторической науки не структурировано само по себе вне нарратива: исторический сюжет появляется в процессе повествования. «Идеальный» исторический нарратив — прагматически скоординированное описание, отвечающее на все потенциальные вопросы, обусловленные предлагаемой интерпретацией, с которыми должен согласиться предполагаемый компетентный читатель, в силу логической структуры повествования и фактической его достоверности.

Вклад дискуссий в постмодернистской философии истории в понимание сущности нарративной практики «социального конструирования» прошлого в методологическом отношении следует связать, на наш взгляд,

с обсуждением того, каким образом реализуется процесс осмысления знания на «уровне актора». Традиционно в «модернистской» философии истории социальные и нарративные факторы исключались из методологической рефлексии научного исследования. Однако, как писал один из основоположников нарратологии В.Я. Пропп: «Возведение рассказа к исторической действительности без рассмотрения особенностей рассказа как такового приводит к ложным заключениям, несмотря на огромную эрудицию исследователей» [8, с. 16].

Основная заслуга постмодернистской теории нарратива — это экспликация интертекстуального дискурса о нормах и процедурах легитимации науки. Она фундируется не на основании «больших нарративов» модернистского типа научной рациональности, а на имманентных стандартах нарративного знания, соответствующих социальным способам производства знания, посредством которых человек структурирует восприятие неструктурированного мира и самого себя как часть этого мира. Как пишет К.Дж. Джерджен: «Термины, в которых происходит осмысление мира, есть социальные артефакты, продукты исторически обусловленного взаимообмена между людьми... это не автоматический или природный процесс, понимание мира есть результат активной совместной деятельности людей, вступающих во взаимные отношения» [4, с. 56].

При этом в процессе «конструирования» фактов методологический контекст этих отношений нередко «забывается» в языковых играх. Если первоначально в суждениях об объекте исследователи делают ссылки на автора, методологию, технологический и социальный контекст выявляемых фактов, то в процессе легитимации модальности факта в качестве «установленной» достоверной истины они незаметно для себя оперируют уже референтом как объектом реальности. В этом статусе объект познания, по словам Р. Харре, «выглядит совершенно свободным от контекста, не имеющим отношения ни к чему» в системе научного знания [12, с. 59].

Из дискурса о фактах элиминируются процедуры референции их создания и наделения когнитивным смыслом. Нарратором, от имени которого ведётся повествование, а этим лицом не обязательно является автор, в процессе методологического конструирования реальности становится сама по себе реальность, которая «говорит» и «доказывает» самой своей фактичностью. Однако это обстоятельство традиционно опускается, не мыслится в методологической рефлексии научного дискурса. В этой связи следует согласиться с Р. Харре,

что повествование не находящего нигде актора «это повествование о себе самой объективности, без вмешательства человека», то есть нечто существующее «независимо от каких-либо человеческих воздействий, концептуальных или практических» [12, с. 59]. В реальном процессе познавательной деятельности когнитивные события и объекты в процессе коммуникации обретают статус научного факта в процессе прагматически-семиотического согласия. Впоследствии приобретённый эпистемологический статус может трансформироваться, утратиться на следующем этапе научного исследования, референтной основой, которого является коммуникативный консенсус научного сообщества.

Заключение

Таким образом, нарративное повествование нельзя рассматривать как сугубо индивидуальный подвид дискурса, как утверждает персонализм, или как верифицированное объективное описание, как полагает позитивистская философия науки. Нарратив выполняет в структуре научного познания эпистемологические функции легитимации, трансляции знания в границы культурного кода, внесения смысла в когнитивный опыт, который конституируется в процессе диалогического соприкосновения со смыслами Другого. Посредством нарратива субъект структурирует модель реальности, которая сама по себе не структурирована, утверждает определённую систему ценностей, оказывает риторическое воздействие на читателя и слушателя в коммуникативной ситуации познания.

Научные описания опираются на трансцендентальные для истинного высказывания в терминологии корреспондентной концепции истины нормативные концепты деонтического высказывания. Нарратив определяет содержательные предпосылки знания, задает априорной метаязык научного высказывания, в контексте которого объект обретает феноменологическую очевидность и значимость для субъекта познания. С помощью нарративных суждений субъект перформативно действует, реализует аксиологически мотивированный выбор эпистемологически значимых свойств реальности, формирует смысл, судит о ценностях познания, задает систему координат познавательной деятельности, включает знание в границы культурного текста.

Учитывая имманентную взаимосвязь описательных и нормативных суждений в структуре научного дискурса, эпистемология должна перейти от узкой модели определения

научного знания с позиций субъект-объектной оппозиции к развёрнутой его экспликации в ценностно-смысловых структурах прагматики, в контексте которой референция фундаментально зависит от диалогического опыта понимания знания в нарративных формах его осмысления. Это значит, что гуманитарное измерение контекста производства знания неустранимо в науке. Повествование перестает быть специфическим «идолом мышления» (Ф. Бекон), от которого нужно «очистить» научное познание. Постнеклассическое понимание науки предполагает эксплицитное описание нарративного знания в методологической рефлексии научного исследования, соотнесение внутринаучных принципов и ценностей субъекта познания с социокультурными нормами бытия человека.

Список литературы

1. Анкерсмит Ф.Р. История и тропология: взлёт и падение метафоры: пер. с англ. М.: Прогресс-Традиция, 2003.
2. Брокмейер Й., Харре Р. Нарратив: проблемы и обещания одной альтернативной парадигмы // Вопросы философии. 2000. № 3. С. 29–42.
3. Витгенштейн Л. Философские работы. Часть I. М.: Гнозис, 1994.
4. Джерджен К.Дж. Движение социального конструкционизма в современной психологии // Социальная психология. Саморефлексия маргинальности. М.: ИНИОН, 1995. С. 51–73.
5. Ильин И.П. Постмодернизм: словарь терминов. М.: ИНИОН РАН; Intrada, 2001.
6. Конструктивистский подход в эпистемологии и науках о человеке / отв. ред. В.А. Лекторский. М.: Канон+, 2009.
7. Лиотар Ж.-Ф. Состояние постмодерна / пер. с фр. Н.А. Шматко. М.; СПб., 1998.
8. Пропп В.Я. Морфология волшебной сказки. Исторические корни волшебной сказки. М.: Лабиринт, 1998.
9. Рикер П. Память, история, забвение: пер. с фр. М., 2004.
10. Соколов Д. Что есть истина в физике и математике // Знание-сила. 2007. № 3 (957). С. 19–26.
11. Уайт Х. Метаистория: Историческое воображение в Европе XIX века: пер. с англ. Екатеринбург, 2002.
12. Харре Р. Социальная эпистемология: передачи знания посредством речи // Вопросы философии. 1992. № 9. С. 49–60.
13. Шмид В. Нарратология. М.: Языки славянской культуры, 2003.
14. Fisher W.R. The narrative paradigm: an elaboration // *Communication Monographs*. 1985. Vol. 52, No. 4. P. 347–367. DOI: 10.1080/03637758509376117
15. Kreiswirth M. Trusting the tale: die narrativistische wendung in der human sciences // *New Literary History*. 1992. Vol. 23, No. 3. P. 629–657. DOI: 10.2307/469223
16. Latour B., Woolgar S. Laboratory life. The construction of scientific facts. Princeton: Princeton University Press, 1986. DOI: 10.1515/9781400820412

■ Информация об авторе

Виталий Юрьевич Яковлев — доктор философских наук, профессор кафедры философии, культурологии и социальных коммуникаций. ФГБОУ ВО «Костромской государственный университет», Кострома, Россия. E-mail: yakovlevv51@mail.ru

References

1. Ankersmit FR. Istorija i tropologija: vzlet i padenie metafory: per. s angl. Moscow: Progress-Traditsiya; 2003. (In Russ.)
2. Brockmeier Y, Harre R. Narrative: problems and promises of an alternative paradigm. *Voprosy filosofii*. 2000;(3):29–42. (In Russ.)
3. Wittgenstein L. Filosofskie raboty. Chast' I. Moscow: Gnozis; 1994. (In Russ.)
4. Gergen KJ. Dvizhenie social'nogo konstrukcionizma v sovremennoj psihologii. In: Social'naya psihologiya. Samorefleksiya marginal'nosti. Moscow: INION; 1995. P. 51–73. (In Russ.)
5. Il'in IP. Postmodernizm: slovar' terminov. Moscow: INION RAN; Intrada; 2001. (In Russ.)
6. Konstruktivistskiy podkhod v epistemologii i naukakh o cheloveke. Ed. by V. A. Lektorskiy. Moscow: Kanon+; 2009. (In Russ.)
7. Lyotard JF. Sostoyanie postmoderna: per. s fr. N.A. Shmatko. Moscow; Saint Petersburg; 1998. (In Russ.)
8. Propp VYa. Morfologiya volshebnoy skazki. Istoricheskie korni volshebnoy skazki. Moscow: Labirint; 1998. (In Russ.)
9. Riker P. Pamyat', istoriya, zabvenie: per. s fr. Moscow; 2004. (In Russ.)
10. Sokolov D. What is the truth in physics and mathematics. *Znanie-sila*. 2007;(3(957)):19–26. (In Russ.)
11. White H. Metaistoriya: Istoricheskoe vobrazhenie v Evrope XIX veka: per. s angl. Yekaterinburg; 2002. (In Russ.)
12. Harre R. Social epistemology: knowledge transfer through speech. *Voprosy filosofii*. 1992;(9):49–60. (In Russ.)
13. Schmid W. Narratology. Moscow: Yazyki slavyanskoj kul'tury; 2003. (In Russ.)
14. Fisher WR. The narrative paradigm: an elaboration. *Communication Monographs*. 1985;52(4):347–367. DOI: 10.1080/03637758509376117
15. Kreiswirth M. Trusting the tale: die narrativistische wendung in der human sciences. *New Literary History*. 1992;23(3):629–657. DOI: 10.2307/469223
16. Latour B, Woolgar S. Laboratory life. The construction of scientific facts. Princeton: Princeton University Press; 1986. DOI: 10.1515/9781400820412

■ Information about the author

Vitaly Yu. Yakovlev — Doctor in Philosophy, Professor at the Department of Philosophy, Cultural Studies, and Social Communications. Kostroma State University, Kostroma, Russia. E-mail: yakovlevv51@mail.ru

ФИЛОСОФСКАЯ ДИЛЕММА СУБЪЕКТНОГО И ИНСТИТУЦИОНАЛЬНОГО ПОДХОДОВ В ПРАКТИКАХ ПУБЛИЧНОЙ ПОЛИТИКИ РОССИИ

С.В. Давыдов

Нижегородский институт управления — филиал Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации», Нижний Новгород, Россия

Для цитирования: Давыдов С.В. Философская дилемма субъектного и институционального подходов в практиках публичной политики России // Аспирантский вестник Поволжья. 2021. № 3–4. С. 39–42. DOI: <https://doi.org/10.17816/2072-2354.2021.21.2.39-42>

Поступила: 30.04.2021

Одобрена: 05.05.2021

Принята: 11.05.2021

▪ В статье рассматриваются философские вопросы взаимоотношений между социальными (политическими) субъектами и социальными (политическими) институтами. Отмечается альтернативность философских подходов к пониманию роли человека в обществе, где идее социального института противостоит философия субъектной активности человека. Критический анализ работы Э. Остром «Управляя общим. Эволюция институтов коллективной деятельности» позволяет выделить несколько ситуаций, которые представляют три модели соотношения «социальный институт – социальный субъект»: 1) сильный социальный субъект – сильный социальный институт; 2) слабый социальный институт, но сильный субъект; 3) сильный социальный институт при отсутствии социального субъекта. Философский анализ моделей позволяет сделать вывод, что сфера взаимоотношений между социальным субъектом и каким-либо институтом очень неоднородна. Наиболее ярко это иллюстрируется в политической сфере на примере городской публичной политики.

▪ **Ключевые слова:** социальные институты; социальный субъект; гражданское общество; политические институты и процессы; Россия.

RELATIONS BETWEEN A SOCIAL SUBJECT AND A SOCIAL INSTITUTION: PHILOSOPHICAL FOUNDATIONS AND PUBLIC POLICY PRACTISES

S.V. Davydov

Nizhny Novgorod Institute of Management – the branch of Russia Academy of National Economics and Public Administration under the President of Russia Federation, Nizhny Novgorod, Russia

For citation: Davydov SV. Relations between a social subject and a social institution: Philosophical foundations and public policy practises. *Aspirantskiy Vestnik Povolzh'ya*. 2021;(3-4):39–42. DOI: <https://doi.org/10.17816/2072-2354.2021.21.2.39-42>

Received: 30.04.2021

Revised: 05.05.2021

Accepted: 11.05.2021

▪ The article deals with theoretical and applied issues of the development of relationships between social (political) subjects and social (political) institutions. In the philosophical aspect, the author notes the alternativeness of theoretical approaches to understanding the role of man in society, where the idea of “social institution” is opposed by the philosophy of the idea of subjective human activity. In this approach the work of E. Ostrom “Managing the Common. Evolution of institutions of collective activity” is analyzed and the main conclusion is that the relationship between a social (political) subject and an institution develops harmoniously and integrated is rethink. In connection with disagreement with Ostrom’s position of the author of this work in a practical aspect, an analysis of various situations is carried out, which show three types of interaction: 1) a strong social subject – a strong social institution; 2) a weak social institution – a strong social subject; 3) there is a developed social institution, but there is no a social subject. The philosophical analysis allows us to conclude that the sphere of relationships between a social subject and any institution is very heterogeneous. This is most vividly illustrated in the political sphere by the example of city public policy.

▪ **Keywords:** social institutions; social subject; civil society; political institutions and processes; Russia.

Современная публичная политика в обществе характеризуется проблемой субъектной активности в обществе [9, 12]. Практики публичной политики показывают, что полноценное функционирование новых социальных институтов сдерживается проблемами отношений с особенностями социальных субъектов. В свете философских теорий проблема взаимосвязи роли социального субъекта и социального института в обществе состоит в том, что идеи человека как субъекта социальной истории (К. Маркс, Э.В. Ильенков, И.Т. Фролов и др.) растворяются в теориях «открытого общества» (К. Поппер), общества как «толпы» (Х. Ортега-и-Гассет), социальной синергетики (И. Пригожин, И. Стенгерс), «смерти субъекта» (М. Фуко), институциональных теорий (Э. Остром). В результате на смену философии человека как субъекта социального существования и развития приходит философия «аутоизиса» [8], в которой социальный субъект не нужен. В практиках публичной политической активности актуальность данной проблемы можно увидеть в патерналистских общественных настроениях, которые отражают молчаливый отказ граждан от функции социально-политического субъекта в вопросах развития своих территорий проживания. Показательным является низкий процент явки граждан РФ на выборы депутатов представительных органов государственной власти и местного самоуправления. Например, в 2015 г. на выборах в Городскую Думу Нижнего Новгорода 6-го созыва явка граждан составила не более 30 %, а на выборах в 2020 г. уже менее 20 %. Данные практики остро ставят вопрос о легитимности и эффективности местных институций публичной политики в ситуации существенного ослабления субъектной функции местных и региональных сообществ.

Цель исследования — философский анализ практик взаимоотношений роли социального субъекта и социального института в аспекте устойчивого существования и развития общества. Сторонники одной тенденции в основе социальной организации видят «социальные конструкты» [1], «социальные институты» [11], «холоны» [4, 13]. Другие поддерживают идею эмансипации роли человека как субъекта социальных отношений [14], о человеке как основе социального бытия [7] и «социального государства» [2]. В поисках ответа на вопрос, что первично в соотношении субъектного и институционального начал в обществе, можно обратиться к упомянутой выше работе лауреата Нобелевской премии Э. Острома, в которой автор обосновывает

вывод о приоритетной значимости «нового институционализма» и новых социальных институтов [11, с. 30]. Критический анализ этой работы, результаты которого представлены в настоящей статье, позволяет поставить данный тезис под вопрос.

Необходимо отметить, во-первых, что, критикуя сторонников государственного управления местными проблемными ситуациями, г-жа Остром говорит, что местные граждане «рассматриваются как заготовки для государственных программ, а не как самостоятельные субъекты, стремящиеся найти эффективные и справедливые решения сложнейших проблем» [11, с. 213]. При этом «самостоятельные субъекты» рассматриваются в числе «значимых переменных» [11, с. 184], влияющих на устойчивость и эффективность институтов. Различные ситуации, которые рассматривает Э. Остром, позволяют выделить несколько типов отношений «социальный субъект – социальный институт», где в качестве субъекта выступает местная община, а в качестве социального института — местный механизм самоорганизации общин по вопросам порядка использования ресурсов общего пользования или институт государства:

- 1) сильный социальный субъект — сильный социальный институт (даёт эффективное решение проблемы);
- 2) слабый социальный субъект – сильный социальный институт (не даёт эффективного решения проблемы);
- 3) слабый социальный субъект – слабый социальный институт (не даёт эффективного решения проблемы);
- 4) сильный социальный субъект – слабый социальный институт (не даёт эффективного решения проблемы).

Анализ материалов работы г-жи Остром по первой разновидности отношений (примеры изучения многих ситуаций в бассейнах грунтовых вод Южной Калифорнии, в Северной Калифорнии и др.) позволяет заключить, что выход из «кризиса общины» связан с формированием общины в качестве социального субъекта, где первым пунктом стоит задача выявления лидера сообщества, мотивированного на решения местной проблемы. Описанный в книге алгоритм создания «новых институтов» основывается на том, что в первую очередь решается задача по формированию социального субъекта: сначала в индивидуальной форме (местный лидер будущей деятельности), затем в коллективной форме, когда лидер формирует свою «команду». После того как все общины созданы, являющиеся пользователями того или иного ресурса общего

пользования (речная вода для полива полей, рыбных ресурсов в конкретной морской бухте и пр.), создаётся основа для переговоров между общинами, для создания некоторого набора правил пользования, которые обязуются выполнять все договаривающиеся стороны. Эти правила и алгоритмы их поддержания, исполнения, контроля и пр. и есть «новые социальные институты», которые служат основным предметом исследования Э. Остром.

Для российской общественно-политической ситуации исследование состояния отношений «социальный субъект – социальный институт» не менее значим, чем для ситуаций «кризиса общин». В контексте политического транзита и индустриализации власти в России, с одной стороны, исследователи указывают проблему самоопределения власти в контексте отношений с «другим» [6]. С другой стороны, внедрение новых политических технологий обостряет проблему гармонизации федеральных общественно-политических целей с ожиданиями конкретных местных сообществ граждан России [3]. Конкретные проблемные ситуации отражают присутствие различных проявлений отношений «социальный субъект – социальный институт». В частности, имеет место ситуация, когда присутствие сильных социально-политических лидеров и сильных социальных институтов порождает не институциональное сотрудничество, а конфликт. Примером такого рода может быть ситуация взаимоотношений главы администрации Нижнего Новгорода и губернатора Нижегородской области [5]. Имея свои истоки в событиях 2010 г. в механизме перехода к «двуглавой» системе управления муниципальным образованием, в 2015 г. «двуглавая» институциональная конструкция стала основой конфликта в отношениях «губернатор В. Шанцев — мэр Н. Новгорода О. Сорокин». Несмотря на то что должностные отношения губернатора, сити-менеджера и главы города прописаны в соответствующих нормативных документах, выборы 2015 г. показали, что как только эти отношения социальных субъектов выходят в политическую сферу, институции перестают работать эффективно.

Особенность Нижегородской ситуации в том, что внутривнутрипартийный «лидерский» конфликт Нижегородского регионального отделения Партии «Единая Россия» между В. Шанцевым и О. Сорокиным на площадке выборов задвигает на второй план межпартийную конкуренцию и становится основным источником местной политической конкуренции. В результате в 2015 г. возникают суррогатные, субпартийные альянсы, которые строил

член партии «Единая Россия», глава города О. Сорокин, для того чтобы получить лидерство в новом составе городской Думы в противовес стремлению В. Шанцева получить лояльную Думу в отношении губернатора области. Происходит девальвация институциональной партийной инфраструктуры региона, что ещё больше усиливает ситуацию резкого сужения региональных партийных систем, снижения их конкурентности. В Нижегородской области немало представителей политической элиты, которые искренне не понимают, зачем «возиться с партиями», если можно заключить сделку на «правильное голосование» сначала с тысячей избирателей в «своём» округе, а затем с двумя десятками избранных депутатов в Думе Н. Новгорода. Таким образом, коллекцию ситуаций можно дополнить ещё одним вариантом, когда отношение сильного социального субъекта и сильного социального института приводит к конфликту и к ослаблению системы местных социальных институтов.

Все примеры, которые были рассмотрены в данной статье, позволяют сделать первый вывод: в основе успешных случаев преодоления «кризиса общины», описанных Э. Остром, лежат практики эмансипации, фасилитации субъектной активности местных сообществ. Именно успешное решение задачи «реанимации субъекта» представляется ключевым условием создания «новых социальных институтов». Аналогом «кризиса общины» в современной России можно назвать проблему сельских старост, программа развития которых буксует, прежде всего, потому, что не решается проблема «реанимации субъекта» в сельских сообществах. Ситуация в Нижегородской области показывает, что часто отношения «социальный субъект – социальный институт» ведут не к социально-политической интеграции, а к конфронтации и к ослаблению социальных институтов. Когда члены одной партии для лоббирования своих интересов пользуются ресурсами других партий, это становится одним из факторов кризиса партийной системы в целом [10]. Второй вывод состоит в том, что философия человека как социального субъекта утверждает первичное фундаментальное значение человека (в статусе личности / лидера и коллектива / команды), а социальные институты — это одна из вторичных производных его деятельности. Эта философия находит подтверждение в прикладных исследованиях Э. Остром. Основная же проблема в том, что в сравнении с философией институтов и аутопойезиса она не имеет столь всесторонней, глубокой, последовательной и популярной проработки.

Список литературы

1. Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. М., 1995.
2. Дахин А.В. Идея социального и светского государства: феноменология конституирования в России // Юридическая наука и практика. Вестник Нижегородской академии МВД России. 2019. № 1(45). С. 274–278. DOI: 10.24411/2078-5356-2019-10141
3. Дахин А.В. «Индустриализация власти»: российский политический транзит в социально-технологическом измерении // Политэкс. 2019. Т. 15, № 4. С. 461–482. DOI: 10.21638/spbu23.2019.402
4. Дахин А.В. «Интегральный город»: критический анализ теоретических подходов // Вестник Нижегородского института управления. 2019. № 2(52). С. 18–24.
5. Дахин А.В., Семёнов Е.Е., Стрелков Д.Г. Нижегородская область в ситуации конфликта элит: основные тенденции, прогнозные гипотезы, оценки // Региональная политика. М.: Грифон, 2017. С. 235–244.
6. Дахин А.В. Система государственной власти в России: феноменологический транзит // Полис. Политические исследования. 2006. № 3. С. 29–41.
7. Кутырев В.А. Последнее целование. Человек как традиция. СПб.: Алетейя, 2015.
8. Луман Н. Общество как социальная система // Общество общества: в 5 кн. Кн. 1. М.: Логос. 2011. С. 15–201.
9. Макаренко Е.И. Субъектность отечественной технической интеллигенции в осуществлении задач информатизации // Власть. 2020. Т. 28, № 3. С. 158–163. DOI: 10.31171/vlast.v28i3.7333
10. Марченя П.П. Российская многопартийность: колыбель гражданского общества или могила имперской государственности? // Полис. Политические исследования. 2017. № 1. С. 41–52. DOI: 10.17976/jpps/2017.01.05
11. Остром Э. Управляя общим: эволюция институтов коллективной деятельности: пер. с англ. М., 2011.
12. Папело В.Н., Ковтун Б.А. Развитие института сельских старост в России: проблемы и пути решения // *Wschodnioeuropejskie Czasopismo Naukowe*. 2016. Т. 14, № 2. С. 52–55.
13. Хэмилтон М. Интегральный город. Эволюционные интеллекты человеческого улья. М.: Ориенталия, 2013.
14. Чепьюк О.Р. Экономическая бессубъектность как фактор дегуманизации социальных отношений: дис. ... докт. филос. наук. Н. Новгород, 2021. Режим доступа: <https://diss.unn.ru/files/2020/1070/diss-Chepyuk-1070.pdf>. Дата обращения: 20.04.2021.

■ Информация об авторе

Сергей Владимирович Давыдов — очный аспирант кафедры философии, социологии и психологии управления. Нижегородский институт управления — филиал ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ»; старший помощник депутата Законодательного Собрания Нижегородской области, Нижний Новгород, Россия. E-mail: 537395@mail.ru

References

1. Berger P, Lukman T. Social'noe konstruirovaniye real'nosti. Traktat po sociologii znaniya. Moscow; 1995. (In Russ.)
2. Dahin AV. The Idea of a Social and Secular State: the phenomenology of Constitution in Russia. *Yuridicheskaya nauka i praktika. Vestnik Nizhegorodskoy akademii MVD Rossii*. 2019;(1(45));274–278. (In Russ.). DOI: 10.24411/2078-5356-2019-10141
3. Dahin AV. “Industrialization of power”: Russian political transit in socio-technological dimension. *Politeks*. 2019;15(4):461–482. (In Russ.). DOI: 10.21638/spbu23.2019.402
4. Dahin AV. “Integral city”: critical analysis of theoretical approach. *Vestnik Nizhegorodskogo Instituta Upravleniya*. 2019;(2(52)):18–24. (In Russ.)
5. Dahin AV, Semyonov EE, Strelkov DG. Nizhegorodskaya oblast' v situacii konflikta elit: osnovnye tendencii, prognoznye gipotezy, ocenki. In: *Regional'naya politika*. Moscow: Grifon; 2017. P. 235–244. (In Russ.)
6. Dahin AV. State power system in Russia: phenomenological transit. *Polis. Political Studies*. 2006;(3):29–41. (In Russ.)
7. Kutyrev VA. Poslednee celovanie. Chelovek kak tradiciya. Saint Petersburg: Aletejya; 2015. (In Russ.)
8. Luman N. Obshchestvo kak social'naya Sistema. In: *Obshchestvo obshchestva: v 5 kn. Kn. 1*. Moscow: Logos; 2011. P. 15–201. (In Russ.)
9. Makarenko EI. Subjectivity of the Russian technical intelligentsia in the implementation of computerization tasks. *Vlast'*. 2020;28(3):158–163. (In Russ.). DOI: 10.31171/vlast.v28i3.7333
10. Marchenya PP. Russian multiparty system: the cradle of civil society or the tomb of imperial statehood? *Polis. Politicheskije issledovaniya*. 2017;(1):41–52. (In Russ.). DOI: 10.17976/jpps/2017.01.05
11. Ostrom E. *Upravlyaya obshchim: evolyuciya institutov kolektivnoj deyatelnosti*: per. s angl. Moscow; 2011. (In Russ.)
12. Papelo VN, Kovtun BA. The development of the village chiefs institution in Russia: problems and solutions. *Wschodnioeuropejskie Czasopismo Naukowe*. 2016;14(2):52–55. (In Russ.)
13. Hemilton M. *Integral'nyj gorod. Evolyucionnyye intellekty chelovecheskogo ul'ya*. Moscow: Orientaliya; 2013. (In Russ.)
14. Chep'yuk OR. *Ekonomicheskaya bessub'ektnost' kak faktor degumanizacii social'nyh otnoshenij*. [dissertation]. N. Novgorod; 2021. (In Russ.). Available from: <https://diss.unn.ru/files/2020/1070/diss-Chepyuk-1070.pdf>. Accessed: 20.04.2021

■ Information about the author

Sergey V. Davydov — Postgraduate student of the Department of Philosophy, Sociology and Psychology of Management. Nizhny Novgorod Institute of Management – the branch of Russia Academy of National Economics and Public Administration under the President of Russia Federation; Senior Assistant to the Deputy of the Legislative Assembly of the Nizhny Novgorod Region, Nizhny Novgorod, Russia. E-mail: 537395@mail.ru

ЧЕЛОВЕК — ДОМ СОЦИАЛЬНОГО БЫТИЯ: ДИВЕРСИФИКАЦИЯ РАМОК КОЛЛЕКТИВНОЙ СОЦИАЛЬНО-ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ

А.В. Дахин

Нижегородский институт управления — филиал Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации», Нижний Новгород, Россия

Для цитирования: Дахин А.В. Человек — дом социального бытия: диверсификация рамок коллективной социально-исторической памяти // Аспирантский вестник Поволжья. 2021. № 3–4. С. 43–46. DOI: <https://doi.org/10.17816/2072-2354.2021.21.2.43-46>

Поступила: 30.04.2021

Одобрена: 05.05.2021

Принята: 11.05.2021

▪ В статье отмечаются современные обстоятельства, которые актуализируют философскую дискуссию о природе социального бытия, человека и социальной памяти. Анализируется структурная диверсификация рамок социальной памяти, определяется место коллективной социально-исторической памяти, её значение для сохранения человека в качестве дома социального бытия. Отмечается, что современной отечественной философии необходима проработка методологического выбора в пользу развития представлений о человеке как доме социального бытия и утверждения фундаментального значения коллективной социально-исторической памяти в становлении и развитии современного человека и общества.

▪ **Ключевые слова:** человек; социальная память; живая социально-историческая память; социальное бытие; социальный субъект; теоретический плюрализм.

A HUNAM IS THE BODY OF SOCIAL BEING: DIVERCITY OF COLLECTIVE SOCIO-HISTORICAL MEMORY FRAMEWORKS

A.V. Dakhin

Nizhny Novgorod Institute of Management – the branch of Russia Academy of National Economics and Public Administration under the President of Russia Federation, Nizhny Novgorod, Russia

For citation: Dakhin AV. A hunam is the body of social being: Divercity of collective socio-historical memory frameworks. *Aspirantskiy Vestnik Povolzh'ya*. 2021;(3-4):43–46. DOI: <https://doi.org/10.17816/2072-2354.2021.21.2.43-46>

Received: 30.04.2021

Revised: 05.05.2021

Accepted: 11.05.2021

▪ Reflecting some contemporary trends social environment, the author underlines some of them which have increased the level of memory studies discussion. The paper reflects a trend of the postmodern pluralism field, where the social memory is defined as an object for free constructing. The alternative philosophical approach demands to rethink this pluralism by the decision of methodological choice towards memo philosophy which climes the idea of fundamental mission of social memory for social history and future development.

▪ **Keywords:** a human; social memory; vital collective socio-historical memory; social being; social subject; theoretical pluralism.

Тезис М. Хайдеггера о том, что «язык — это дом бытия» популярен уже почти сто лет [14]. С той поры, когда Хайдеггер пояснял как «бытие говорит повсюду и всегда, через всякую речь» [16, с. 63], объяснял, как «человеком правит принадлежность к бытию» [15, с. 74], произошёл лингвистический поворот философии, который окончательно прояснил, что не человек правит языком, но подкачанный риторикой бытия язык хочет править и правит человеком. Это то же самое, что от представлений о том, что «собака виляет хвостом»

мы переходим к представлениям о том, что «хвост виляет собакой». Тенденция ведёт к глобальному плюрализму («эпистемологический анархизм» П. Фейерабенда), которая выжигает устойчивые смысловые корни понятий, обращая их в «пустые означающие» (Е. Лаклау). В этом случае необходимо использовать иную пунктуацию «Я мыслю, следовательно, я существую» — моё Бытие сводится к иллюзии, порождаемой моей мыслью, и т. д. Все эти версии объединяет акцент на разрыве, который отделяет *cogito* от *sum*, мышление от

бытия — Лакан стремится разрушить иллюзию их пересечения, указывая на зазор во внешней гомогенности мышления-бытия... «я не субстанция, вещь, сущность; я свожусь к пустоте в порядке бытия, разрыву, *béance*» [7, с. 21]. В результате сгенерирована языковая структура фобософии (боязнь человеческой мудрости) — мировоззренческая система, разрушающая человеческую мудрость, незаметно для говорящего обнуляющая микрокосм человеческой личности, сводя и личность к «пустому означающему» [9].

Частным проявлением проблемы мировоззренческой деонтологизации человека и общества является сфера политики памяти. Активизация и радикализация мемо-политики на постсоветском пространстве актуализирует не только прикладные аспекты (исторические, политические, социологические и пр.) проблем памятования, в среде которых требуется принятие конкретных решений о сносе, сохранении, перемещении, создании и пр. конкретных мест или объектов памяти. Более сложные проблемы возникают в структуре *memory studies*, как новой научной парадигмы [2, с. 12], где рельефно проступают основные дилеммы этой проблематики: «культурная ценность» — «экономическая / политическая целесообразность» места памяти, «память» — «достоверность знания», «память» — «свобода творчества», «антропная память» — «кибер-память» и пр. Они заостряют вопрос методологического выбора при изучении социальной памяти — «присутствия того, что отсутствует», как с опорой на терминологию М. Хайдегера, говорит о памяти П. Рикёр [13, с. 25–43].

Память как «традиция» и память как «конструкт» — эта дилемма представляется наиболее фундаментальной. Отечественная философия переживала эту дилемму в формах дискуссии сторонников «революционного» (В.И. Ленин) и «эволюционного» понимания социального развития, в формах дискуссии между сторонниками «мичуринской теории» (Т.Д. Лысенко / 1898–1976) и генетики (Н.И. Вавилов / 1887–1943) [4, с. 103–162]. В этой дилемме упакован и актуальный философский спор о природе человека и человеческой деятельности: ‘человек как традиция’ (В.А. Кутырёв) VS ‘человек как конструкт’ (Н. Луман) и ‘человек как цельный субъект-микрокосм’ (С. Жижек) VS ‘человек как мешок множества информационных потоков’ (Д. Деннет). Сталкиваются альтернативные представления о соотношении исторически детерминированного и здесь-и-теперь конструируемого в предмете человеческой

деятельности, а также о взаимосвязи целостного единства и внутреннего разнообразия в структуре человеческой личности.

В поле постмодернистского мировоззрения генерируется непрерывный и бесконечный поток теорий, содержание которых сводится к отказу от «старинного» в пользу «современного», а форма определяется тем, насколько радикально «современное» борется против «старинного» [11, с. 63]. «Мы можем резюмировать, что общество не является какой-то сущностью. Его единство не может быть выявлено путём сведения к чему-то существенному с тем следствием, что противоречащие истолкования могли бы отклоняться как заблуждения... Именно это и является тем пунктом, на котором должно основываться „преописание“ староевропейской традиции» [12, с. 93]. Таковы концептуальные философские установки, следствием влияния которых становится утверждение представлений о вредности такого «пережитка прошлого», как социальная память.

Философский подход утверждает жизнеспособность «картезианского субъекта»: «Картезианская субъективность продолжает признаваться всеми академическими силами сильной и всё ещё действенной интеллектуальной традицией» [7, с. 24]. В русле этой традиции доказывается пагубность отчуждения человека от традиции [10], обосновывается фундаментальное значение структур памятования в природе и обществе [5, 6], откуда вытекает представление о непрерывном «подспудном сопутствии» памяти [1] всему тому, что делают люди здесь-и-теперь. Дорожная карта возвращения мировоззренческого дискурса из режима фобософии в режим философии включает интеграцию идей нескольких поколений отечественной философии, вехами которых являются философские системы В.С. Соловьёва, А.Ф. Лосева, Э.В. Ильенкова, И.Т. Фролова, Л.А. Зеленова, В.А. Кутырёва и др. Исследование природы социального бытия в этой философской традиции привело к выводу, что действие структур исторического памятования есть платформенная основа непрерывной диалектики социального бытия (то из предшествующей истории общества-и-человека, что благодаря социальной памяти продолжает присутствовать в каждом здесь-и-теперь) и социального небытия (то из предшествующей социальной истории, что исчезает безвозвратно, не обретает присутствия в здесь-и-теперь существовании общества-и-человека). Ключевая формула социального бытия состоит в том, что активность социальной памяти живых

сообществ людей удерживает часть собственной предшествующей истории в каждом здесь-и-теперь собственном социальном существовании в форах «идеального» [8, с. 180]. При этом «домом бытия» являются живой человек и живое сообщество людей, а структурами коллективной социальной памяти — фоновые практики, язык, институты социализации, институты-теки (библиотеки, фонотеки и пр.), места памяти и пр.

На индивидуальном уровне роль социальной памяти в формировании психологических основ человеческой социальности были раскрыты Л.С. Выготским, который заложил фундаментальную альтернативу фрейдистским подходам в понимании социальной памяти. Переход от исследования «рефлексов» к исследованию «поведения», от исследования «поведения-реакции на внешний стимул» к исследованию сознательного поведения в «двигательном поле». Основная концептуальная максима сводится к тому, что «сознательно» — это: а) внешний/внутренний стимул поведения сохраняется в качестве предмета внимания и не зависит от его физического присутствия; б) независимость «стимула» обеспечивается петлей социальной памяти (поверх прямого «следового» отпечатка); в) поведение подчинено приоритету внимания, а не приоритету физического присутствия «стимула». За этим следует функция координирующего волевого механизма поведения в общем двигательном поле. Это коренной психологический процесс, благодаря которому в каждый момент создаётся единство действия, что является психологической основой личности [3, с. 86]. Психологическая «петля» социальной памяти: нечто идеальное, дополняется таким социальным предметным действием, как «узелок на память», нечто материальное. В результате чего в деятельности человека формируется объемлющий строй социальной памяти, содержащей многообразные связи «идеального» и «материального», в диалектике которых и удерживается бытие предшествующей истории человека.

Такое понимание фундаментальности миссии памяти в мире людей позволяет уточнить «рамки памяти», которые почти сто лет назад обозначил М. Хальбвакс [17]. В современном индустриальном обществе имеет место диверсификация рамок социальной памяти, которая охватывает специфические для мира людей поля социального бытия. В их числе:

— *антропомерная коллективная социально-историческая память* функционирует в процессах общения между людьми; концентрируется в формах живой деятельно-

сти человеческой личности/сообщества; благодаря ей в обществе существуют живые традиции и формируется культурное бытие человека;

- *запоминающие техно-, киберустройства* функционируют в процессах технологических переработок объектов человеческой деятельности и концентрируются в формах техники; в этой рамке социальной памяти формируется информационное бытие человека;
- *экономическая память в виде «денег» (долговых обязательств)* функционирует в процессах обмена товарами и услугами, концентрируется в форме капитала; в экономической рамке социальной памяти формируется финансовое бытие человека;
- *антропомерная организационная память (политическая память)* функционирует в процессах подчинения одних людей другим (интересов одних людей интересам других), концентрируется в формах социальных институтов; в этой рамке памяти формируется политическое бытие человека.

Диверсификация рамок социальной памяти в современном обществе создаёт ситуации, в которых одни из них вступают в конфликтные отношения с другими. В частности, распространение киберпамяти вступает в конфликт со структурами антропомерной коллективной социально-исторической памяти. Экспансия экономической или организационной/политической памяти также может критически ограничивать поле действия антропомерной коллективной социально-исторической памяти. Дальнейшее исследование этих процессов требуется для определения параметров диалектики взаимного действия всех перечисленных рамок социальной памяти, а также для поиска путей эмансипации и реабилитации функций антропомерной коллективной социально-исторической памяти в современном обществе.

Список литературы

1. Ассман А. Длинная тень прошлого. Мемориальная культура и историческая политика / пер. с нем. Б. Хлебникова. М., 2014.
2. Ассман Я. Культурная память. Письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности / пер. М.М. Сокольской. М., 2004.
3. Выготский Л.С. Сознание как проблема психологии поведения // Собрание сочинений в 6 т. Т. 1. М.: Педагогика, 1984. С. 78–98.
4. Грэхэм Л.Р. Естествознание, философия и наука о человеческом поведении в Советском Союзе: пер с англ. М.: Политиздат, 1991. С. 103–162.

5. Дахин А.В. Общественное развитие и вызовы коллективной памяти: перспективы философской концептуализации *memory studies* // Вопросы философии. 2010. № 8. С. 42–44.
6. Дахин А.В. Синергетическая парадигма: коррекция по проблеме исторического памятования // Синергетическая парадигма. Социальная синергетика. М.: Прогресс-Традиция, 2009. С. 156–182.
7. Жижек С. Щекотливый субъект: отсутствующий центр политической онтологии / пер. с англ. С. Щукиной. М., 2014.
8. Ильенков Э.В. Диалектическая логика. Очерки истории и теории. М.: Политиздат, 1984.
9. Корнев В. Человек как пустое означающее в дискурсе современного масскульта [Электронный ресурс]. Ликбез. Литературный альманах, 2006. № 29. Май-июнь. Режим доступа: http://www.lik-bez.ru/archive/zine_number496/zine_clever501/publication526. Дата обращения: 04.04.2021.
10. Кутырёв В.А. Последнее целование. Человек как традиция. СПб.: Алетейя, 2015.
11. Ле Гофф Ж. История и память: пер. с фр. К. З. Акopiana. М., 2013.
12. Луман Н. Общество как социальная система // Общество общества: в 5 кн. Кн. 1. М.: Логос, 2011. С. 15–201.
13. Рикёр П. Память, история, забвение: пер. с фр. М., 2004.
14. Трофимова Л.И. М. Хайдеггер о языке как знаковом выражении рефлексированного бытия // Материалы первой международной научно-практической конференции «Актуальные проблемы социальной коммуникации», Н. Новгород, 20 мая 2010 г. С. 620–622.
15. Хайдеггер М. Закон тождества // Разговор на просёлочной дороге. Избранные статьи позднего периода творчества: пер. с нем. / под ред. А.Л. Доброхотова. М., 1991. С. 69–79.
16. Хайдеггер М. Изречение Анаксагора // Разговор на просёлочной дороге. Избранные статьи позднего периода творчества: пер. с нем. / под ред. А.Л. Доброхотова. М., 1991.
17. Хальбвакс М. Социальные рамки памяти / пер.с фр. и вступит. статья М.Н. Зенкина. М., 2007.
- kul'turah drevnosti: per. M.M. Sokol'skoj. Moscow; 2004. (In Russ.)
3. Vygotskij L.S. Soznanie kak problema psihologii povedeniya. In: Sbranie sochinenii v 6 t. Moscow: Pedagogika; 1984. Vol. 1. P. 78–98. (In Russ.)
4. Grekhem L.R. Estestvoznaniye, filosofiya i nauka o che-lovecheskom povedenii v Sovetskom Soyuze; per. s angl. Moscow: Politizdat; 1991. P. 103–162. (In Russ.)
5. Dakhin AV. Social development and calls of collective memory: prospect of philosophical conceptualisation of memory studies. *Voprosy filosofii*. 2010;(8):42–44. (In Russ.)
6. Dahin AV. Sinergeticheskaya paradigma: korrekciya po probleme istoricheskogo pamyatovaniya. In: Sinergeticheskaya paradigma. Social'naya sinergetika. Moscow: Progress-Tradiciya; 2009. P. 156–182. (In Russ.)
7. Zhizhek S. Shchekotlivyj sub'ekt: otsutstvuyushchij centr politicheskoy ontologii: per. s angl. S. Shchukinoj. Moscow; 2014. (In Russ.)
8. Il'enkov EV. Dialekticheskaya logika. Ocherki istorii i teorii. Moscow: Politizdat; 1984. (In Russ.)
9. Kornev V. Chelovek kak pustoe oznachayushchee v diskurse sovremennogo masskul'ta [internet]. Lik-bez. Literaturnyj al'manah, 2006. No. 29. Maj-iyun'. (In Russ.). Available from: http://www.lik-bez.ru/archive/zine_number496/zine_clever501/publication526. Accessed: 04.04.2021.
10. Kutyryov VA. Poslednee celovanie. Chelovek kak tradiciya. Saint Petersburg: Aleteiya; 2015. (In Russ.)
11. Le Goff Zh. Istoriya i pamyat': per. s fr. Moscow; 2013. (In Russ.)
12. Luman N. Obshchestvo kak social'naya sistema. In: Obshchestvo obshchestva: v 5 kn. Kn.1. Moscow: Logos; 2011. P. 15–201. (In Russ.)
13. Rikyor P. Pamyat', istoriya, zabvenie: per. s fr. Moscow; 2004. (In Russ.)
14. Trofimova LI. M. Hajdegger o yazyke kak znakovom vyrazhenii reflektirovannogo bytiya. Proceedings of conference "Aktual'nye problemy social'noj kommunikacii"; 2010 May 20; N. Novgorod. P. 620–622. (In Russ.)
15. Hajdegger M. Zakon tozhdestva. In: Razgovor na prosyolochnoj doroge. Sbornik. Ed. by A.L. Dobrohotova. Moscow; 1991. P. 69–79. (In Russ.)
16. Hajdegger M. Izrechenie Anaksagora. In: Razgovor na prosyolochnoj doroge. Sbornik. Ed. by A.L. Dobrohotova. Moscow; 1991. P. 26–68. (In Russ.)
17. Hal'bvaks M. Social'nye ramki pamyati: per. s fr. i vstupil. stat'ya M.N. Zenkina. Moscow; 2007. (In Russ.)

References

1. Assman A. Dlinnaya ten' proshlogo. Memorial'naya kul'tura i istoricheskaya politika: per.s nem. B. Hlebnikova. Moscow; 2014. (In Russ.)
2. Assman Ya. Kul'turnaya pamyat'. Pis'mo, pamyat' o proshlom i politicheskaya identichnost' v vysokih

■ Информация об авторе

Андрей Васильевич Дахин — доктор философских наук, профессор кафедры философии, социологии и психологии управления. Нижегородский институт управления — филиал ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ», Нижний Новгород, Россия. E-mail: nn9222@rambler.ru

■ Information about the author

Andrey V. Dakhin — Doctor of Philosophy, Professor of Department of Philosophy, Sociology and Psychology of Management. Nizhny Novgorod Institute of Management – the branch of Russia Academy of National Economics and Public Administration under the President of Russia Federation, Nizhny Novgorod, Russia. E-mail: nn9222@rambler.ru

ФАКТОРЫ МИГРАЦИИ КАК ЗЕРКАЛО СОСТОЯНИЯ ОБЩЕСТВА (НА МАТЕРИАЛЕ АНАЛИЗА МИГРАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ В РЕСПУБЛИКЕ КРЫМ)

М.С. Дихтемиров

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Крымский федеральный университет имени В.И. Вернадского», Симферополь, Россия

Для цитирования: Дихтемиров М.С. Факторы миграции как зеркало состояния общества (на материале анализа миграционных процессов в Республике Крым) // Аспирантский вестник Поволжья. 2021. № 3–4. С. 47–55. DOI: <https://doi.org/10.17816/2072-2354.2021.21.2.47-55>

Поступила: 13.05.2021

Одобрена: 25.05.2021

Принята: 30.05.2021

■ Автором статьи предпринята попытка определить стимулирующие и сдерживающие факторы, влияющие как на динамику, так и на специфику миграционных процессов на Крымском полуострове. События Крымской весны послужили ключевым триггером миграции как в Крым, так и из него, и в этом смысле отдельно взятая история мигрирующего человека позволяет более глубоко понять причины, по которым люди принимают решение в пользу того, чтобы покинуть Крым или переехать в этот регион. Этим обусловлен выбор метода case-study. Автор систематизирует факторы миграции. В первую очередь подразделяет их на природные и социальные. Все выделенные факторы распределяются в две крупные группы: стимулирующие и сдерживающие. Среди стимулирующих факторов преобладают природные: климат, близость к морю, экология и красивые ландшафты. Важно отметить, что к ним присоединяется только один социокультурный фактор миграции: ментальная близость и оценка перспектив развития крымского общества во всех его измерениях. Все стимулирующие факторы связаны также с актуальным положением дел в Крыму. Среди сдерживающих факторов миграции преобладают факторы, имеющие общественную природу. Они и возникают в различных сферах социальной жизни, и трансформируют их. Это высокие цены на продовольствие, аренду и покупку недвижимости, услуги в коммерческом секторе, а также санкции и политико-экономическая изоляция. Сдерживающие и стимулирующие факторы миграционных процессов отображают как проблемные зоны в обществе, так и направления развития.

■ **Ключевые слова:** миграционные процессы в Крыму; стимулирующие факторы; сдерживающие факторы; мигрантские кейсы; мигрантский опыт.

MIGRATION FACTORS AS A REFLECTION OF THE STATE OF SOCIETY (ANALYSIS OF MIGRATION PROCESS IN THE REPUBLIC OF CRIMEA)

M.S. Dikhtemirov

V.I. Vernadsky Crimean Federal University, Simferopol, Russia

For citation: Dikhtemirov MS. Migration factors as a reflection of the state of society (Analysis of migration process in the Republic of Crimea). *Aspirantskiy Vestnik Povolzh'ya*. 2021;(3-4):47–55. DOI: <https://doi.org/10.17816/2072-2354.2021.21.2.47-55>

Received: 13.05.2021

Revised: 25.05.2021

Accepted: 30.05.2021

■ The author has made an attempt to determine the stimulating and restraining factors influencing both the dynamics and specifics of migration processes on the Crimean Region. The events of the Crimean spring have served as a key trigger of migration both to and from Crimea and in this sense the individual story of a migrating person allows for a deeper understanding of the reasons why people decide to leave Crimea or move to this region. This is the reason for the choice of the case-study method. The author systematizes the factors of migration. First of all, the factors of migration are divided into natural and social. All identified factors are divided into two large groups: stimulating and restraining. Among the stimulating factors natural factors prevail: climate, proximity to the sea, ecology and beautiful landscapes. It is important to note that they are joined by only one socio-cultural factor of migration: mental proximity and assessment of the prospects of the Crimean society in all its dimensions. Also all the stimulating factors are

related to the current situation in Crimea. Among the restraining factors of migration the factors of social nature are predominant. They both arise in various spheres of social life and transform them. These include high prices for food, rent and purchase of real estate, services in the commercial sector, as well as sanctions and political and economic isolation. The restraining and stimulating factors of migration processes reflect both the problem areas in society and the directions of development.

▪ **Keywords:** migration processes in Crimea; incentive factors; disincentive factors; cases of migrant; experience of migrant.

Миграционные процессы сегодня широко исследуют в различных социальных дисциплинах, однако крымская миграционная специфика после марта 2014 г. остаётся за пределами социально-философской рефлексии. Преобладающими являются приведение и анализ статистических данных.

Основа миграции как социальной практики лежит, с одной стороны, в осознании невозможности человека достичь заветной цели, реализовать свой потенциал и прийти к желаемому уровню жизни, находясь в том месте, где он живёт, а с другой — в обнаружении такой возможности за пределами этого места. Крым всегда был привлекательным регионом для отдыха и оздоровления как в советское, так и в постсоветское время. Многие мечтают приобрести жилье у моря, а кто-то уже приобрёл, наслаждается крымской природой, верит в «светлое» будущее Крымского полуострова; другая часть социума, крымского в том числе, сомнительно оценивает все происходящие изменения и пытается реализовать себя за пределами Крыма. Каждая история индивидуальна, как и мотивы, по которым люди либо переезжают в Крым, либо покидают его. Однако каждый из мигрирующих людей ищет себя и своё место в социуме, поэтому понимание факторов, как сдерживающих, так и стимулирующих миграцию, помогают понять, что собой представляет крымское общество в его экономическом, политическом и культурном измерениях.

В данной статье предпринята попытка охарактеризовать существенные особенности миграционных процессов, протекающих в Крыму (включая Севастополь) после событий Крымской весны, на основе анализа мигрантских кейсов. Важно отметить, что мы опираемся на опыт людей, которые прибыли сюда как с материковой части России, так и с материковой части Украины, а также крымчан, покинувших полуостров. Данный опыт представлен на видеохостинге «Youtube», предоставляющем пользователям услуги хранения, доставки и показа видео. Используются также другие информационные ресурсы, в частности аналитические выпуски телепередач местных и внешних по отношению к региону

медиа, блоги крымских общественных деятелей, журналистские статьи.

Объектом исследования были миграционные процессы в Крыму; предметом — стимулирующие и сдерживающие факторы в Республике Крым.

В настоящей публикации поставлена задача выявить и систематизировать стимулирующие и сдерживающие факторы, способствующие изменению интенсификации миграций в Крыму. Необходимо отметить, что речь идёт о важнейшем решении в жизни людей. Перед тем как проследить общие стимулирующие и сдерживающие факторы, необходимо детально ознакомиться с историями конкретных людей, позволяющих глубже понять специфику проблем, с которыми сталкиваются мигранты. Таким образом, в данной статье использован метод case-study, или метод конкретных ситуаций.

В статье приведены четыре группы историй, взятых с видеохостинга «Youtube»: 1) крымчан, которые покинули полуостров; 2) мигрантов, прибывших в Крым на постоянное место жительства после крымского референдума 2014 г.; 3) людей, которые приехали в Крым, прожив тут более года, приняли решение вернуться в регион выбытия; 4) приехавших в Крым беженцев, которые массово покидали юго-восток Украины по причине внутреннего военного конфликта.

Первая группа включает истории людей, которые покинули Крым.

История № 1. Супружеская пара — Сергей и Людмила — переехали в Киев, в конце марта 2014 г. после событий Крымской весны по политическим мотивам и живут у матери жены в однокомнатной квартире. Супруг работает водителем, а супруга стала волонтером и помогает другим переселенцам из Крыма. Как отмечают представители общественной организации «Crimea-SOS», где работает Людмила, Крым покинуло около 25 тыс. крымчан. Им выплачивают около 90 евро ежемесячно в качестве социальной выплаты. Однако у большинства крымчан, уехавших на Украину по политическим мотивам, нет ни работы, ни жилья на новом месте [9].

В данной истории ключевым отталкивающим фактором послужила политическая обстановка в регионе.

История № 2. Семья Михайличенко переехала из Крыма в Киев, после событий Крымской весны так же по политическим мотивам, правда не совсем понятно, как данной семье удалось прижиться на новом месте, но возвращаться они не собираются [6].

В истории № 2 ключевым отталкивающим фактором также послужила политическая обстановка в крымском регионе.

История № 3. Семья Сейтвеливых покинула Крым прежде всего по политическим причинам, поскольку они были связаны с запрещённой в России организацией «Меджлис крымскотатарского народа». Им также пришлось оставить свой ресторанный бизнес в Бахчисарае. Тем не менее они заново организовали данное бизнес-направление уже в Киеве [6].

Аналогично в истории № 3 ключевым отталкивающим фактором послужила политическая обстановка на полуострове.

История № 4. Пенсионер Борис Бонфран, покинувший Крым после референдума, переехал в Винницу в 2015 г. Однако столкнулся с тем, что не может получить пенсию, поскольку местные органы требуют доказательства того, что он не получает пенсионные средства в России. Крымский эмигрант разочарован тем, что оказался в такой ситуации и отмечает, что таких как он, тысячи [2].

Главным фактором, побудившим пенсионера покинуть Крымский полуостров, была его политическая позиция.

Вторая группа включает истории людей, прибывших на полуостров.

История № 1. Алина (24 года) переехала в Крым из Днепропетровска в 2014 г. в надежде, что ей удастся найти лучшую жизнь. Однако найти работу по специальности «экология» на практике оказалось невозможным, несмотря на то, что в регионе-реципиенте очень много заповедников. По итогу девушка устроилась официантом. Украинка отмечает, что оформить патент на работу оказалось очень длительной и изнуряющей процедурой из-за огромного количества бюрократических проблем. Отмечается также пренебрежительное отношение к украинцам со стороны местных жителей на фоне большого количества приезжающих беженцев из Донецкой и Луганской Народных Республик, а также материковой Украины [5].

Стимулирующим фактором в этой истории была вера в то, что социально-экономическая обстановка в регионе-реципиенте лучше, чем в регионе-доноре.

Сдерживающими факторами послужили отсутствие вакансий по специальности,

излишняя бюрократизация во время трудоустройства, неприятие местными жителями «приезжих» с материковой Украины на фоне больших потоков беженцев и мигрирующих лиц с юго-восточной части Украины.

История № 2. Сергей (39 лет), несмотря на то, что родился в Крыму, прожил большую часть своей жизни в Одессе. Однако после наступления политического кризиса на Украине, в 2015 г. вернулся в Крым, где большие перспективы. Природные и климатические условия позволяют развивать пляжные виды спорта, фактически круглый год. Он также акцентирует внимание на том, что на полуострове очень высокие цены на аренду жилья, однако, в целом, уровень жизни вырос после воссоединения с Россией, поскольку фактически у каждого есть автомобиль и начали образовываться огромные пробки в городах. Сергей утверждает, что Крымский полуостров остро нуждается в молодых квалифицированных кадрах с материковой части России, которые бы могли внести весомый вклад в развитие этого региона по всем ключевым направлениям [5].

Стимулирующий фактор в истории Сергея — природа и климат Крыма.

Сдерживающими факторами стали высокие цены на аренду жилья и нехватка квалифицированных кадров, которые не позволяют региону более эффективно развиваться.

История № 3. Людмила (26 лет) вместе с мужем из Саратова переехали в Феодосию в 2015 г. Они отмечают, что их привлекает крымская природа, также на полуострове очень отзывчивые люди. Однако уровень жизни оставляет желать лучшего: зарплаты маленькие, а цены довольно большие практически на всё [5].

Стимулирующими факторами для семьи является крымская природа, отзывчивые люди и приемлемая инфраструктура.

Сдерживающими факторами выступают высокие цены и низкая оплата труда.

История № 4. Елизавета (26 лет) вместе с супругом переехали в Севастополь из Хабаровска в 2015 г. Пара отмечает, что они нуждались в благоприятном климате, а также хотели жить на юге ближе к морю и чистому воздуху, поскольку у них маленький ребёнок. Внутренние мигранты отмечают, что стоимость на жильё на полуострове идентична расценкам в их городе. Однако наблюдается сезонное повышение цен. Девушка также отмечает, что очень много посредников и мошенников в сфере риэлтерских услуг. Утверждается, что уровень жизни на

полуострове очень низкий, уровень квалификации вряд ли достойно оценят на рынке труда, цены на продукты питания завышены, качество медицинских услуг оставляет желать лучшего, как следствие — приходится пользоваться услугами платного врача. Сделан акцент на низком уровне качества обслуживания в сфере услуг и продаж, который ниже, чем в городе-доноре. Люди не хотят работать, а хотят только получать [5].

Стимулирующими факторами для молодой семьи послужили климат и близость к морю.

Среди сдерживающих факторов семья выделяет низкий уровень жизни, малое количество привлекательных рабочих мест с достойной оплатой труда, низкое качество здравоохранения, высокие цены на продукты, неудовлетворительное качество обслуживания в сфере услуг и продаж.

История № 5. Елена (48 лет) переехала в Крым из Москвы в 2015 г. Женщина устала от жизни в мегаполисе и решила переехать в более спокойную атмосферу. Переоценка ценностей подтолкнула её к переезду и покупке частного дома рядом с морем. Елену всё целиком устраивает: она занимается курортным делом, радуется доброжелательным людям и жизнью возле моря [5].

Стимулирующими факторами для женщины являются море, спокойная жизнь, приветливые люди.

История № 6. Семья из 5 человек из Кемерово переехала в Крым в 2017 г., так как очень хотелось жить у моря и дочка имела проблемы со здоровьем в городе-доноре. Отмечают хорошую экологию, чистый морской воздух. Положительных качеств жизни на полуострове на порядок больше, чем в Кемерово [8].

Приемлемая экология и близость к морю выступают как стимулирующие факторы для переезда на полуостров.

История № 7. Семья из Воронежа переехала в Евпаторию в 2019 г. Мигранты утверждают, что с 1992 по 2019 г. особо ничего не менялось в самой Евпатории. В свою очередь стоимость съёма жилья очень высокая. Найти работу от 30 000–40 000 руб. довольно тяжело. Сравнивая города Крыма, участники ролика утверждают, что Симферополь выглядит наиболее привлекательным в плане трудоустройства. Пытаясь сравнивать уровни зарплат между городом-выбытия Воронежем и городом-прибытия Евпаторией, семья приходит к выводу, что они разительно отличаются не в лучшую сторону по отношению к южному городу [4].

Для семьи сдерживающими факторами послужили медленное развитие города-реципиента; высокая стоимость как покупки, так и аренды жилья; проблематично найти рабочее место с оплатой выше средней по региону.

История № 8. Мигрант — русский немец из Казахстана, переехал в Крым из зауральского городка (*прим.*: не уточнил какого) в 2019 г. Автор ролика начинает свой блог с того, что каждый человек перед тем, как куда-то уезжать, должен задать себе вопрос, зачем он это делает. Отмечается, что положительная сторона Крыма — климат. Люди с южным менталитетом — добрые и отзывчивые, в то же время люди, живущие за Уралом, более закрытые. После воссоединения с Россией Крым стал центром притяжения новых и интересных людей, что также является стимулирующим фактором. Выделяя минусы и нюансы, к которым нужно быть готовым, автор отмечает следующее: беспорядок в органах государственной власти (очереди, проблемы с получением справок и документов); дефицит качественных услуг; высокие цены на продукты, жилье и аренду жилья; низкие зарплаты; сезонные пробки; санкции, которые сказываются на качестве жизни. Местные люди гораздо меньше работают. Автор говорит, что Крымский полуостров подходит для тех, кто работает удалённо и получает зарплату выше средней [20].

В этой истории сдерживающими факторами являются низкое качество работы муниципальных органов власти и предоставляемых в коммерческом секторе услуг; высокие цены на продукты и аренду жилья; санкции.

Стимулирующие факторы: климат, добрые и отзывчивые местные жители; полуостров стал центром притяжения интересных людей.

В **третью группу** вошли личные истории людей, которые прибыли на полуостров, пожили год и более, а потом решили его покинуть.

История № 1. Семья переехала из Санкт-Петербурга в Крым в 2016 г. В 2014 г. у супруги обнаружили онкологическое заболевание, и спустя полтора года борьбы, благодаря усилиям белорусских врачей, болезнь отступила. Однако после длительного и сложного лечения было необходимо пройти реабилитацию, и врач посоветовал семье перебраться в горно-морской климат хотя бы на год. Так авторы видеоролика и сделали, выбрав Крым. В какой-то момент у семьи появились мысли остаться на полуострове, купить участок, построить дом и жить тут постоянно. Однако

взвесив все плюсы и минусы, они решили вернуться обратно в Санкт-Петербург. В своём видеоблоге автор выделяет 5 основных причин — сдерживающих факторов, по которым семья вернулась обратно в свой родной город.

1. Климат. Несмотря на свою, с одной стороны, привлекательность, в конкретной ситуации климат сыграл отталкивающую роль (приезжим не понравилась сильная жара, которая держится довольно долго и порой доставляет очень много дискомфорта, а в случае с супругой — вообще противопоказана). Прожив всю сознательную жизнь в северном регионе, крайне сложно привыкнуть к южному.
2. Инфраструктура. Качество и уровень инфраструктуры находятся на очень низком уровне, хотя работы в этом направлении ведутся и сделано уже достаточно много, тем не менее, регион ещё не дотягивает до уровня Адлера и Сочи. Отсутствуют нормальные современные школы, больницы, дороги, общественный транспорт. Пляжи, ради которых едут в Крым туристы со всей страны, плохо оборудованы.
3. Крымский менталитет. Крымчане, очень толерантный и добрый народ. Из всех мест, где автору ролика доводилось жить, жители Крыма самые приветливые и добродушные люди. Мужчина говорит: «Есть такое понятие, как южный менталитет. Это ни в коем случае не критика, это констатация факта. Тут никто никому не торопится и всё делается крайне медленно и расслабленно. И для многих это будет существенным плюсом, но привыкнуть к этому крайне сложно. За полтора года жизни в Крыму, у меня этого сделать так и не получилось. В Питере, а уж тем более в Москве, ритм жизни совершенно другой. И часто я слышу, что именно от него бегут переезжающие в Крым на постоянное место жительства, но это не наш случай. Мне нравится бешеный ритм, движение и адреналин. Тут все больше напоминает сонное царство».
4. Цены на недвижимость. Блоггер утверждает, что это очень серьёзная проблема полуострова. Стоимость квадратного метра очень завышена. Купить участок в пешей доступности от моря — это несбыточная мечта. Как утверждает мигрант из Санкт-Петербурга: «Нужно быть внуком Абрамовича, чтобы позволить себе такую роскошь. Квартиры стоят дороже, чем в Питере, и очень скоро приблизятся к московским расценкам. Цены на однокомнатные квартиры в Севастополе начинаются от 2 500 000 руб., и за эти деньги ещё при-

дётся её поискать. Другими словами, купить землю или квартиру по адекватной цене в Крыму пока невозможно».

5. Работа. В семье мужчина работает один, как следствие — приходится много работать, так как ежемесячные расходы достаточно велики: аренда квартиры — 28 000 руб. (вместе с коммунальными услугами), необходимо также всех одеть, обууть и накормить. Отмечается, что с доходом в 50 000 руб. в Крыму жить очень тяжело, при этом найти работу даже за 25 000 руб. в месяц практически невозможно. В итоге мужчина «крутится как белка в колесе», чтобы выжить. За полтора года уроженец Санкт-Петербурга очень устал в Крыму. В городе-выбытия проблема с достойной оплатой труда отсутствует. По его прямой специальности он без труда может найти работу с окладом в 100 000–130 000 руб. [17]. Выходит, что среди сдерживающих факторов автор видеосюжета выделяет низкий уровень заработной платы, высокие цены на недвижимость, расслабленный образ жизни среди местного населения, слаборазвитую базовую инфраструктуру, климат.

В свою очередь стимулирующими факторами являются добродушные и отзывчивые люди, а также климат.

История № 2. Молодая пара переехала из Санкт-Петербурга в Крым в 2019 г., также считает климат ключевым притягивающим фактором. Однако в регионе чувствуется отсталость по сравнению с городом-выбытия. Живя на полуострове, у людей складывается впечатление, что жизнь проходит мимо тебя. Автор утверждает, что Крым не для всех. Отсутствуют места для интерактивного досуга. Скорее, полуостров для людей старше 40 лет, кто с семьёй, или кто всего добился и имеет возможность просто отдыхать и расслабляться. Очень мало перспектив для развития. Однако неразвитость выступает как плюс, так и минус — многие материковые бизнесмены пытаются реализовать что-то новое, но это не всегда приносит выгоду, в силу той же неразвитости: люди не понимают, зачем им это нужно. Автор привёл целый список минусов Крыма в целом и Евпатории в частности, по сравнению с Ленинградской областью (*прим.*: откуда он приехал): низкая платёжеспособность населения и туристов; печальное состояние медицины опять же из-за зарплат сотрудников, которые там работают; высокая стоимость и скудный ассортимент лекарств (очень сложно найти то, что нужно); высокая стоимость части продуктов, электроники и прочих бытовых товаров; мало товаров

хорошего качества за приемлемые деньги (хорошая мебель стоит огромных денег); отсутствие (практически) сетевых магазинов, таких как «Икея», «Леруа», «Пятёрочка», и прочего, как следствие — низкая конкуренция во многих нишах, что приводит к высоким ценам и плохому качеству; отсутствие «нормальных» банков (*прим.*: крупных банков России, которые работают на материковой части страны); отсутствие международных рейсов из аэропорта (регулярных и чартеров нет, пугёвок тоже нет); проблемы с оформлением виз (нет консульств) и с получением виз могут быть проблемы; люди, у кого работа связана с интернетом, испытывают трудности. Процесс развития идёт очень долго. Коррупция и воровство в органах государственной власти мешает развитию [13].

Во втором своём ролике мигрант говорит, что жить у моря и отдыхать в южном регионе — абсолютно разные вещи. Спустя чуть более года молодая пара вернулась домой [19].

Автор ролика отмечает, что стимулирующими факторами являются климат, общий низкий уровень развития.

Сдерживающие факторы: недостаток мест для интерактивного досуга; общий низкий уровень развития; низкий уровень развития медицины, высокая стоимость продуктов, электроники; отсутствие крупных федеральных сетевых магазинов; отсутствие международных рейсов; отсутствие консульств.

Анализ историй беженцев [12, 3, 11] с юго-востока Украины в Крым по причине внутреннего военного конфликта позволяет утверждать, что главными стимулирующими факторами были: мир и спокойствие в Крыму; географическая близость; общие духовные и культурные основания; готовность и желание принимающей стороны предоставить условия для жизни; вера в быстрое завершение конфликта, протекание которого наиболее комфортно можно переждать на родном полуострове; наличие родственников и друзей; популяризация идей «Русского мира» [7] и проекта «Новороссия» [21].

Сдерживающими факторами послужили неготовность полуострова интегрировать такое большое количество беженцев с юго-востока Украины; слаборазвитая социальная инфраструктура; переходный политико-правой период в регионе; крайне низкие шансы среди приезжих получить работу, как официальную, так и неофициальную; формирование негативного отношения к приезжим с юго-востока Украины [1]; длительная и изнурительная процедура получения необходимых

документов как для проживания на полуострове, так и для получения разрешения на работу [14, 15]; Указ № 691 «Об утверждении распределения по субъектам Российской Федерации граждан Украины и лиц без гражданства, постоянно проживающих на территории Украины и прибывших на территорию Российской Федерации в экстренном массовом порядке», согласно которому в Крыму и Севастополе не могут быть размещены беженцы [18].

Рассматривая состояние миграционного климата в Севастополе, уместно упомянуть в этом контексте выпуск видеопрограммы «Понаехали тут!», подготовленный медиа-проектом «ForPost», где обсуждался вопрос актуальной миграционной ситуации в этом городе. В выпуске приняли участие начальник управления по вопросам миграции Министерства внутренних дел России по городу Севастополю, подполковник полиции Н. Старухин; председатель постоянного комитета Законодательного собрания Севастополя по социально-гуманитарным вопросам Т. Щербакова; политический обозреватель, блогер Б. Рожин; представитель ОО «Севастопольская альтернатива» В. Радченко. Отмечается, что в Севастополь едут на данный момент люди пожилого возраста, чиновники, трудовые мигранты, которые совмещают работу с отдыхом. Также приезжают патриотично настроенные люди, которые хотят быть причастны к творящейся истории. Образ будущего города становится привлекательным фактором. Количество нелегальных иностранных мигрантов с каждым годом уменьшается. В то же время Севастополь не готов к большому количеству мигрантов, так как новая соответствующая инфраструктура не создана. У города нет понимания, в каких географических масштабах должен развиваться субъект, где можно обустраивать жилые районы.

Б. Рожин отмечает, что город должен развивать свою собственную промышленность (например, создание морских судов, приборостроения, военно-промышленного комплекса), что в перспективе позволит привлекать квалифицированную рабочую силу. Это также применимо и ко всему полуострову. Понимание главных направлений развития полуострова даст ответы на вопросы: сколько трудовых мигрантов, какой квалификации, на какой период времени необходимо привлекать. В свою очередь это позволит сформировать актуальную миграционную политику в регионе и снизить возникновение потенциальных конфликтов между местными жителями и мигрантами.

Т. Щербакова утверждает, что важно не какое количество людей приехало, а кто приехал (*прим.*: набор компетенций и навыков мигрантов). Врачи едут в Севастополь, однако они не всегда рады тому, что видят, имеется в виду условия трудовой деятельности. Она указывает также на тот факт, что в действительности неизвестно сколько людей проживает на данный момент в городе. Фиктивная регистрация стоит от 5000 до 15 000 руб. [16].

Важно также отметить открытие Крымского моста, железнодорожного сообщения, нового аэровокзального комплекса, которые значительно интенсифицировали миграционные процессы, как в Крым, так и из него. Как отмечает один из крымских блогеров, крымчане едут на материковую часть России, в частности в Краснодарский край, для решения личных проблем, которые возникли вследствие санкций и нежелания крупных российских компаний как торговых, так и банковских сетей функционировать на полуострове. Многие крымчане формируют бизнес-связи, часть из них переезжает в соседние города (Сочи, Краснодар, Ростов), видя там больше перспектив для жизни [10].

Рассмотрение мигрантских историй, размещённых на видеохостинге «Youtube», аналитических выпусков телепередач местных и внешних по отношению к региону медиа, блогов крымских общественных деятелей, журналистских статей позволило выделить следующие общие как стимулирующие, так и сдерживающие факторы.

К стимулирующим факторам миграции относятся: климат, близость моря, экология, природа; модернизированная коммуникационная инфраструктура (Крымский мост, трасса «Таврида», новый аэровокзальный терминал); добрые и отзывчивые люди; неразвитость региона, в том смысле, что на полуострове можно запускать новые бизнес-модели и реализовывать различного рода проекты, которые бы создали новые рабочие места и дополнительную конкуренцию на благо развития региона; привлекательная картина потенциального образа будущего полуострова; позиционирование Крыма, как диалоговой площадки, которая притягивает интересных, успешных и перспективных людей; факт воссоединения Крыма с Россией, который разбудил патриотические чувства среди россиян и впоследствии склонил их к переезду на полуостров, для того чтобы быть частью истории, творящейся на глазах; более спокойная жизнь по сравнению с мегаполисами; мир и спокойствие, что оказалось особенно важным для беженцев юго-востока Украины; ментальная

и культурная близость для приезжих, как с материковой части России, так и с материковой части Украины.

К сдерживающим факторам относятся: высокие цены на продовольствие, а также аренду и покупку недвижимости; завышенные цены на услуги в коммерческом секторе, одновременно прослеживается их низкое качество; низкий уровень развития социальной инфраструктуры; санкции и политико-экономическая изоляция (отсутствие консульств, международных рейсов, крупных международных компаний и т. д.); низкий уровень заработной плат; ограниченность рынка труда; нехватка квалифицированных кадров, что мешает развитию региона; негативный образ Крыма в международном контексте; излишняя бюрократизация процессов трудоустройства и легализации своего статуса для приезжих; слабо развитая медицинская сфера; привязка некоторых видов работ к сезонному графику; формирование неблагоприятного образа «приезжего» в среде местных жителей; мало понятные перспективы для крымской молодёжи, что может способствовать оттоку работоспособного населения и спровоцировать замещающую миграцию.

В заключение необходимо отметить, что система факторов миграции высвечивает социальную специфику и динамику развития крымского региона, а также позволяет выстраивать прогнозы относительно требуемых направлений такого развития. В частности, необходимо сохранять имеющиеся природные богатства Крыма, развивать туристическую отрасль и инфраструктуру Крымского полуострова на фоне популярности внутреннего туризма России, одновременно с этим начать модернизацию рекреационных зон. Кроме того, необходимо усовершенствовать механизмы регулирования цен на товары первой необходимости, развивать народную дипломатию и искать новые возможности для диалога с остальным миром, чтобы бороться с политико-экономической изоляцией и санкциями. Стоит уделить также внимание созданию условий для развития человеческого капитала, что положительно отразится на процветании Крымского полуострова.

Список литературы

1. «Донецкие» в Севастополе: от неприязни до любви и обратно [Электронный ресурс]. Свободная пресса. Режим доступа: <https://svpressa.ru/society/article/164956/>. Дата обращения: 20.12.2020.
2. Жители Крыма, которые выехали с полуострова, месяцами продолжают борьбу с бюрократами

- [Электронный ресурс]. Украина: национальный телеканал. Режим доступа: <https://www.youtube.com/watch?v=LVAxKx0amJE>. Дата обращения: 01.02.2021.
3. Жители Крыма помогают беженцам из Новороссии и Украины [Электронный ресурс]. Личный видеоблог Е. Орловой. Режим доступа: <https://www.youtube.com/watch?v=ArFP8jd7JyQ>. Дата обращения: 20.12.2020.
 4. Зарплаты в Крыму. Переезд в Крым, Евпатория. Оно того стоило? Откровение [Электронный ресурс]. Личный видеоблог «Я крымчанин». Режим доступа: <https://www.youtube.com/watch?v=Gq2pTij6Qqc>. Дата обращения: 01.02.2021.
 5. Как живётся в российском Крыму: 5 историй людей, переехавших после присоединения [Электронный ресурс]. Афиша Daily. Режим доступа: <https://daily.afisha.ru/cities/923-kak-zhivetsya-v-rossijskom-krymu-istorij-lydej-pereehavshih-posle-prisoedineniya/>. Дата обращения: 01.02.2021.
 6. Как живут крымчане, уехавшие в Киев после аннексии [Электронный ресурс]. Настоящее Время: телеканал. Режим доступа: https://www.youtube.com/watch?v=q7u_IG4ij0E. Дата обращения: 01.02.2021.
 7. Кривопущков В.В. Концепт «Русский мир»: принципы и возможности методологических подходов // Вестник АГУ: научный журнал. 2016. №. 1 (174). С. 111–118.
 8. Крым. Жалеем о переезде в Крым? Хотим обратно? Что мы думаем. Крым 2017 [Электронный ресурс]. Личный видеоблог Nina Darina. Режим доступа: <https://www.youtube.com/watch?v=Kr2grNmKJfk>. Дата обращения: 01.02.2021.
 9. Крымчане без Крыма: как живут беженцы с полуострова на Украине? [Электронный ресурс]. Deutsche Welle (DW). Режим доступа: <https://www.youtube.com/watch?v=fPTN01i6YdU>. Дата обращения: 01.02.2021.
 10. Крымчане едут из Крыма. Зачем или почему? [Электронный ресурс]. Эхо Москвы. Режим доступа: <https://echo.msk.ru/blog/amountain/2466529-echo/>. Дата обращения: 20.12.2020.
 11. Новый Крым «О беженцах» [Электронный ресурс]. Личный видеоблог Н. Терзиевой. Режим доступа: <https://www.youtube.com/watch?v=R3QTFsGiYQw>. Дата обращения: 20.12.2020.
 12. Объединение жителей Донбасса, переселившихся в Крым [Электронный ресурс]. Диалоговая онлайн-площадка. Режим доступа: <https://vk.com/donbasscrimea>. Дата обращения: 20.12.2020.
 13. Переехали из СПб в Крым на ПМЖ. Отзыв спустя месяц [Электронный ресурс]. Личный видеоблог И. Донецкова. Режим доступа: <https://www.youtube.com/watch?v=SyAmDeJ7JfA&t=395s>. Дата обращения: 20.12.2020.
 14. Переселенцы с Украины нашли в Крыму мир и спокойствие [Электронный ресурс]. Российская газета. Режим доступа: <https://rg.ru/2015/03/19/reg-kfo/begenzi.html>. Дата обращения: 20.12.2020.
 15. Помощь беженцам из Украины в Крыму [Электронный ресурс]. О гражданстве, регистрации, миграции, визовом режиме. Режим доступа: <https://vgrazhdanstve.ru/bezhenstvo/bezhency-v-krymu-iz-ukrainy.html>. Дата обращения: 20.12.2020.
 16. Понаехали тут! — говорим о мигрантах в Крыму и Севастополе [Электронный ресурс]. ForPost: новостной портал. Режим доступа: <https://www.youtube.com/watch?v=bykJZao8Jvk>. Дата обращения: 20.12.2020.
 17. Почему не стоит переезжать в Крым: пять причин [Электронный ресурс]. Блог не блогера. Режим доступа: <https://www.youtube.com/watch?v=m84gJMjMAKE>. Дата обращения: 20.12.2020.
 18. Постановление Правительства Российской Федерации от 22.07.2014 № 691 «Об утверждении распределения по субъектам Российской Федерации граждан Украины и лиц без гражданства, постоянно проживающих на территории Украины и прибывших на территорию Российской Федерации в экстренном массовом порядке» [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://government.ru/docs/all/92251>. Дата обращения: 10.08.2021.
 19. Семь причин, почему я уезжаю из Крыма [Электронный ресурс]. Личный видеоблог И. Донецкова. Режим доступа: <https://www.youtube.com/watch?v=Gk4TWtvsg74>. Дата обращения: 20.12.2020.
 20. Стоит ли переезжать в Крым? Все за и против [Электронный ресурс]. Личный видеоблог Д. Швабенланда. Режим доступа: <https://www.youtube.com/watch?v=egyWOLCF4tE&t=223>. Дата обращения: 01.02.2021.
 21. Факты против мифов: проект «Новороссия» [Электронный ресурс]. Русский мир: информационный портал. Режим доступа: <https://ruskiymir.ru/publications/145885/>. Дата обращения: 20.12.2020.

References

1. “Doneckie” v Sevastopole: ot nepriyazni do lyubvi i obratno [Internet]. Svobodnaya pressa. (In Russ.) Available from: <https://svpressa.ru/society/article/164956/>. Accessed: 20.12.2020.
2. Zhiteli Kryma, kotorye vyekhali s poluostrova, mesyacamı prodolzhayut bor’bu s byurokratami [Internet]. Ukraina: nacional’nyj telekanal. (In Russ.) Available from: <https://www.youtube.com/watch?v=LVAxKx0amJE>. Accessed: 01.02.2021.
3. Zhiteli Kryma pomagayut bezhencam iz Novorossii i Ukrainy [Internet]. Lichnyj videoblog E. Orlovoj. (In Russ.) Available from: <https://www.youtube.com/watch?v=ArFP8jd7JyQ>. Accessed: 20.12.2020.
4. Zarplaty v Krymu. Pereezd v Krym, Evpatoriya. Ono togo stoilo? Otkrovenie [Internet]. Lichnyj videoblog “YA krymchanin”. (In Russ.) Available from: <https://www.youtube.com/watch?v=Gq2pTij6Qqc>. Accessed: 01.02.2021.

5. Kak zhivetsya v rossijskom Krymu: 5 istorij lyudej, pereekhavshih posle prisoedineniya [Internet]. Afisha Daily. (In Russ.) Available from: <https://daily.afisha.ru/cities/923-kak-zhivetsya-v-rossijskom-krymu-istorij-lydej-pereekhavshih-posle-prisoedineniya/>. Accessed: 01.02.2021.
6. Kak zhivut krymchane, uekhavshie v Kiev posle aneksii [Internet]. Nastoyashchee Vremya: telekanal. (In Russ.) Available from: https://www.youtube.com/watch?v=q7u_IG4ij0E. Accessed: 01.02.2021.
7. Krivopuskov VV. Concept "the Russian world": principles and possibilities of methodological approaches. *Vestnik AGU: nauchnyj zhurnal*. 2016;(1(174)):111–118. (In Russ.)
8. Krym. Zhaleem o pereezde v Krym? Hotim obratno? Chto my думаем. Krym 2017 [Internet]. Lichnyj videoblog Nina Darina. (In Russ.) Available from: <https://www.youtube.com/watch?v=Kr2grNmKJfk>. Accessed: 01.02.2021.
9. Krymchane bez Kryma: kak zhivut bezhency s poluostrova na Ukraine? [Internet]. Deutsche Welle (DW). (In Russ.) Available from: <https://www.youtube.com/watch?v=fPTN01i6YdU>. Accessed: 01.02.2021.
10. Krymchane edut iz Kryma. Zachem ili pochemu? [Internet]. Ekho Moskvy. (In Russ.) Available from: <https://echo.msk.ru/blog/amountain/2466529-echo/>. Accessed: 20.12.2020.
11. Novyj Krym "O bezhencah" [Internet]. Lichnyj videoblog N. Terzievoj. (In Russ.) Available from: <https://www.youtube.com/watch?v=R3QTFsGiYQw>. Accessed: 20.12.2020.
12. Ob"edinenie zhitelej Donbassa pereselivshih v Krym [Internet]. Dialogovaya onlajn-ploshchadka. (In Russ.) Available from: <https://vk.com/donbasscrimea>. Accessed: 20.12.2020.
13. Pereekhali iz SPb v Krym na PMZH. Otzyv spustya mesyac [Internet]. Lichnyj videoblog I. Doneckova. (In Russ.) Available from: <https://www.youtube.com/watch?v=SyAmDeJ7JfA&t=395s>. Accessed: 20.12.2020.
14. Pereselency s Ukrainy nashli v Krymu mir i spokojstvie [Internet]. Rossijskaya gazeta. (In Russ.) Available from: <https://rg.ru/2015/03/19/reg-kfo/begenzi.html>. Accessed: 20.12.2020.
15. Pomoshch' bezhencam iz Ukrainy v Krymu [Internet]. O grazhdanstve, registracii, migracii, vizovom rezhime. (In Russ.) Available from: <https://vgrazhdanstve.ru/bezhenstvo/bezhency-v-krymu-iz-ukrainy.html>. Accessed: 20.12.2020.
16. Ponaekhali tut! – govorim o migrantah v Krymu i Sevastopole [Internet]. ForPost: novostnoj portal. (In Russ.) Available from: <https://www.youtube.com/watch?v=bykJZao8Jvk>. Accessed: 20.12.2020.
17. Pochemu ne stoit pereezhat' v Krym: pyat' prichin [Internet]. Blog ne blogera. (In Russ.) Available from: <https://www.youtube.com/watch?v=m84gJMjMAKE>. Accessed: 20.12.2020.
18. Postanovlenie Pravitel'stva Rossijskoj Federacii ot 22.07.2014 № 691 Ob utverzhenii raspredeleniya po sub"ektam Rossijskoj Federacii grazhdan Ukrainy i lic bez grazhdanstva, postoyanno prozhivayushchih na territorii Ukrainy i pribyvshih na territoriyu Rossijskoj Federacii v ekstrennom massovom poryadke [Internet]. (In Russ.) Available from: <http://government.ru/docs/all/92251>. Accessed: 20.12.2020.
19. Sem' prichin, pochemu ya uezzhayu iz Kryma [Internet]. Lichnyj videoblog I. Doneckova. (In Russ.) Available from: <https://www.youtube.com/watch?v=Gk4TWvtsg74>. Accessed: 20.12.2020.
20. Stoit li pereezhat' v Krym? Vse za i protiv [Internet]. Lichnyj videoblog D. SHvabenlanda. (In Russ.) Available from: <https://www.youtube.com/watch?v=egywOLCF4tE&t=223>. Accessed: 01.02.2021.
21. Fakty protiv mifov: projekt "Novorossiya" [Internet]. Russkij mir: informacionnyj portal. (In Russ.) Available from: <https://russkiymir.ru/publications/145885/>. Accessed: 20.12.2020

▪ Информация об авторе

Михаил Сергеевич Диктемиров — очный аспирант кафедры социально-гуманитарного профиля. ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В.И. Вернадского», структурное подразделение «Таврическая академия», Симферополь, Россия. E-mail: dihtemirov@gmail.com

▪ Information about the author

Mikhail S. Dikhtemirov — Postgraduate student. V.I. Vernadsky Crimean Federal University Taurida Academy, Department of Philosophy of Social Humanities, Simferopol, Russia. E-mail: dihtemirov@gmail.com

**СРЕДНЕВЕКОВАЯ РЕЛИГИОЗНАЯ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНАЯ
КУЛЬТУРА В ТРУДАХ В.С. СОЛОВЬЁВА***В.Л. Афанасьевский*Федеральное казенное образовательное учреждение высшего образования
«Самарский юридический институт Федеральной службы исполнения наказаний», Самара, Россия**Для цитирования:** Афанасьевский В.Л. Средневековая религиозная интеллектуальная культура в трудах В.С. Соловьёва // Аспирантский вестник Поволжья. 2021. № 3–4. С. 56–62. DOI: <https://doi.org/10.17816/2072-2354.2021.21.2.56-62>

Поступила: 20.04.2021

Одобрена: 25.04.2021

Принята: 30.05.2021

▪ Главной проблемой для русской исторической и историософской мысли конца XIX в. стал вопрос о степени влияния на мировосприятие человека Средних веков христианской идеологии. А так как именно В.С. Соловьёв сомневался в абсолютной значимости христианского вероучения для сознания средневековых Западной Европы, Византии и Руси, то его построения особенно интересны. Автор исходит из того, что все его размышления можно охарактеризовать как христианский утопизм, однако представлен в пространстве либеральных учений России второй половины XIX столетия. Акцентируется внимание на стремлении В.С. Соловьёва решать проблемы через полноту и чистоту идеала христианства. Поэтому сам всемирно-исторический процесс предстаёт как условие для функционирования этого идеала. Ключевым моментом для русского философа является убеждение, что в Средние века языческие элементы сохранялись и воздействовали на сознание людей под прикрытием христианской веры. А это приводит к антиномичности строя жизни и духа Средневековья. Именно этот момент необходимо учитывать при рассмотрении заявленной темы.

▪ **Ключевые слова:** Россия; Византия; христианство; христианская церковь; православие; католицизм; всеединство; человечество; богочеловечество; идеал; Средневековье; антиномичность; София; религиозность.

**MEDIEVAL RELIGIOUS INTELLECTUAL CULTURE
IN THE WORKS OF V.S. SOLOVIEV***V.L. Afanasevsky*

Samara Law Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, Samara, Russia

For citation: Afanasevsky VL. Medieval religious intellectual culture in the works of V.S. Soloviev. *Aspirantskiy Vestnik Povolzhiya*. 2021;(3-4):56–62. DOI: <https://doi.org/10.17816/2072-2354.2021.21.2.56-62>

Received: 20.04.2021

Revised: 25.04.2021

Accepted: 30.05.2021

▪ The article discusses the views of V.S. Solovyov on the medieval religious worldview. The main problem for historical and historical and philosophical thought at the end of the 19th century was the question of the degree of influence of Christian ideology on the perception of man in the Middle Ages. And since it was V.S. Soloviev who expressed doubts about the absolute significance of the Christian doctrine for the consciousness of medieval Western Europe, Byzantium and Russia, then his constructions are especially interesting. The author proceeds from the assumption that all his reflections can be characterized as Christian utopianism, however, it is presented in the space of liberal teachings of Russia in the second half of the 19th century. Attention is focused on the aspiration of V.S. Solovyov to solve problems through the completeness and purity of the ideal of Christianity. Therefore, the world-historical process itself appears as a condition for the functioning of this ideal. The key point for the Russian philosopher is the conviction that in the Middle Ages pagan elements persist and affect the consciousness of people under the guise of the Christian faith. And this leads to the antinomy of the order of life and the spirit of the Middle Ages. It is this moment that serves as the subject of this article.

▪ **Keywords:** Russia; Byzantium; Christianity; Christian Church; orthodoxy; catholicism; all-unity; humanity; Godmanhood; ideal; Middle Ages; antinomy; Sophia; religiosity.

В 70–90-е годы XIX в. с особой остротой обнажаются различия в оценках социально-культурного и духовного наследия России, специфики её исторического прошлого, характера национального самосознания русского народа. Совершенно понятно, что за поисками специфики становления русского национального самосознания и культуры в этот период стоят острейшие перипетии социальной, политической и идеологической действительности. Поэтому центральным стал вопрос, в какой степени христианская идеология служила абсолютным и незыблемым основанием жизни и мировоззрения средневекового общества Руси? И свидетельствует ли духовная культура этого общества о торжестве православной веры и благочестия? В силу исследовательских традиций практически все русские медиевисты отвечали на эти вопросы утвердительно, несмотря на различные оценки значения этого явления для духовной жизни России, особенно для новых исторических задач, стоявших перед пореформенной Россией. И поэтому небезынтересно, что именно В.С. Соловьёв как крупнейший представитель русского идеализма второй половины XIX в. ставит под сомнение безусловность господства христианской идеологии в социальной жизни и культуре средневековых обществ Западной Европы, Византии и Руси. Философско-исторические конструкции русского мыслителя можно охарактеризовать как христианский утопизм. Однако все его размышления необходимо представлять в процессе развития либеральных учений последней трети XIX столетия истории России.

Для Соловьёва характерно ярко выраженное стремление решать все проблемы человеческой жизни посредством духовно-религиозного «очищения», сквозь призму полноты и чистоты христианского идеала. Отрицая объективные тенденции исторического процесса и апеллируя лишь к «всеединому духу», способному реально влиять на ход истории, причём в такой степени, что история оказывается богочеловеческим процессом восхождения человечества к единству и цельности христианского идеала, Соловьёв усматривал этот идеал в будущем человечества. Весь пафос философско-религиозных, публицистических и поэтических произведений Соловьёва определяется его страстным желанием выработать такое цельное, «живое» знание (посредством синтеза всех достижений философии, богословия, науки и искусства), которое было бы способно действительно, реально «пересоздать» существующие условия жизни людей в духе «совершенного» христианского идеала

всеединства и полноты бытия. Нацеленность умозрительных построений Соловьёва на реальное «пересоздание» человеческой жизни представляет центральное звено его системы. На это обратил внимание В.Ф. Асмус: «...как бы цементируется и организуется одной центральной мыслью, одной руководящей тенденцией... Мысль эта в первом схематическом приближении может быть сведена ко взгляду на философию не как на отвлечённое познание действительности, но как на особый вид творчества, которое, опираясь на конкретное и целостное познание действительности, своей последней задачей имеет уже не только и даже не столько познание, но прежде всего — пересоздание действительности, возвышение её до последней ступени реальности и совершенства» [1, с. 65–66].

Но каковы пути и способы «перерождения» жизни природы и человека в духе требований христианского идеала? Какова специфика «русской национальной идеи», воплощающей искомый идеал, в сравнении с западноевропейским и византийским идеалом? Если христианский идеал не был в прошлом воплощён в жизнь, что Соловьёв со всей определённостью подчеркивает во всех своих произведениях, то он должен быть осуществлён в будущем, то есть его реализация тесно связана с развитием человечества, со свободной решимостью последнего воплотить идеал в жизнь: «Полнота всего существующего...», — пишет В.С. Соловьёв, — это безусловный идеал, реализация которого началась и продолжается во всемирной истории как общее, всемирное дело человечества...» [7, с. 311].

Всемирно-исторический процесс — это необходимое условие вызревания и реализации идеала. Идеал же, согласно Соловьёву, воплощает такую жизнь и культуру, которые выражают некое мистическое единство и целостность жизни, где последняя «ничего не исключает, но в своей всецелости совмещает высшую ступень единства с полнейшим развитием свободной множественности, — только она может дать настоящее, прочное удовлетворение всем потребностям человеческого чувства, мышления и воли и быть, таким образом, действительно общечеловеческой, или вселенской, культурой» [9, с. 176]. Итак, если исторический процесс необходим для реализации идеала, то как быть с той эпохой истории — Средневековьем, когда фактически господствовало христианское мировоззрение? А если это господство было не столь уж безраздельным, несмотря на официальное торжество религиозной идеологии и церкви, то почему, в силу каких причин не состоялась

вселенская теократия в тот период европейской истории?

Ответы Соловьёва на поставленные вопросы звучат весьма парадоксально, но именно эта парадоксальность обнажает внутреннюю напряжённость и антиномизм средневековой культуры и мировоззрения, диалектику реальной жизни и духовного синтеза этой жизни в формах христианской религиозности. Принципиальное отношение к средневековью у Соловьёва выражается в следующем: средневековое общество, культура и мировоззрение сохранили «языческие начала жизни под христианским именем». Средневековое общество не удовлетворяет Соловьёва, ибо все стороны социальной, культурной жизни, мировоззрения и духовный опыт не смогли пройти путь «внутреннего обновления в духе Христовом» [6, с. 343]. Это привело к тому, что весь строй жизни и духа отличался антиномичностью, мировоззрение — противоречивостью, так как все формообразования жизни основывались на компромиссе языческих и христианских начал жизни, мировоззрения и духа. Этот противоречивый симбиоз выражен, считает Соловьёв, прежде всего в социально-правовой и государственной сферах средневекового общества.

Римская языческая государственность, оказавшись основой западноевропейского феодализма, не смогла воплотить христианский идеал в жизнь. Стихия народной («языческой») жизни не вмещалась в нормы и принципы религиозного мировоззрения и официальной культуры. Христианская церковь (в облике католицизма) на протяжении всего Средневековья настойчиво добивалась безраздельного господства не только в духовной жизни индивидов, но и в политической жизни западноевропейских стран. Устремлённость к тотальному духовному и политическому господству извращала дух христианства, лишала его нравственного смысла: «Принимая образ государства, западная церковь лишала действительное государство его духовной опоры, отнимая у мирской политики её высшую цель и внутренний смысл». И в то время как западноевропейская культура постепенно создаёт условия для формирования индивидуально-личностного отношения к жизни, способности личности к самоопределению и нравственному выбору, «церковная власть хочет отнять у человека меру нравственного самоопределения». Насильственное подчинение личностного мировоззрения требованиям церковного авторитета привело, по мнению Соловьёва, к утрате католицизмом религиозно-нравственного превосходства над

личностью и к восстанию автономной личности против «насилия духовной власти, забывшей свой духовный характер» [2, с. 149, 152].

Западноевропейская реформация — необходимое противодействие противоречивым политическим, духовным, мировоззренческим устремлениям католической церкви. Но не только католицизм столкнулся с внутренними противоречиями. «Тысячелетнее царство» Византии, провозгласив ещё в IV в. н. э. христианство официальной идеологией, а церковь — прообразом вселенной теократии, так и не смогло воплотить провозглашённый идеал в жизнь.

Будучи религиозным мыслителем, Соловьёв не мог согласиться с тем, что крах Византии был обусловлен не только религиозными причинами, а длительным и очень глубоким социально-экономическим и политическим кризисом империи. Он полагал, что была «внутренняя, духовная причина падения Византии» и что эта причина коренилась не в ложности идеи христианской жизни (что характерно для католического Запада), а в ложном отношении к идее, ибо «истинную идею они понимали и применяли неверно» [3, с. 563]. Идея не стала «живым» знанием, подлинным смыслом «царства ромеев». Византия демонстрирует, по мысли Соловьёва, ужасное заблуждение, порок, состоящий в том, что «истинную» идею обособили от социальных отношений жизни, противопоставив эти начала друг другу: «Отделили религиозное общество от общества светского: первое заперли в монастырях, а fogum предоставили языческим страстям и законам». Соловьёв весьма сурово оценивает тысячелетнее существование Византийской империи, ибо мировоззрение ромеев так и осталось на уровне созерцательного мистицизма и аскетизма немногих монахов, а «что касается нравственной жизни, то у неё отняли её активную силу, навязав ей, как верховный идеал, слепую покорность власти, пассивное послушание, квиетизм, то есть отрицание человеческой воли и силы» [8, с. 48].

Мировоззренческий и нравственный квиетизм ромеев основывался на государственном, политическом и правовом диктате язычества, возведённого в норму. Самодержавный диктат (языческий по сути) византийских басилевсов подчинил своей политической воле и церковную организацию восточного православия. Соловьёв с возмущением пишет: «Вместо того, чтобы унаследованное ими языческое государство поднимать до высоты христианского царства, они напротив, христианское царство понизили до уровня

языческой самодовлеющей государственности. Самодержавию совести <...> они предпочли самодержавие собственного человеческого произвола, представляющего сосредоточенную в одном лице сумму всех частных произволов» [3, с. 565]. Но духовно-мировоззренческий смысл идеала, по Соловьёву, якобы не имеет ничего общего с державным произволом, ибо дело «богочеловеческого прогресса» не может осуществляться в рабстве и слепой покорности. Деспотизм державно-политический, срощенный с господством формально православного благочестия, привёл к застою и неподвижности не только в духовной жизни империи. Для Соловьёва совершенно ясно, что «принудительно обеспеченная неподвижность и однообразие в религиозной области, подавляя внутреннюю духовную энергию, отнимая у людей... умственный почин и удерживая их в страдательном, стадном состоянии, неизбежно отражаются и во внешней жизни, приводя к застою в культуре и к экономической беспомощности» [5, с. 475]. Всё это свидетельствует, согласно Соловьёву, об упадке византийской духовности и отказе на деле от идеала «вселенской теократии». Последняя немыслима без свободного участия всех в её созидании и без преобразования не только социального и духовного человеческого бытия, но и отношения к природным началам жизни.

Эти культурно-исторические, точнее, историко-религиозные параллели понадобились Соловьёву, чтобы в конце концов понять, что же представляет собой идеал, погружённый в живую практику и культуру Европы и Византии. Ещё в большей мере это необходимо Соловьёву, чтобы на фоне провала всех попыток католической Европы и православной Византии подчеркнуть «всемирно-историческую» миссию России в деле реализации идеала. Но истоки, корни мессианства России следует искать в древней и средневековой Руси, так как именно в тот период зарождается и складывается, считает Соловьёв, специфика духовно-религиозной и нравственной жизни России.

Русь в горниле своей истории выработала своё понимание единства конкретного человека с родом, единство, которое мыслилось не как абстрактная всечеловеческая общность, а как живое, действующее существо, умопостигаемое собирательное человечество, то есть как «вечное» человечество, которое трансцендентно реальному человеческому бытию, но благодаря способности людей переживать свое единство с «вечным» человечеством оно получает статус очищающего божественного начала — божественной

премудрости — Софии — открывающей человечность самого божества. Соловьёв настойчиво подчеркивает, что София является религиозной идеей именно средневекового общества Руси, поскольку «не от греков приняли наши предки эту идею, так как у греков, в Византии... премудрость божья, ἡ Σοφία τοῦ Θεοῦ, разумелась или как общий отвлеченный атрибут божества, или же применялась как синоним слова божия — Логоса» [4, с. 577].

Софийное переживание средневековым человеком своего единства с божественным порядком отражалось в средневековом искусстве Руси. Соловьёв отмечает, что в новгородском соборе XI в. наряду с изображением богородицы, Иоанна Крестителя, Христа и ангелов отчетливо видно изображение фигуры женщины, сидящей на престоле. Это изображение и есть образ Софии. Соловьёв рассматривает иконопись как символическое выражение духовно-религиозного опыта средневекового человека Руси. София была для него «небесной сущностью, скрытую под видимостью низшего мира, лучезарным духом возрождённого человечества, ангелом-хранителем Земли, грядущим и окончательным явлением божества». И, следуя в русле славянофильства, Соловьёв утверждает, что якобы «русский народ знал и любил под именем святой Софии социальное воплощение божества в церкви вселенской». В этом, согласно Соловьёву, и состоит высшее назначение национальной идеи русского народа, которая «зародилась в древней Руси и которую новая Россия должна поведать миру» [8, с. 371–372]. Таким образом, по мнению Соловьёва, в древней Руси зарождается «подлинное» отношение к божеству, выражающееся в том, что намечается «правильная» связь божественного и человеческого. Эта связь понимается как «богочеловеческий процесс», объединяющий завершение космогонического творения, «перерождение» всего человеческого рода и «всего мира» [2, с. 160–161].

Но Соловьёв вынужден признать, что нарисованную им картину религиозного мировоззрения человека средневековой Руси нельзя применить к конкретным обстоятельствам жизни, мировоззрению и культуре средневекового человека, поскольку слишком разительно несоответствие между «софийным» переживанием единения человека с богом и реальными социально-политическими обстоятельствами жизни Руси, катастрофическими периодами в её истории. В лучшем случае, картина «бого вдохновенного» братского единства всех людей, якобы столь характерная для религиозно-мистического опыта средневекового человека

Руси, может рассматриваться лишь как некий «идеал», для которого весьма трудно указать какие-то адекватные исторические предпосылки и обстоятельства. Скорее наоборот, история средневековой Руси, её социальные и политические формы организации жизни (особенно после утраты политической независимости в середине XIII в.) дают мало оснований для подобных идеальных побуждений. Поэтому средневековая Русь, как и католическая Европа и православная Византия, страдала от внутренней противоречивости своих политических, культурных и религиозных устремлений. Ибо полнота идеала «всеединой блаженной жизни» несовместима с государственно-политической организацией средневекового общества, когда само государство, по мнению Соловьёва, узурпирует все условия, необходимые для реализации идеала. Причём государство олицетворяет для средневекового человека, прошедшего длительный период утраты независимости в результате политической раздробленности Руси, политическое и духовное единство страны, единство, способное противостоять любой внешней угрозе.

С точки зрения Соловьёва, в XV–XVI вв. совершенно отчетливо вызревает и получает религиозный статус «идея самодержавия», которая «явилась для всего народа как знамя спасения». Но эта же вера в спасительную силу принципа монаршей, самодержавной власти страдала внутренней пустотой, что и сказалось, по мысли Соловьёва, на характере мировоззрения средневековой Руси. Характер «национальной веры» Соловьёв формулирует в виде антиномичного сочетания в мировоззрении той эпохи двух непримиримых идеалов жизни: «Менее обращало на себя внимание характерное явление, свойственное именно русскому народному сознанию, начиная с XII века... — признание зараз двух непримиримых идеалов царства: с одной стороны — христианский идеал царя как земного олицетворения и орудия божьей правды и милости..., а с другой стороны — чисто языческий образ властелина как олицетворения грозной, всеокрушающей, ничем нравственно необузданной силы, — идеал римского кесаря, оживлённый и усиленный воздействием ближайших ордынских впечатлений». Вот почему слияние власти самодержавия и христианского идеала жизни в ту эпоху представляло собой неадекватную по форме и по содержанию «теократию, где фактически верховная (не только светская, но и религиозная) власть концентрировалась в руках самодержавного монарха. По мнению Соловьёва, именно это и обнаружилось в период иконового

церковного раскола (в середине XVII в.), когда церковь «роковым образом обнаруживала свою зависимость от государственного начала» [3, с. 572, 575]. Для Соловьёва факт этой зависимости высвечивает конкретный изъян всей средневековой духовной и религиозной жизни Руси, ибо здесь-то и становится очевидным торжество мертвого византизма.

В оценке влияния Византии на духовную жизнь средневековой Руси Соловьёв пытается преодолеть дихотомию славянофилов и западников и выработать некий общий, объединяющий подход при исследовании характера и глубины этого влияния. Но то, в чём Соловьёв самым решительным образом был убеждён и в чём он выступал своеобразным «западником», — это вопрос о церковном расколе. Для Соловьёва раскол с особой силой и остротой обнажил зревшие давно бессилие и беспомощность церковной иерархии, неспособность последней самостоятельно решать духовно-нравственные вопросы человеческой жизни: «Русский раскол был естественным плодом, — решительно заявляет Соловьёв, — и законным возмездием византизма» [2, с. 129]. Коль это так, то совершенно ясно, что исторические формы русской церковной организации всё больше и больше теряли свое «софийно-богочеловеческое» содержание. Союз монархии и церкви не оправдать религиозным освящением и сакральным статусом монархической власти, как и не доказать прямое и непосредственное осуществление монархическим государством «христианского идеала». Если подобный союз невозможен (а Соловьёв в этом убеждался всё больше и больше), то невозможна и вселенская теократия, носителем идеи которой якобы была Россия в своём средневековом прошлом и должна быть в настоящем и будущем.

Чистота религиозного мировоззрения всё в большей степени связывается Соловьёвым (например, в диалоге «Три разговора») с непосредственным духовным опытом общения с божественной благодатью, переживанием «софийности» мира и его внутреннего очищения, но не в формах государственной церковной иерархии, а в формах духовно-нравственного «пересоздания» жизни, где якобы есть место и собирательному творческому преображению мира, и духовному подвигу конкретного индивида, осуществляющего (тем самым «подвигающего») идеал «всеединства и цельности» жизни. Соловьёв настаивает, что духовный, нравственный подвиг индивида обретает свой сокровенный смысл только в его свободном стремлении воплотить идеал жизни и своим подвигом обогатить всё

человечество. Он особо подчеркивает, что внутренние потенции идеала лишь тогда могут реализоваться, когда переходят «в индивидуальный нравственный подвиг, так и этот последний для полноты своей неизбежно входит в социальное движение всего человечества, примыкает так или иначе, в данный момент и при данных условиях, к общему богочеловеческому процессу всемирной истории» [7, с. 309].

Тем самым духовно-религиозный опыт, характерный для России на всех этапах её истории, мыслится Соловьёвым уже не столько в государственно-церковных формах, сколько как способ единения собирательно-«богочеловеческого процесса», с личными нравственными усилиями. Все исторические условия и формы организации национальной жизни России дают, согласно Соловьёву, преходящие формы теократического слияния государства и православного благочестия, слияния, которого в собственном смысле слова нет и быть не может. В последних произведениях Соловьёва («Воскресные письма», «Три разговора») всё больше слышен мотив, характерный для русского мистика, — близкого «конца истории», завершение всемирно-исторического процесса и торжества мирового зла. Именно поэтому Соловьёв постепенно отказывается не только от идеи теократии в настоящем и будущем, но и от самой возможности найти какие бы то ни было зародыши реального существования этой идеи в историческом прошлом. В этой связи он отказывается видеть особую роль и значение религиозного опыта средневековой Руси, как и значение этого опыта для создания теократического общества в будущем. Историческое прошлое России оценивается Соловьёвым всё более мрачно и пессимистично, что свидетельствует о серьёзном творческом кризисе, переживаемом Соловьёвым.

Но всё-таки что же остаётся, по мнению русского идеалиста, ценного и значительного от духовно-религиозного наследия средневековой Руси? Согласно последним произведениям Соловьёва единственным духовное наследие прошлого, которое имеет актуальный смысл, — это православный опыт переживания мира в его «софийной» ипостаси, опыт непосредственного мистического общения с Христом, переживание его (Христа) присутствия в религиозных таинствах, опыт мистического отношения к православной церкви не как к формальной иерархии, а как к живой общине, воплощающей «тело Христово».

Таков итог изысканий русского философа-мистика, венчающий христианский утопизм

и мистицизм его философии истории, его истолкование историко-культурного процесса Руси-России. Совершенно очевидно, что на рубеже XIX–XX вв. философско-православный теизм, пытающийся опереться на восточно-православную патристику, уже был не в состоянии дать объективную картину исторического развития России и её духовной культуры, не мог выступить теоретическим ориентиром настоящего и будущего развития русского общества. Всемирно-исторические, революционные потрясения в России в XX в. поставили под сомнение религиозно-эсхатологические «прозрения» Соловьёва, как и его «пророческие» («катастрофические» в последний период творчества) апокалипсически-мистические упования и ожидания.

Несмотря на интересные наблюдения и обобщения культурных явлений прошлого, а также на характерную тенденцию, присущую изысканиям Соловьёва, — раскрывать внутренние противоречия духовно-религиозной жизни Западной Европы, Византии и Руси, необходимо было использовать весь наличный в конце XIX — начале XX в. методологический арсенал социальной философии для научного анализа периодизации российской истории. Очевидно, если не прямо, то косвенно, именно ощущение этой невозможности и привело Соловьёва к пессимистическим выводам, ибо обнаружилось, что попытки интерпретировать духовное наследие России исключительно в религиозном духе были обречены на провал при любой серьёзной встрече с историческими фактами. Это стало совершенно ясно в последующем развитии отечественной исторической науки.

Список литературы

1. Асмус В.Ф. Владимир Соловьёв. М.: Прогресс, 1994.
2. Соловьёв В.С. Великий спор и христианская политика // В.С. Соловьёв. Сочинения в 2 т. Т. 1. Философская публицистика. М.: Правда, 1989. С. 59–167.
3. Соловьёв В.С. Византизм и Россия // В.С. Соловьёв. Сочинения в 2 т. Т. 2. Чтения о Богочеловечестве. Философская публицистика. М.: Правда, 1989. С. 562–601.
4. Соловьёв В.С. Идея человечества у Августа Конта // В.С. Соловьёв. Сочинения в 2 т. Т. 2. М.: Мысль, 1990. С. 562–581.
5. Соловьёв В.С. Из вопросов культуры // В.С. Соловьёв. Сочинения в 2 т. Т. 2. Чтения о Богочеловечестве. Философская публицистика. М.: Правда, 1989. С. 473–491.
6. Соловьёв В.С. Об упадке средневекового мирозерцания // В.С. Соловьёв. Сочинения в 2 т. Т. 2. М.: Мысль, 1990. С. 339–350.

7. Соловьёв В.С. О подделках // В.С. Соловьёв. Сочинения в 2 т. Т. 2. Чтения о Богочеловечестве. Философская публицистика. М.: Правда, 1989. С. 305–316.
8. Соловьёв В.С. Россия и вселенская церковь. М.: Фабула, 1991 (репринт издания А.И. Мамонтова. М., 1911).
9. Соловьёв В.С. Философские начала цельного знания // В.С. Соловьёв. Сочинения в 2 т. Т. 2. М.: Мысль, 1990. С. 139–288.

References

1. Asmus VF. Vladimir Solov'ev. Moscow: Progress; 1994. (In Russ.)
2. Solov'ev VS. Velikij spor i hristianskaya politika. In: V.S. Solov'ev. Sochineniya v 2 t. Vol. 1. Filosofskaya publicistika. Moscow: Pravda; 1989. P. 59–167. (In Russ.)
3. Solov'ev VS. Vizantizm i Rossiya. In: V.S. Solov'ev. Sochineniya v 2 t. Vol. 2. Chteniya o Bogochelovechestve. Filosofskaya publicistika. Moscow: Pravda; 1989. P. 562–601. (In Russ.)
4. Solov'ev VS. Ideya chelovechestva u Avgusta Konta. In: V.S. Solov'ev. Sochineniya v 2 t. Vol. 2. Moscow: Mysl'; 1990. P. 562–581. (In Russ.)
5. Solov'ev VS. Iz voprosov kul'tury. In: V.S. Solov'ev. Sochineniya v 2 t. Vol. 2. Chteniya o Bogochelovechestve. Filosofskaya publicistika. Moscow: Pravda; 1989. P. 473–491. (In Russ.)
6. Solov'ev VS. Ob upadke srednevekovogo mirosozercaniya. In: V.S. Solov'ev. Sochineniya v 2 t. Vol. 2. Moscow: Mysl'; 1990. P. 339–350. (In Russ.)
7. Solov'ev VS. O poddelkah. In: V.S. Solov'ev. Sochineniya v 2 t. Vol. 2. Chteniya o Bogochelovechestve. Filosofskaya publicistika. Moscow: Pravda; 1989. P. 305–316. (In Russ.)
8. Solov'ev VS. Rossiya i vselenskaya cerkov'. Moscow: Fabula; 1991 (reprint s izdaniya A.I. Mamontova. Moscow; 1911). (In Russ.)
9. Solov'ev VS. Filosofskie nachala cel'nogo znaniya. In: V.S. Solov'ev. Sochineniya v 2 t. Vol. 2. Moscow: Mysl'; 1990. P. 139–288. (In Russ.)

▪ Информация об авторе

Вадим Леонидович Афанасьевский — кандидат философских наук, доцент кафедры теории и истории государства и права. ФКОУ ВО «Самарский юридический институт ФСИН России», Самара, Россия.
E-mail: adler_vadim@mail.ru

▪ Information about the author

Vadim L. Afanasevsky — Candidate of Philosophical Sciences, Assistant Professor at the Department of Theory and History of State and Law. Samara Law Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, Samara, Russia.
E-mail: adler_vadim@mail.ru

ДИАЛЕКТИКА ЦЕЛИ И СРЕДСТВ В ЖИЗНИ, ТВОРЧЕСТВЕ И МИРОВОЗЗРЕНИИ И.А. ДЕДКОВА

А.В. Зайцев

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования
«Костромской государственной университет», Кострома, Россия

Для цитирования: Зайцев А.В. Диалектика цели и средств в жизни, творчестве и мировоззрении И.А. Дедкова // Аспирантский вестник Поволжья. 2021. № 3–4. С. 63–72. DOI: <https://doi.org/10.17816/2072-2354.2021.21.2.63-72>

Поступила: 15.04.2021

Одобрена: 21.04.2021

Принята: 22.04.2021

- В статье рассказывается о взглядах И.А. Дедкова на соотношение цели и средств на пути к высокому общественному идеалу. Проведённый анализ отражает гуманистическую онтологию его мировоззрения. Будучи убежденным антисталинистом, сторонником решений XX съезда Коммунистической партии Советского Союза, И.А. Дедков на протяжении всей своей жизни и творчества в письмах, дневниковых записях, литературно-критической и практической деятельности последовательно осуждал антигуманный принцип «цель оправдывает средства», черпая для этого аргументы из традиций русской классической литературы и русской дореволюционной либерально ориентированной философии, а также из западноевропейского экзистенциализма. В статье раскрывается латентно существовавшая ещё во времена СССР данная гуманистически-мировоззренческая интенция в литературном наследии критика и журналиста И.А. Дедкова. Основными методами, которыми пользовался автор при подготовке данной публикации являются: элементы системного и сравнительного (компаративного) анализов, биографического, дискурсивного и нарративного методов исследования. Главный вывод из проведённого исследования — это раскрытие гуманистической природы мировоззрения И.А. Дедкова, резко отличающейся от аморальной методологии политической целесообразности, пренебрегающей выбором и использованием этически обоснованных и адекватных поставленной цели средств её реализации. Данное положение подкреплено текстологическим анализом целого ряда источников, в том числе повести Ю.В. Трифонова «Нетерпение» из серии «Пламенные революционеры» о революционере-народнике А.И. Желябове. Свои теоретико-мировоззренческие постулаты, основанные на неприятии и отторжении антигуманной и бесчеловечной политической практики, И.А. Дедков последовательно отстаивал в своей литературно-критической и публицистической деятельности, а также в личной жизни, сохраняя преданность социалистическому (коммунистическому) идеалу в его гуманистическом (антропоцентрическом) идеале.
- **Ключевые слова:** цель; средства; гуманизм; мировоззрение; философия; литература; марксизм; сталинизм; экзистенциализм.

THE DIALECTIC OF PURPOSE AND MEANS IN THE LIFE, WORK, AND WORLDVIEW OF I.A. DEDKOV

A.V. Zaitsev

Kostroma State University, Kostroma, Russia

For citation: Zaitsev AV. The dialectic of purpose and means in the life, work, and worldview of I.A. Dedkov. *Aspirantskiy Vestnik Povolzh'ya*. 2021;(3-4):63–72. DOI: <https://doi.org/10.17816/2072-2354.2021.21.2.63-72>

Received: 15.04.2021

Revised: 21.04.2021

Accepted: 22.04.2021

- The article deals with I.A. Dedkov's views on the ratio of the goal and the means on the way to the high social ideal. The analysis reveals the humanistic ontology of his worldview. I.A. Dedkov was a convinced anti-Stalinist, a supporter of the 20th Communist Party of the Soviet Union Congress decisions. Throughout his life and creative work, in his letters, diary entries, literary-critical and practical activities he consistently denounced the anti-humanist principle “the end justifies the means”, drawing arguments from the traditions of Russian classical literature and Russian prerevolutionary liberal-oriented philosophy, as well as from the Western European existentialism. This article reveals the latent humanistic-minded intension that existed in the Soviet period in the literary heritage of the critic

and journalist I.A. Dedkov. The main methods used by the author in preparing this publication are elements of systematic and comparative (comparative) analysis, biographical, discursive and narrative research methods. The main conclusions from this study are the disclosure of the humanistic nature of I.A. Dedkov's worldview, sharply different from the amoral methodology of political expediency, which neglects the choice and use of ethically justified and adequate to the goal of its implementation. This position is supported by textual analysis of a number of sources, including Yu.V. Trifonov's story "Impatience" from the series "Fiery revolutionaries" about the revolutionary folk activist A.I. Zhelyabov. I.A. Dedkov consistently defended his theoretical and ideological postulates based on rejection and rejection of anti-human and inhumane political practices in his literary and journalistic activities, as well as in his personal life, maintaining his devotion to the socialist (communist) ideal in its humanistic (anthropocentric) ideal.

▪ **Keywords:** purpose; means; humanism; worldview; philosophy; literature; Marxism; Stalinism; existentialism.

Проблема соотношения цели и средств восходит к деятельности иезуитов, выработавших собственную систему моральных ценностей, названую ими «приспособительной» (accomodativa). Такой подход предоставлял широкие возможности для произвольного истолкования базовых морально-нравственных норм и ценностей христианства. Это теоретическая интерпретация религиозной морали нужна была иезуитам для того, чтобы, в зависимости от обстоятельств, было возможно и морально приемлемо совершать — во имя «высшей цели» — любые преступления. Именно такая инструментализация морали в дальнейшем получила воплощение в приписываемой иезуитам максиме: «цель оправдывает средства».

Дальнейшее развитие данный принцип получил в творчестве Н. Макиавелли. В разработке теории и практики политической деятельности он стоял на утилитарно-прагматических позициях, обеспечивающих извлечение из политического аморализма (разделения сфер политики и морали) наибольшей выгоды и пользы. Следуя принципу «цель оправдывает средства» Н. Макиавелли решительно отстаивал смелость и решительность, уверенность и гибкость, силу и хитрость в достижении желаемого практического результата.

В русском революционном движении второй половины XIX в. последовательным сторонником иезуитского принципа «цель оправдывает средства» был С.Г. Нечаев. Как он писал в печально знаменитом «Катехизисе революционера», для настоящего революционера существует только одна цель «наискорейшее и наивернейшее разрушение этого поганого строя». «Нравственно для него всё, что способствует торжеству революции, — утверждает этот апостол революции. — Безнравственно и преступно всё, что мешает ему» [13, с. 244].

Другой дореволюционный критик и журналист В.А. Зайцев в статье «Новая нравственность» так констатировал появление новой революционной морали: «Как первый проповедник христианской морали, бывшей

при нём тоже новой, провозглашал: „Кто не за нас, тот против нас!“ — так и новая нравственность берет за основание правило: „Благо есть то, что служит революции или вредит старому порядку, зло есть то, что вредит революции или служит старому порядку“» [12]. Схожие с этими взгляды высказывали П.Н. Ткачев [15, с. 95–98] и М.А. Бакунин [9], а затем эти моральные принципы в борьбе с самодержавием были использованы в практике террористической деятельности наиболее радикальными представителями «Народной воли» [22, с. 43].

Несмотря на то что Ф.М. Достоевский в своём глубоко провиденциальном романе «Бесы», а также в ряде других поздних литературных и публицистических произведениях («Идиот», «Дневник писателя») глубоко осмыслил и осудил подобные методы революционной борьбы, на этом функционирование принципа «цель оправдывает средства» в отечественной истории и культуре завершено не было. Своеобразная рецепция доминирования великой и благородной (по своему замыслу) цели над аморальными и бесчеловечными средствами и методами её достижения произошла в большевизме. Причем как в дореволюционный, так и в постреволюционный периоды деятельности Российская социал-демократическая рабочая партия – Всесоюзная коммунистическая партия (большевиков) – Коммунистическая партия Советского Союза.

Об интересе к теории и практике революционной деятельности С.Г. Нечаева со стороны В.И. Ленина свидетельствуют воспоминания его соратника В.Д. Бонч-Бруевича. По его словам, В.И. Ленин «придавал большое значение Ткачёву», «которого он предлагал всем и каждому читать, изучать» [1, с. 18]. А над страницами прокламаций и статей Нечаева так он и во все подолгу задумывался и заявлял, что якобы вот «какой ловкий трюк проделали реакционеры с Нечаевым, с лёгкой рукой Достоевского и его омерзительного, но гениального романа „Бесы“, когда даже революционная среда стала относиться отрицательно к Нечаеву, совершенно забывая, что этот титан революции

обладал такой силой воли, таким энтузиазмом, что и в Петропавловской крепости, сидя в невероятных условиях, сумел повлиять даже на окружающих его солдат таким образом, что они всецело ему подчинялись» [1, с. 18].

В С.Г. Нечаеве, как утверждал соратник вождя мирового пролетариата, В.И. Ленина, прежде всего, привлекали «талант организатора», умение вести конспиративную работу и облекать свои мысли в «потрясающие формулировки», а также желание полностью уничтожить правящую династию и всякое упоминание о ней во время богослужения в русской православной церкви. «„Нечаев должен быть весь издан. Необходимо изучить, дознаться, что он писал, где он писал, расшифровать все его псевдонимы, собрать воедино и всё напечатать“, — неоднократно говорил Владимир Ильич» [1, с. 18].

Вряд ли такое внимание к политическому аморализму С.Г. Нечаева со стороны В.И. Ленина можно считать случайным. Нечаевщина более чем очевидно, с нашей точки зрения, отразилась в его знаменитой речи на III съезде комсомола, где В.И. Ленин высказался, чуть ли не дословно, как говорили его предшественники-аморалисты, отрицавшие мораль и нравственность в сфере политики: «Мы говорим: нравственность — это то, что служит разрушению старого эксплуататорского общества... Коммунистическая нравственность... служит этой борьбе... против всякой эксплуатации...» [17, с. 311]. В своей знаменитой речи В.И. Ленин подчеркнул, что для него общечеловеческая нравственность, то есть нравственность как бы «взятая вне человеческого общества, не существует; это обман», а коммунистическая, то есть классовая, «нравственность подчинена интересам классовой борьбы пролетариата» [17, с. 310].

В одном из томов многотомного свода воспоминаний о В.И. Ленине зафиксирована его фраза, сказанная им накануне разгона Учредительного собрания в январе 1918 г.: «Морали в политике нет, а есть только целесообразность» [18, с. 166]. Сущность политической целесообразности состоит в том, что для достижения поставленной цели должны предприниматься любые усилия, способствующие её реализации. В том числе аморальные, с точки зрения общечеловеческой нравственности, но абсолютно допустимые в контексте какой-либо иной, более узкой, системы моральных ценностей. К примеру, с точки зрения революционной морали, классовой, пролетарской или даже криминально-уголовной «нравственности», допускающей (санкционирующей) применение любых средств принуждения по

отношению к своим оппонентам (врагам, противникам).

Такой подход предельно откровенно раскрыт в статье Л.Д. Троцкого «Их мораль и наша» [21, с. 216–217]. Данная работа, призванная доказать отход И.В. Сталина от марксистско-ленинской концепции морали и нравственности, в действительности стала одной из важнейших в контексте дискуссий о соотношении цели и средств в политике, подтвердив доктринальную приверженность и И.В. Сталина, и Л.Д. Троцкого традиционному классовому истолкованию морально-нравственных ценностей. Как совершенно справедливо пишет А.А. Гуссейнов, Л.Д. Троцкий в этом вопросе исходит из базового для марксизма-ленинизма тезиса, что нельзя применять одинаковые моральные категории к действиям революционеров и реакционеров, то есть к «нам» и к «ним». Ведь «нам», в отличие от «них» «дозволено делать то, что категорически запрещено „им“, „мы“ убиваем — хорошо, „они“ убивают — плохо» [2, с. 265]. В результате граница, отделяющая добро от зла, совпадает с линиями, разделяющими социум на противоборствующие классы. Этика сливается с политиком. Морально (и политически) оправданным признаются любые средства, используемых для ускорения общественного прогресса и торжества коммунизма. Огромные человеческие жертвы, понесенные в процессе достижения этого идеала, признаются не только исторически неизбежными, но и морально оправданными движением к великой цели.

Так, например, с точки зрения захвата заложников или совершения террористического акта морально-нравственная оценка этих действий, с позиции коммунистической морали и нравственности, возможна лишь на основе классового критерия. Если это совершают сторонники исторического прогресса и торжества коммунизма — то это благо, если противники прогресса и коммунизма — это зло. Если убивают, расстреливают, терроризируют, репрессиируют, ссылают, осуждают, без реальной вины, на многолетние сроки лишения свободы или высылают из страны представителей состоятельных слоёв общества: правящей верхушки, буржуазии, землевладельцев, интеллигенции — это справедливо и морально оправданно. Если жертвами политического режима становятся неимущие слои общества: рабочие, сельские пролетарии, бедняки, революционеры — это преступление против человечности. Первое, по логике В.И. Ленина, И.В. Сталина, Л.Д. Троцкого и их единомышленников, способствует торжеству коммунизма как высшей

цели общественного прогресса. Второе — тор-мозит, мешает, противоречит поступательному движению к научно обоснованному класси-ками марксизма-ленинизма идеалу.

С такой позицией категорически не был согласен журналист, публицист, литературный и театральный критик Игорь Александрович Дедков (1934–1994).

Ещё во время учебы на факультете журналистики Московского государственного университета им. М. Ломоносова И.А. Дедков живо интересовался современными политическими процессами и философскими проблемами, вопросами марксизма и теории построения социализма и коммунизма, читал доступные ему научные книги, журналы и статьи. Разоблачение преступлений сталинизма в докладе Н.С. Хрущёва на XX съезде партии он глубоко воспринял как личную трагедию и, являясь по своей мировоззренческой ориентации представителем советско-российского гуманизма, всегда отстаивал приоритет выбора средств на пути построения общества социальной справедливости.

Идеи гуманизма проникали в мировоззрение И.А. Дедкова вместе с экзистенциальными идеями русской классической литературы, отечественной философии и западно-европейского экзистенциализма, всё более и более вытесняя прежние сталинистские представления о «казарменном коммунизме» как главной цели общественного прогресса и якобы оправданности и закономерности огромных человеческих жертв на пути его достижения.

Этот важнейший для мировоззрения и личной моральной философии И.А. Дедкова гуманистический тренд проявился ещё на студенческой скамье и продолжал функционирование на протяжении всей его жизни и творчества, проявляясь в литературно-критических статьях, мемуарах (дневниках, письмах, личных беседах с окружающими людьми в повседневной жизни). Так, едва закончив обучение на факультете журналистики МГУ им. М.В. Ломоносова 24-летний молодой человек в одной из своих дневниковых записей летом 1957 г. вполне чётко формулирует своё личное истолкование диалектики цели и средств её достижения [8, с. 12].

При этом И.А. Дедков отталкивается от литературного образа бескомпромиссного, прямолинейного и мужественного борца с бандитизмом В. Малыгина из повести П.Ф. Нилина «Жестокость», который готов, не задумываясь, «жертвовать человеком ради организации» [5, с. 21]. Для него такая позиция глубоко неприемлема. Но это всего лишь лите-

ратурный персонаж. В реальной жизни и сам И.А. Дедков попал в схожую ситуацию, когда его, после весенних студенческих волнений 1957 г. на факультете журналистики, которыми он по сути дела руководил, вызвали для «проработки» на заседание комитета ВЛКСМ МГУ (Всесоюзного ленинского коммунистического союза молодежи Московского государственного университета), и где, по словам самого И.А. Дедкова, заместитель секретаря комитета комсомола Г. Попандупуло поставил его, по сути дела, в аналогичную ситуацию: «пожертвовать» собой ради комсомольской организации курса, которую И.А. Дедков в то время возглавлял.

«Несколько лет назад, — пишет в „Дневнике“ Игорь Александрович, — я был близок к таким идеям». Однако такой антигуманный подход к человеку для него впоследствии стал неприемлем. Поэтому, ссылаясь на Д. Неру (пока ещё не на Э. Бернштейна!), он задумывается и размышляет о выборе адекватных «средств, ведущих к миру справедливости». По его мнению, вполне возможно «соглашаться в цели и не соглашаться в методах её достижения» [5, с. 21]. Ведь если быть неразборчивым в выборе средств, то вместо общества «социальной солидарности» «можно построить государственный социализм, социализм армейский, казарменный» [5, с. 21]. В подобном государстве «не будет уважения к рядовым людям» и «они по-прежнему будут марионетками в руках идеи, не собственной идеи, а идеи, господствующей в воздухе» [5, с. 21]. Так, на основе литературных источников и своего личного опыта И.А. Дедков самостоятельно концептуализирует сложнейшую теоретическую проблему морально-нравственной философии и экзистенциально выбора.

И если на раннем этапе жизни и деятельности И.А. Дедков ещё не пользуется берштейновской формулировкой о соотношении цели и средств, то в дальнейшем он её начинает употреблять осознанно, солидаризируясь не с К. Марксом, а его идеологическим противником. «Стократ руганая формула „Движение — всё, конечная цель — ничто“, наверное, справедлива», — откровенно заявляет он в одном из интервью и конкретизирует свою позицию следующими аргументами: «Зачем нам сейчас расчерчивать свое будущее, конструировать и регламентировать то, что впереди? Будущее вырастает из настоящего, поэтому заняться бы всем устройством настоящего» [16, с. 116].

Рецепция экзистенциально-гуманистических идей и представлений очень чётко прослеживается в его литературно-критическом анализе текстов современных ему дорево-

люционных и советских авторов. К примеру, это хорошо видно на основе использования И.А. Дедковым знаменитого пассажа из романа Ф.М. Достоевского «Братья Карамазовы» о «слезинке ребёнка». А точнее об утверждении мысли, что когда идея «высшей гармонии» превращается в «ад», то «не стоит она слезинки... замученного ребёнка» [10, с. 223]. Так, к примеру, «о слезинке ребёнка», с прямой ссылкой на Ивана Карамазова, И.А. Дедков упоминает в дневниковой записи от 23 июля 1968 г. (во время ввода советских войск на территорию Чехословакии), где им приводится цитата из В. Белинского по книге «Толстой и Ницше» русского предтечи западного экзистенциализма Л. Шестова: «Я не хочу счастья даром, если не буду спокоен на счёт каждого из моих братьев по крови» [5, с. 107]. В связи с этим стоит обратить внимание на следующее утверждение одного из российских исследователей отечественной версии западного экзистенциализма. «Источниками русского литературного экзистенциализма послужили в первую очередь Достоевский и Толстой (в особенности в истолковании Льва Шестова), а также непосредственно сама философия Шестова, Ницше, в определённой степени В.В. Розанов и, с определёнными оговорками, Н.А. Бердяев» [14, с. 131]. С трудами всех этих авторов был очень хорошо знаком И.А. Дедков.

Подразумеваемая бесценность и уникальности жизни жертв сталинского режима, загубленных по имя великой цели построения социализма и коммунизма, И.А. Дедков так писал в «Дневнике» с позиций своего личного выстраданного экзистенциализма: «Как нам представить себе и понять отчаяние и муку тех, кто не дожил, кто так навсегда и остался в тех великих временах со своей единственной, бесцеремонно оборванной жизнью. И ещё — ...те неискупимые слёзы, которые никогда не будут забыты... Достоевский знал, что те слезинки не искупимы, он откуда-то знал эту боль, перед которой вся значительность, все претензии, всё возвышение человеческое, всё самовосхваление власти и преобразователей русской жизни — ничего не значат» [5, с. 227]. Такая гуманистическая интенция — как творческий метод познания и осмысления исторического прошлого и настоящего — проявлялась не только в интимных дневниковых записях, но и исследованиях и литературно-критических статьях И.А. Дедкова. Кстати, схожую мировоззренческую позицию в вопросе о диалектике средств и цели занимал Ж.-П. Сартр, осуждавший аморализм в политике Л.Д. Троцкого [19].

В предисловии книги В.О. Богомолова «Эта незабываемая далекая война» И.А. Дедков в очередной раз использует полюбившееся ему словосочетание из романа Ф.М. Достоевского о «слезинке ребёнка» (то есть о страдании невинного человека, особенно ребёнка, ради достижения каких-либо «высоких» трансцендентальных целей) в анализе повести этого автора под названием «Иван». Иван Буслов — это двенадцатилетний мальчик, которому на войне приходится рисковать своей жизни наравне со взрослыми офицерами и солдатами. «Повесть построена так, — пишет литературный критик, — что мы видим Ивана глазами молодого старшего лейтенанта Гальцева. Это добрые и внимательные глаза. Им хорошо открыто главное: трагическая судьба детской жизни в дни войны. Когда-то Ф.М. Достоевский писал о неискупимых слезинках ребёнка. В истории Ивана Буслова нет слёз, но страдания его тоже из неискупимых» [9].

В другой работе, посвящённой исследованию военной прозы всё того же В.О. Богомолова, И.А. Дедков вновь использует базовый для его мировоззренческой позиции концепт о «неискупимой слезинке ребёнка». По мнению литературного критика, этот писатель, как он пишет в статье «Момент истины (Владимир Богомолов)», «кажется, постоянно помнит о ничем не искупаемой слезинке ребёнка» [17]. И далее: «Именно дети посреди войны, ставшей для миллионов работой, бытом, самой жизнью (другой может и не быть), вдруг напоминают о масштабах развернувшейся, разведшейся трагедии, об истинных, но поправленных ценностях человеческого существования» [4, с. 222].

В романе «В августе сорок четвертого» уже на первых страницах В.О. Богомолов выводит образ «мальчонки примерно двух с половиной лет, беловолосого, в стирано-перестиранной рубашонке», из которой «выглядывала необычайно маленькая багровая культа». И отнюдь не сентиментальный выдавший виды разведчик Алёхин, насмотревшийся на войне на многие её ужасы, буквально обомлел «при виде этого крошечного калеки, с такой подкупающей улыбкой смотревшего ему в глаза» [4, с. 221]. Мысль об этом конкретном физически изуродованном войной мальчишке, а также о всех других «страдающих, ни в чём не повинных детях, попавших в непонятную и странную „передрагу“, живёт в героях В. Богомолова неотступно, — пишет И.А. Дедков. — Их работа, их профессионализм оказываются, прежде всего, средством для возмездия и возвращения всем нормальной естественной жизни» [4, с. 223].

И.А. Дедков, можно сказать, буквально насквозь пропитан гуманистическими идеями Л.Н. Толстого, Ф.М. Достоевского и других русских дореволюционных писателей и философов предэкзистенциальной направленности. «Правители, которых можно желать, — пишет в своём „Дневнике“ И.А. Дедков, — должны были бы согласовывать свои нравственные, этические принципы (рекомендуемые народу) с принципами и идеалами русской классической литературы, потому что в ней более чем в чём-то ином, выразилась национальная философия, национальный идеал или, лучше сказать, истина русской жизни. Иначе образуется (образовался) разрыв между тем и другим, и первое не выдерживает сопоставления... Избежать его можно, лишь запретив русскую классическую литературу, что невозможно» [5, с. 121].

Гуманизм И.А. Дедкова связан не только с ценностями русской классической литературы и русской философии, но и с философскими традициями, идущими от антропоцентризма софистов («человек есть мера всех вещей»), от гуманизма И. Канта [«человек (личность) — цель сама по себе»], а также от философов-экзистенциалистов («экзистенциализм — это гуманизм»). Это вполне определённо вытекает хотя бы из следующей аксиологически заряженной фразы, вкрапленной И.А. Дедковым в строки его литературной статьи «О живой невыдуманной России»: «Истинное значение всего, что слывет ценным, единственно необходимым, „универсальным“, проверяется через человека: от человека ведётся всему счёт... Человеком, его сбывшимися и несбывшимися возможностями, его судьбой всё измеряется...» [6, с. 24].

В литературном творчестве Ю.В. Трифонова критика более всего привлекала его историческая повесть «Нетерпение», посвящённая пламенному революционеру-народовольцу А.И. Желябову, который как бы сознательно подгоняет плавный и неспешный ход истории, ускоряя её и направляя, в меру своих сил и возможностей, к заветной цели: построению свободного гуманного общества без эксплуатации и угнетения. Для этого он не гнушался никакими средствами, в том числе политическими убийствами.

В статье под названием «Вечерний раскоп, или в поисках утраченного» И.А. Дедков латентно проводит едва уловимые параллели с печально завершившимся сталинским экспериментом форсированного скачка в светлое коммунистическое будущее, с одной стороны, и «нетерпением» народовольцев, с другой, с их террористическими актами, максимализмом

и «подстегиванием истории» в надежде, что достижение великой цели оправдывает человеческие жертвы, понесённые для её торжества [7].

Данная статья в авторской редакции была опубликована в 1988 г. в сборнике статей «Обновлённое зрение: из шестидесятых в восьмидесятые» И.А. Дедкова, куда вошли ранее, по тем или иным причинам, либо вообще не публиковавшиеся его статьи, либо увидевшие свет, но со значительными сокращениями и изменениями. Хотя эта работа была написана ещё в 1979 г., а затем направлена в журнал «Вопросы литературы». Судьбу статьи И.А. Дедков обсуждал по телефону сначала с заместителем главного редактора Л.И. Лазаревым, а затем и лично с главным редактором и его заместителем [11]. Однако эта публикация в данном издании так и не вышла в свет. В связи с этим 6 октября 1979 г. Игорь Александрович с горечью записал в «Дневнике»: «Девятая книжка „Вопросов литературы“ оказалась без моей статьи о Ю. Трифонове» [5, с. 264]. И далее: «Очень жаль мне этой статьи. Когда писал её, отодвинул всё прочее... было интересно, и кое-что удалось сказать, сказать по-своему и вообще сказать...» [5, с. 264]. Ещё ранее её автор признался себе самому, что всерьёз опасался за судьбу этой статьи, потому что она у него получилась «открытой обычного, то есть незащищёна» [5, с. 242].

Дело в том, что И.А. Дедков, привыкший проводить свои альтернативные убеждения и политические взгляды в косвенной, индиректной форме, чуть ли не с помощью «эзопова языка», был настроен реалистично и вполне ожидал такого исхода, из-за опасений, что внутренняя редакционная цензура может заметить едва скрытые им параллели между «нетерпением» народовольцев и нетерпеливостью «подстёгивателей» форсированного строительства коммунизма в одной отдельно взятой стране. Так и вышло: «Настроение моё, — признаётся критик, — ход мыслей, литературные стражники всё-таки уловили» [5, с. 264].

В конце 1982 г. И.А. Дедков попытался опубликовать свою «старую работу о Трифонове» в журнале «Октябрь». Однако и этой публикации не было суждено состояться [5, с. 357, 702]. И лишь в 1985 г. статья в несколько иной редакции и в сокращённом варианте была напечатана в журнале «Новый мир» под названием «Вертикали» Юрия Трифонова» [3]. В связи с этой публикацией в «Дневнике» И.А. Дедкова 28 апреля 1985 г. говорится о сделанном им сокращении статьи о Трифонове для «Нового мира», выполненном

по рекомендации издания. При этом все данные ему в редакции журнала «пожелания» по корректировке текста «носили исключительно идеологический характер» [5, с. 449].

Спустя год, в несколько расширенном варианте, всё эта же работа вошла в состав сборника литературно-критических статей И.А. Дедкова «Живое лицо времени: очерки прозы шестидесятых-семидесятых» [6]. И уже потом, ещё спустя два года — в самый разгар перестройки — она вышла в окончательном (а может быть, изначально) неподцензурном варианте, в уже упомянутой нами книге «Из шестидесятых в восьмидесятые» под другим, уже упоминавшимся нами названием: «Вечерний раскоп, или в поисках утраченного» (правда, в конце текста дату её написания автор почему-то обозначил 1984, а не 1979 годом) [7]. «Раскоп», по мысли автора, это углубление, попытка проникнуть в суть, понять то, что не видно или не заметно на поверхности, то, что скрыто в то время даже от очень внимательного и образованного читателя идеологическими наслоениями, штампами и клише советской пропаганды.

Несомненно, что в этой статье, в целом посвящённой обзору творчества Ю.В. Трифонова, образу пламенного борца с самодержавием — А.И. Желябову — И.А. Дедков отводил особо важную роль в контексте своей литературно-критической деятельности. По мнению литературного критика, автор исторически-документальной повести «Нетерпение» был глубоко убежден, что его герои исходят в своих практических действиях из собственной аксиомы, что «человек рождён участвовать в истории, в определении настоящего и будущего своей страны, рождён сознательным „делателем“ истории, а не её послушным податливым материалом» [7, с. 126]. Однако «историческая необходимость вызревает и реализуется медленно» [7, с. 126]. А на практические попытки со стороны народовольцев (а если шире — как это и хотел, но в то время не мог сказать И.А. Дедков — всех революционеров вообще, включая соратников В.И. Ленина) ускорить ход истории — «затрагивается уйма сил, талантов, жизней». То есть достижение желаемой для ускорителей истории цели обходится обществу слишком дорогой ценой.

Такой подход к обращению с историей и человеческими судьбами не совместим с гуманистической природой мировоззрения И.А. Дедкова. В своём творчестве и жизненной позиции литературный критик достаточно чётко разводил народовольцев, жертвовавших собой, и тех, кто, как И.В. Сталин и его окружение, жертвовали другими, то есть людьми,

превращая их в подсобное средство для избранной ими великой цели. «Жертвовать можно собой, — писал в марте 1979 г. при работе над рукописью вышеуказанной статьи И.А. Дедков, — но не другими. Начни жертвовать другими — во имя революции, справедливости, искусства, осуществления таланта, — кончится это чем-нибудь отвратительным» [5, с. 242].

В одном из своих последних интервью (1990) И.А. Дедков выразил эту же мысль ещё более ясно, предельно чётко и открыто: «Герои Трифонова, „первомартовцы“, отличались от так называемых „революционеров“ послереволюционного времени тем, что жертвовали, прежде всего, собой, а те — великим множеством других» [16]. В это время ему уже можно было не опасаться вмешательства со стороны внешней цензуры или «литературных стражников» внутри самих средств массовой информации. И, не скрываясь за полупафосами и недоговоренностями, выражать свою личную мировоззренческую позицию и гуманистические идеалы вполне свободно, открыто и честно.

Оставаясь глубоким гуманистом, И.А. Дедков то и дело в своих мыслях возвращается к неискупимым жертвам революции и сталинского террора, к «бесцеремонно» (выражение И.А. Дедкова) загубленным ради так и не достигнутой великой цели: «как представить себе судьбы семей, жён, матерей, братьев и сестер, но более всего — детей! — вот где знание, — пишет Игорь Александрович в далеком 1978 г. в своём «Дневнике», — вот где самое страшное, вот где те неискупимые слёзы, которые никогда не будут забыты...» «Достоевский знал, что те слезинки неискупимы, он откуда-то знал эту боль, перед которой вся значительность, все надутые претензии, всё возвышение человеческое, всё самовосхваление власти и преобразователей русской жизни — ничего не значат» [5, с. 227].

Философско-этическая сторона мировоззрения И.А. Дедкова [11, с. 19–21] почти целиком совпадает с нравственно-мировоззренческой программой Ф.М. Достоевского, провозгласившего самоценность человеческого существования и не допустимость использования личности как средства достижения самого гармоничного и совершенного в своём идеале общества. В свою очередь, Ю.В. Трифонов, создавая повесть «Нетерпение», в литературно-художественной форме продемонстрировал, как «историческое нетерпение», сопряжённое со стремлением во что бы то ни стало осчастливить народ, «ведёт к одному из вариантов воплощения идеи великого

инквизитора, в основе которой лежит неприемлемое противоречие между гуманной целью и антигуманными средствами её достижения» [20, с. 319]. И.А. Дедков в контексте анализа творчества Ю.В. Трифонова продемонстрировал (в неявной, скрытой, подцензурной форме) родственность методологии действия героев и антигероев этого писателя с теорией и практикой большевизма, не гнушавшегося иезуитского принципа «цель оправдывает средства». Что было органически неприемлемо для гуманистического миропонимания И.А. Дедкова.

Таким образом, гуманистический подход к диалектике цели и средств общественного развития выступает как главная доминанта мировоззрения И.А. Дедкова. Такая жизненная позиция составляет неизменную константу его мирозерцания. И когда на смену одним идеологемам или социально-философским представлениям приходили другие, гуманизм не вытеснялся из лона мироощущений критика, а оставался и сохранялся в его первоначальном виде. Так было в мировоззрении и «раннего», и «зрелого», и даже «позднего» И.А. Дедкова, пережившего незадолго до своей смерти в 1994 г. очередную крах надежд, а по сути дела, иллюзий, на возможность развития реального хода истории в её гуманистическом векторе и антропоцентрическом измерении.

И.А. Дедков с энтузиазмом встретил горбачёвскую перестройку и, отработав более тридцати лет в костромской провинции, в 1987 г. переехал в Москву. Здесь он сначала занял должность политического обозревателя журнала «Коммунист» (впоследствии переименованного в «Свободную мысль»), а затем стал заместителем плавного редактора этого издания. Однако события августа 1991 г., а затем осени 1993 г., с последующим запретом Коммунистической партии и радикальными экономическими реформами, вызвали у него всё более усиливавшееся неприятие. На практике оказалось, как впоследствии констатировал сам И.А. Дедков, что долгожданная «свобода более всего оказалась нужна для „целей“ не высоких, а низких» [5, с. 578]. Эта долгожданная свобода, которую так искренне продвигал в своей творческой деятельности И.А. Дедков, по его же собственному признанию, «оказалась двуликим Янусом: она вернулась блудливой мордой к большинству народа» [5, с. 591].

«Теперь же мы оказались там же, где и были, — замечает осенью 1993 г. Игорь Александрович. — То есть вроде бы совсем не там, не в царстве коммунистического рабства,

а в стране буржуазной свободы, но, в сущности, там же» [5, с. 578]. Впрочем, данное обстоятельство ничуть не девальвирует в мировоззрении критика самоценности человеческой личности, гуманизма, справедливости, не сведения сущности человека к простому средству для достижения великих исторических свершений и идеалов. Гуманистическая диалектика И.А. Дедкова проистекает из самоочевидного для него тезиса, что благая цель может быть достигнута только благими методами. Использование аморальных средств для реализации даже самой высокой и благородной цели неизбежно трансформирует в её полную — отнюдь не диалектическую — противоположность. Это теоретическое положение, подтверждённое исторической практикой, было для И.А. Дедкова абсолютной истиной, мучительно выстраданной и осмысленной в процессе его личной жизни и творческой деятельности.

Список литературы

1. Бонч-Бруевич В. Ленин о художественной литературе // 30 дней. 1934. № 1. С. 15–19.
2. Гусейнов А.А. Этика Троцкого // Этическая мысль: Научно-публицистические чтения 1991. М.: Республика, 1992. С. 264–285.
3. Дедков И.А. «Вертикали» Юрия Трифонова // Новый мир. 1985. № 8. С. 220–235.
4. Дедков И.А. Возвращение к себе. Литературно-критические статьи. М.: Современник, 1978. С. 210–225.
5. Дедков И.А. Дневник, 1953–1994 / сост. Т.Ф. Дедкова. М.: Прогресс-Плеяда, 2005.
6. Дедков И.А. Живое лицо времени: Очерки прозы семидесятых-восьмидесятых. М.: Советский писатель, 1986. 389 с.
7. Дедков И.А. Обновлённое зрение: из шестидесятых в восьмидесятые: сб. статей. М.: Искусство, 1988. С. 119–160.
8. Дедков И.А. Сентябрь пятьдесят седьмого (публикация А.В. Зайцева) // Кострома. Genus Loci: альманах / отв. ред. А.В. Зайцев. Кострома, 2020. Вып. 3. С. 11–15.
9. Дедков И. Эта незабытая далекая война (Предисловие) [Электронный ресурс]. В.О. Богомолов. Иван, Зося. Повести. М.: Детская литература, 2001. С. 5–8. Режим доступа: <https://myrt.ru/read/81735-eta-nezabytaya-dalekaya-voyna-predislovie.html>. Дата обращения: 30.01.2021.
10. Достоевский Ф.М. Братья Карамазовы // Ф.М. Достоевский. Полн. собр. соч.: в 30 т. Т. XIV. Л.: Наука, 1976.
11. Зайцев А.В. К вопросу об источниках гуманистического мировоззрения Игоря Дедкова // Кострома. Genus Loci: альманах / сост. и отв. ред. А. В. Зайцев. Кострома, 2020. Вып. 3. С. 16–31.

12. Зайцев В.А. Новая нравственность [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://az.lib.ru/z/zajcew_w_a/text_1882_novaya_nravstvennost.shtml/. Дата обращения: 20.02.2021.
13. Катехизис революционера // Революционный радикализм в России: век девятнадцатый. Документальная публикация / под ред. Е.Л. Рудницкой. М.: Археографический центр, 1997. С. 244–248.
14. Кибальник С.А. Экзистенциализм в русской литературе и мысли // Литературоведческий журнал. 2005. № 19. С. 131–139.
15. Козьми Б.П. П.Н. Ткачев и революционное движение 1860-х годов. М.: Новый мир, 1922.
16. «Куплен» в 1956-м: беседа с критиком И. Дедковым // Игорь Дедков: наше живое время. Книга воспоминаний, статей и интервью. М., 2013. С. 118–116.
17. Ленин В.И. Задачи союзов молодёжи: Речь на III Всероссийском съезде Российского коммунистического союза молодежи // Ленин В.И. Полное собрание сочинений. 5-е изд. Т. 41. Май – ноябрь 1920. М.: Политиздат, 1974. С. 298–318.
18. Мстиславский Д.С. Записи о Ленине // Воспоминания о В.И. Ленине в 10 т. Т. 5. М.: Политиздат. 1990. С. 161–168.
19. Сартр Ж.-П. Проблема цели и средства в политике (Из «Тетрадей по морали») // Этическая мысль: Научно-публицистические чтения. 1991 / под общ. ред. А.А. Гусейнова. М.: Республика, 1992. С. 251–263.
20. Сухих О.С. От великого инквизитора к «народной воле» (переосмысление философской проблематики произведений Ф.М. Достоевского в романе Ю.В. Трифонова «Нетерпение») // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2011. № 3–1. С. 314–320.
21. Троцкий Л.Д. Их мораль и наша (Памяти Льва Седова) // Этическая мысль: Научно-публицистические чтения 1991 / под общ. ред. А.А. Гусейнова. М.: Республика, 1992. С. 212–263.
22. Шашкова А.Ю. Революция и террор: к вопросу об отношении революционных народников 60–70-х гг. XIX в. к террору как методу деятельности революционной партии // Известия Алтайского государственного университета. 1998. № 3 (7). С. 38–43.
5. Dedkov IA. Dnevnik. 1953–1994. Sost. T.F. Dedkovi. Moscow: Progress-Pleyada; 2005. (In Russ.)
6. Dedkov IA. Zhivoe lico vremeni: Ocherki prozy semidesyatyh-vos'midesyatyh. Moscow: Sovetskij Pisatel'; 1986. 389 p. (In Russ.)
7. Dedkov IA. Obnovlennoe zrenie: iz shestidesyatyh v vos'midesyatyh. Moscow: Iskusstvo; 1988. P. 119–160. (In Russ.)
8. Dedkov IA. September fifty-seven. (Publication A.V. Zaitsev). In: Kostroma. Genus Loci: al'manah. Ed. by A.V. Zajcev. Kostroma; 2020;(3):11–15. (In Russ.)
9. Dedkov I. Eta nezabytaya dalekaya vojna (Predislovie) [Internet] V.O. Bogomolov. Ivan, Zosya. Povesti. Moscow: Detskaya literatura; 2001. P. 5–8. (In Russ.). Available from: <https://myrt.ru/read/81735-eta-nezabytaya-dalekaya-voyna-predislovie.html>. Accessed: 30.01.2021.
10. Dostoevskij FM. Brat'ya Karamazovy. In: F.M. Dostoevskij Poln. sobr. soch.: v 30 t. Vol. XIV. Leningrad: Nauka; 1976. (In Russ.)
11. Zajcev AV. K voprosu ob istochnikah gumanisticheskogo mirovozzreniya Igorya Dedkova. In: Kostroma. Genus Loci: al'manah. Ed by A.V. Zajcev. Kostroma; 2020;(3):16–31. (In Russ.)
12. Zajcev VA. Novaya nravstvennost' [Internet]. (In Russ.) Available from: http://az.lib.ru/z/zajcew_w_a/text_1882_novaya_nravstvennost.shtml/. Accessed: 20.02.2021.
13. Katekhizis revolyucionera. In: Revolyucionnyj radikalizm v Rossii: vek devyatnadcatyj. Dokumental'naya publikaciya. Ed. by E.L. Rudnickaya. Moscow: Arheograficheskij centr; 1997. P. 244–248. (In Russ.)
14. Kibal'nik SA. Existentialism in Russian literature and thought. *Literaturovedcheskij zhurnal*. 2005;(19):131–139. (In Russ.)
15. Koz'mi BP. P.N. Tkachev i revolyucionnoe dvizhenie 1860-h godov. Moscow: Novyj mir; 1922. (In Russ.)
16. "Kuplen" v 1956-m. Beseda s kritikom I. Dedkovym. In: Igor' Dedkov: nashe zhivoe vremya. Kniga vospominanij, statej i interv'yu. Moscow; 2013. P. 118–116. (In Russ.)
17. Lenin VI. Zadachi soyuzov molodyozhi: Rech' na III Vserossijskom s'ezde Rossijskogo kommunisticheskogo soyuza molodezhi. In: Lenin V.I. Polnoe sobranie sochinenij. 5-e izd. Vol. 41. Maj - noyabr' 1920. Moscow: Politizdat; 1974. P. 298–318. (In Russ.)
18. Mstislavskij DS. Zapisi o Lenine. In: Vospominaniya o V.I. Lenine v 10 t. Moscow: Politizdat; 1990. Vol. 5. P. 161–168. (In Russ.)
19. Sartr ZH-P. Problema celi i sredstva v politike (Iz "Tetradej po morali"). In: Eticheskaya mysl': Nauch.-publitsisticheskie chteniya. 1991. Ed. by A.A. Gusejnova. Moscow: Respublika; 1992. P. 251–263. (In Russ.)
20. Sukhikh OS. From the great inquisitor to the will of the people (rethinking the philosophical problems of Dostoevsky's works in Yu.V. Trifonov's novel "Impatience"). *Vestnik of Lobachevsky University of Nizhni Novgorod*. 2011;3(1):314–320. (In Russ.)

References

1. Bonch-Bruevich V. Lenin on fiction. *30 dnei*. 1934;(1):15–19. (In Russ.)
2. Gusejnov AA. Etika Trockogo. In: Eticheskaya mysl': Nauchno-publitsisticheskie chteniya 1991. Moscow: Respublika; 1992. P. 264–285. (In Russ.)
3. Dedkov IA. "Vertikali" Yuriya Trifonova. *Novyj mir*. 1985;(8):220–235. (In Russ.)
4. Dedkov IA. Vozvrashchenie k sebe. Literaturno-kriticheskie stat'i. Moscow: Sovremennik; 1978. P. 210–225. (In Russ.)

21. Trockij LD. Ih moral' i nasha (Pamyati L'va Sedova). In: *Eticheskaya mysl'*: Nauchno-publicisticheskie chteniya 1991. Ed. by A.A. Gusejnova. Moscow: Respublika; 1992. P. 212–263. (In Russ.)
22. Shashkova AYu. Revolution and terror: on question about the attitude to the terror of revolutionary populists of the 60-70th years of the XIXth century. *Izvestiya of Altai State University*. 1998;(3(7)):38–43. (In Russ.)

▪ Информация об авторе

Александр Владимирович Зайцев — доктор политических наук, кандидат философских наук, доцент, профессор кафедры философии, культурологии и социальных коммуникаций. ФГБОУ ВО «Костромской государственный университет»; директор Межрегионального научно-просветительского центра им. И.А. Дедкова, Кострома, Россия.
E-mail: alexsandr-kostroma@mail.ru

▪ Information about the author

Aleksandr V. Zaitsev — Doctor of Political Sciences, Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor, Professor of the Department of Philosophy, Culturology and Social Communications. Kostroma State University; Director of the Interregional Scientific and Educational Center named after I.A. Dedkov, Kostroma, Russia.
E-mail: alexsandr-kostroma@mail.ru

ВЕЩИ В КИНЕМАТОГРАФЕ КАК ФЕНОМЕН КУЛЬТУРНОЙ РЕАЛЬНОСТИ

С.С. Орищенко

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования
«Самарский государственный институт культуры», Самара, Россия

Для цитирования: Орищенко С.С. Вещи в кинематографе как феномен культурной реальности // Аспирантский вестник Поволжья. 2021. № 3–4. С. 73–77. DOI: <https://doi.org/10.17816/2072-2354.2021.21.2.73-77>

Поступила: 20.05.2021

Одобрена: 27.05.2021

Принята: 01.06.2021

▪ Объекты, предметы, вещи, наиболее часто повторяемые в кинотекстах современного отечественного кинематографа, требуют пристального внимания со стороны кинокультурологии. Вещный мир помогает осознать ценность того или иного предмета и влияние его на субъект. Отношение к вещам и предметам характеризует современное общество с точки зрения порядок – хаос. Современные отечественные кинотексты интерпретируются специалистами и зрителями, поскольку предназначены для широкой зрительской аудитории. Человек погружён в систему символов, и в кино он ищет подтверждения тем или иным «устойчивым элементам виртуального мира», которые соотносит со своим реальным опытом. Вещи, предметы и объекты в кино могут рассказать о главном, поэтому их нельзя игнорировать, проходить мимо того или иного предмета-символа.

▪ **Ключевые слова:** вещи; предметы; объекты; хаос; порядок; символ; визуальный образ; феномен; оксюморон; кинокультурология.

THINGS IN CINEMA AS A PHENOMENON OF CULTURAL REALITY

S.S. Orishchenko

Samara State Institute of Culture, Samara, Russia

For citation: Orishchenko SS. Things in cinema as a phenomenon of cultural reality. *Aspirantskiy Vestnik Povolzh'ya*. 2021;(3-4):73–77. DOI: <https://doi.org/10.17816/2072-2354.2021.21.2.73-77>

Received: 20.05.2021

Revised: 27.05.2021

Accepted: 01.06.2021

▪ The objects, items, things that are most often used in the film texts of modern Russian cinema require close attention from the film culture point of view. The material world helps to realize the value of an object and its influence on the subject. The attitude to things and objects characterizes modern society from the point of view of order-chaos. Contemporary domestic film texts are interpreted by specialists and spectators, intended for a wide audience of the audience. A person is immersed in a system of symbols, and in cinema he seeks confirmation of this or that “stable element of the virtual world”, which he correlates with his real experience. Things, objects and objects can tell about the main thing, so they cannot be ignored, pass by this or that symbolic object.

▪ **Keywords:** things; items; objects; chaos; order; symbol; visual image; phenomenon; oxymoron; film culture.

Кинокультурология заполняет «семиотическую нишу — пространство общей интерпретации», поскольку интерпретирует слово, накопившее информацию [15, с. 9]. Современные отечественные кинотексты интерпретируются специалистами и зрителями, поскольку предназначены для широкой зрительской аудитории. Человек погружён в систему символов, и в кино он ищет подтверждения тем или

иным «устойчивым элементам виртуального мира», который соотносит со своим реальным опытом. Тяга к виртуальной символике оправдана. По мнению О. Свирепы и О. Тумановой, «человек погружён в символы и вне их не существует» [15, с. 10]. Упоминание о символах необходимо нам, поскольку мы будем говорить о мире вещей в современном отечественном кинематографе. Каждая из них становится

символом, отражающим реальное время. Как отмечает В.И. Ионесов: «Семантические проекции вещи в коммуникативном пространстве современности принимают вид мифопоэтического нарратива и предметно-символической инсталляции, публичного перформанса и ветвящегося гипертекста. Вещи выступают как знаки, а знаки как вещи в разветвлённом потоке визуальной информации. Жизнеорганизующей и смыслообразующей средой современных предметных артикуляций выступает сам текст, точнее его контексты и подтексты» [4].

Предметный мир культуры в полной мере испытывает на себе различные испытания, обусловленные социальными сдвигами и пертурбациями [5, 6]. Ценность вещного мира исследована в науке достаточно подробно [1–4]. Из культурологической цепочки: объект – предмет – вещь нас будут интересовать все понятия, поскольку они представляют собой ценность визуализированного предмета в фильме, тщательно отобранного кинематографистами и несущими информацию для зрителя. Задача кинокультурологии — распознавание знака, трансляция той или иной вещи. Её демонстрация выступает как характеристика реального мира.

Постараемся выделить те предметы, вещи и объекты, которые наиболее часто повторяются в современном отечественном кинематографе. С одной стороны, вещи призваны помогать человеку, будь то одежда, предмет быта, средство передвижения. Все они должны облегчать жизнь индивида. Но часто вещи, представленные в кинофильме, несут разные виды коннотаций от плюса до минуса. Самый популярный предмет современного мира с отрицательной коннотацией — мобильный телефон. Казалось бы, новый вид связи создан для удобства человека. Телефон обеспечивает взаимодействие между людьми на расстоянии. Через него можно проявить заботу о ближнем, поинтересовавшись самочувствием родного человека. Он может способствовать в передаче информации о самом главном: рождении ребёнка или смерти близкого человека. Он поможет поздравить близкого с его достижениями в области науки и спорта. Он может предупредить об опасности. Он может выручить из беды, вовремя сообщив о её приближении. Он может соединить любящие сердца. «Феномен вещи можно анализировать с различных методологических и философских позиций, опираясь на опыт интерпретации онтологических, технологических, социальных, семантических, этнокультурных значений, материальных объектов в их простран-

ственных и временных проекциях» [4]. Вместе с тем мобильный телефон в современном мире становится причиной несогласованности действий, соединяя, он способен разъединять, не слышать крики о помощи.

Наиболее ярко это «несовпадение» показано в фильме Киры Муратовой «Мелодия для шарманки» в эпизоде, когда дети-сироты ходят по вокзалу в надежде найти своих отцов и пытаются вежливо обратиться на себя внимание окружающих, которые разговаривают по мобильным телефонам. Каждый из взрослых увлечён разговором настолько, что никто не пытается переключить внимание на детей, попавших в сложную жизненную ситуацию. Никто из них не видит брата с сестрой, ни у кого не возникает желания выслушать их, протянуть руку помощи. Холодный предмет в руках взрослых делает их слепыми и глухими к чужому горю. Говорящие перестают реагировать на биение сердца страдающего, они заняты пустословием, которое подменяет живые человеческие отношения. «В большом городе, где каждый занят собой, среди информационной кутерьмы звучащих мобильных телефонов, экстравагантных набегов на продуктовые магазины клетоманов, мишуры, блеска и тотальной разобщённости, дети теряют друг друга, и мальчик засыпает на стройке, укутавшись полиэтиленом. Засыпает навсегда. Зимний холод не выпускает его из своего плена. Загублена душа ребёнка, художника или музыканта, пекаря или танцора. Возможно, заботливого отца семейства. Возможно, духовного пастыря. Дети ходят в городе среди взрослых людей, как в глухой тайге, они никому не нужны, их никто не замечает, никто не протягивает руку помощи. Взрослые играют в свои игры, где нет места детям. Блеск ослепляет души. Милосердие неведомо сумасшедшему миру взрослых. Они считают себя благополучными, успешными, богатыми, способными купить всё, кроме счастья быть нужным кому-то, кого можно любить, оберегать, воспитывать, кому можно дарить радость человеческого общения» [10].

Иллюзия общения по мобильной связи не может не вызывать раздражения общества, когда сигналы мобильных телефонов дwoятся, троятся, множатся, что невозможно различить по звуковому сигналу, твой это телефон или постороннего прохожего. Разговоры, часто интимного характера, стали доступны слушателям в общественном транспорте, на прогулке, в театре, что вызывает отторжение тех, кто вынужден невольно «подслушивать» разговоривающих по сотовой связи. Раздражение общества нарастает. Отсюда эпизод в фильме

Кирилла Серебренникова «Юрьев день» [14], когда телефон героини закатывают в асфальт. В случайности просматривается скрытое желание общества — регламентировать отношения отправляющей и принимающей сторон связи. Назойливые электронные звонки, механические звуки электронных игр в игровых автоматах также подчёркивают разрушительное воздействие на человека, его гармоничное уединение, когда не хватает тишины, чтобы сосредоточиться и определиться в главном выборе. *«Итак, вещи скрывают от нас гораздо больше того, что мы видим в их внешнем проявлении. За визуальными образами, казалось бы, застывших человеческих творений, лежит огромный пласт подвижной символической реальности, отображающий экзистенциальную драму нескончаемых притязаний и испытаний человека, культуры и природы. Вещь подвержена трансформации и предстаёт в культуре в многообразных одеяниях»* [4].

В мире вещи завоёвывают разные вершины, часто подменяют собой не только социально-значимые предметы, но и претендуют на замену духовных ценностей. К такому можно отнести разные средства для передвижения: от автомобилей, до самолётов. Престижное авто характеризует персонаж-образ как человека успешного, богатого, самодостаточного. Чем дороже иномарка героя, тем выше его социальный статус. Так вереница чёрных джипов в конце фильма Андрея Звягинцева «Левиафан» как раз говорит о статусе сильных мира сего [8].

Но из всех средств передвижения мы оставим свой выбор на велосипеде.

В фильме Кирилла Серебренникова «Юрьев день» велосипедист едет по улице и слышит голос, раздающийся с небес. Героиня фильма поёт фразу из 103-го псалма, что приводит ездока в замешательство. Неожиданное «явление», которому он стал свидетелем, сбрасывает его с транспортного средства, позволяет вспомнить о небесном, божественном. Здесь велосипед возвращает случайного слушателя к истокам духовной музыки, которая не может оставить человека равнодушным. Первое впечатление — велосипедист обескуражен. Второе? Оно останется за кадром. Хочется верить, что этот эпизод не останется в его жизни курьёзом, а заставит задуматься о красоте божественного мира, греховности человека и его покаянии [14].

В фильме «Дочь» Александра Касаткина и Наталии Назаровой на велосипеде ездит отец семейства Виктор Крайнов. Он отвозит на нём в садик сына, в школу дочку, сам ездит на работу и обратно. Велосипед здесь — средство

передвижения, не хуже автомобиля, ведь герои проживают в небольшом одноэтажном городке. А ночью Виктор Крайнов колесит на нём в поисках девочек-подростков, которых убивает за их разгульный образ жизни. Таким образом, велосипед становится «пособником» в преступлении. Мирная вещь, часто связанная в нашем воображении с прогулками, детством, радостью и счастьем, помогает маньяку скрыться с очередного места преступления [7].

Священник Александр Ионин из киноповествования Владимира Хотиненко «Поп» использует велосипед в Псковской миссии для того, чтобы ездить из села Закаты в концентрационный лагерь, устроенный немцами для военнопленных в лесу. Здесь велосипед как связующая нить между жизнью и смертью. Сначала батюшке удаётся привозить соотечественникам еду и тёплые вещи. Затем он отпевает тела умерших в лагере пленных, брошенных отступающими немцами. Этот велосипед существенно отличается своими функциями от предыдущего, хотя на нём тоже передвигается персонаж из пункта в пункт. Но благое дело, которому служит отец Александр, переносится нами на средство передвижения, выполняющее спасательную функцию [11, 12]. *«По всему видно, возникает необходимость формирования специальной отрасли знания, в которой объектом изучения будут выступать вещи как феномены культурной реальности. Такое научное направление получило название реалогия (от латинского «res» — вещь) или иначе вещьеведение. М.Н. Эпштейн предлагает именовать реалогией гуманитарную дисциплину, изучающую единичные вещи и их экзистенциальный смысл в соотношении с деятельностью и самосознанием человека. Не существует вещи самой по себе, вещи — это, прежде всего то, что мы о них думаем, как их используем, и что из них извлекаем»* [4], кроме того, вещи влияют на нас: портят или облагораживают. Такое взаимное влияние субъекта на объект и наоборот не может не отражаться в современном отечественном кинематографе. Сегодня в кино часто транслируется танатологический взгляд на мир, поэтому городские и сельские кладбища стали привычными объектами для визуализации.

Там, где жизнь перестала чего-нибудь стоить, кладбища пришли в упадок. На них нет места ни живым, ни мёртвым. Трупы лежат поверх земли, их некому хоронить. Их косточки моет дождь, снег укрывает на зиму. Эпическая картина непогребённых показана в фильме Алексея Балабанова «Я тоже хочу» [13]. Другой рассказ об убитых и брошенных в чистом поле демонстрирует фильм

«Жить» Юрия Быкова [9]. И хотя в нём поверх земли останутся лежать только трое, этот факт не делает историю более оптимистичной, чем у предыдущего режиссёра. Самое тяжёлое впечатление, связанное с этим объектом, оставляют кинокартины Василия Сигарёва «Волчок» и «Жить». И в первом, и во втором фильме кладбища связаны с образами детей. В «Волчке» брошенная матерью девочка растёт у бабушки. Она диковата, не общительна, грустна. Всё время ждёт возвращения беспутной матери. Ходит на кладбище, ухаживает за могилкой умершего мальчика, разговаривает с ним, собирает с могилки конфеты и печенье. Непутёвая мать после смерти бабушки внушает девочке чувство вины за её смерть, как будто странное поведение одинокого ребёнка повлияло на кончину близкого человека. Финал фильма предсказуем: девочка гибнет под колёсами машины, пытаясь в очередной раз вернуть уходящую из дома мать.

Смерть бесчинствует в отечественном кинематографе, и всё чаще она расправляется с детьми. Оксюморонный ход событий, при совмещении несовместимого, касается смерти детей в фильме «Жить» Василия Сигарёва. Он показывает гибель двух девочек-близнецов, которых забрали органы опеки от пьящей матери. Мать, справившись со своим недугом, делает всё, чтобы поскорее вернуть девочек домой. Она осознала своё положение, отремонтировала комнаты в домике, всё привела в порядок, купила девочкам говорящих кукол, наготовила угощения в виде пирогов и компота. Она умоляет инспектора по делам несовершеннолетних вернуть детей домой как можно скорее. И та идёт навстречу матери, поскольку видит, что женщина понастоящему выстрадала горе и не в состоянии больше терпеть разлуку с детьми. Здесь вступает в силу кинематографический случай. Малышки гибнут в автокатастрофе. Не поторопи мать инспектора, и этого события могло бы не произойти. На похоронах мать мечется между гробами девочек, просит их забрать, увезти далеко, не возвращать совсем, отдать другим родителям на воспитание, лишь бы они оставались живы. В своём отчаянии она обещает дойти до президента и объяснить ему, что так нельзя поступать с живыми людьми. В какой-то момент, когда мы видим мать с собутыльниками, нам кажется, что она вернулась к прежнему образу жизни. Но совмещение несовместимого продолжает реализовываться дальше. Ночью один из её друзей выкапывает гробы на кладбище. Мать сажает трупы в детскую коляску и везёт их домой. Там отмывает, кладёт в чистую постель,

разговаривает, поит горячим молоком и ложится с ними спать. Утром, когда её подруга пытается уговорить отдать девочек, мать взрывает баллон с газом, ведь она не может потерять детей снова. Семья воссоединяется. Живые и мёртвые погребены на месте взрыва.

Кинокультурология исследует вещный мир: предметы, вещи, объекты, чтобы понять и объяснить, как они взаимодействуют с хаосом и порядком при их демонстрации, как влияют друг на друга, как замещают один другого. Вещи, предметы и объекты в кино могут рассказать о главном, поэтому их нельзя игнорировать, проходить мимо того или иного предмета-символа.

Список литературы

1. Бодрийяр Ж. Пароли. От фрагмента к фрагменту / пер. с фр. Н. Сулова. Екатеринбург, 2006.
2. Бодрийяр Ж. Система вещей / пер. с фр. С. Зенкина. М., 1995.
3. Бычков В.В. Вещь // Лексикон нон-классик. Художественно-эстетическая культура XX века. М., 2003. С. 107–108.
4. Ионесов В.И. Вещь как культурная реальность: проекции и взаимосвязи // Материалы международной научной конференции «Вещи и коммуникация: экономические и культурные взаимодействия в креативной индустрии меняющегося общества», Самара, 28–29 мая 2012 г. Самара, 2012. С. 242–271.
5. Ионесов В.И. Культура как преодоление: о метафорах перехода и символах спасения // Материалы VI Всероссийской научно-практической конференции в рамках VII Всероссийского конкурса-фестиваля исполнителей и балетмейстеров народного танца имени Геннадия Власенко, Самара, 29 марта 2018 г. Самара, 2018. С. 17–25.
6. Ионесов В.И. Культура на переходе: императивы трансформации и возможности развития: монография. Самара, 2011.
7. Орищенко С.С. Кто прячется за маской добропорядочного человека? (Фильм Александра Касаткина и Наталии Назаровой «Дочь») // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. Социальные, гуманитарные, медико-биологические науки. 2017. Т. 19, № 1. С. 98–101.
8. Орищенко С.С. Левиафан как разрушитель жанра притчи // Материалы IV Международной научно-практической конференции «Модернизация культуры: от культурной политики к власти культуры», Самара, 23–24 мая 2016 г. Самара, 2016. С. 110–118.
9. Орищенко С.С. От «роскоши человеческого общения» к «роскоши» жить по совести. Кинематографическая версия. Юрий Быков «Жить» // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. Социальные, гуманитарные, медико-биологические науки. 2015. Т. 17, № 1–5. С. 1172–1176.

10. Орищенко С.С. Отцы и дети в современном русском кинематографе // Материалы Международного научно-практического форума «Художественные парадигмы в эпоху социальной турбулентности», Самара, декабрь 2017 – январь 2018 г. Самара, 2018. С. 169–207.
11. Орищенко С.С. «Поп» Александра Сегеня и Владимира Хотиненко: осмысление взаимодействия православия и современного кинематографа в постижении культурных смыслов // Литература на экране: коллективная монография: в 2 кн. Кн. 1 / под. ред. А.А. Мелик-Пашаева, Н.Л. Карповой. М., 2018. С. 279–284.
12. Орищенко С.С. Слово в фильме Владимира Хотиненко «Поп» // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. 2014. Т. 16, № 2–3. С. 695–701.
13. Орищенко С.С. Традиция или куда ведёт дорога смерти (кинокартина Алексея Балабанова «Я тоже хочу») // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. Социальные, гуманитарные, медико-биологические науки. 2016. Т. 18, № 1. С. 101–104.
14. Орищенко С.С. Художественный фильм «Юрьев день» Кирилла Серебренникова в контексте семантики и метафизики города // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. Социальные, гуманитарные, медико-биологические науки. 2012. Т. 14, № 2–4. С. 1017–1023.
15. Свирепо О.А., Туманова О.С. Образ, символ, метафора в современной психотерапии. М., 2004.
- конкурса-фестиваля исполнителей и балетмейстеров народного танца имени Геннадия Власенко; Mar 29, 2018; Samara. Samara; 2018. P. 17–25. (In Russ.)
6. Ionesov VI. Culture in Transition: Imperatives of Transformation and Possibilities of Development. Samara; 2011. (In Russ.)
7. Orishchenko SS. Who hides behind a mask of the respectable person? (Alexander Kasatkin and Natalia Nazarova's film "Daughter"). *Izvestiya of the Samara Science Centre of the Russian Academy of Sciences. Social, humanitarian, medicobiological sciences.* 2017;19(1):98–101. (In Russ.)
8. Orishchenko SS. Leviathan as the destroyer of the genre of parable. proceedings of the conference "Modernizaciya kul'tury: ot kul'turnoj politiki k vlasti kul'tury"; May 23–24, 2016; Samara. Samara; 2016. P. 110–118. (In Russ.)
9. Orishchenko SS. From "luxury of human communication" to "luxury" to live by conscience. Cinema version. Yury Bykov "To live". *Izvestiya of the Samara Science Centre of the Russian Academy of Sciences.* 2015;17(1–5):1172–1176. (In Russ.)
10. Orishchenko SS. Otcy i deti v sovremennom rusском kinematografe. Proceedings of the Mezhdunarodnogo nauchno-prakticheskogo foruma "Hudozhestvennyye paradigmy v epohu social'noj turbulentsnosti"; Dec 2017 – Jan 2018; Samara. Samara; 2018. P. 169–207. (In Russ.)
11. Orishchenko SS. «Pop» Aleksandra Segenya i Vladimira Hotinenko: osmyslenie vzaimodejstviya pravoslaviya i sovremennogo kinematografa v postizhenii kul'turnyh smyslov. In: *Literatura na ekrane: kolektivnaya monografiya.* In 2 vol. Vol. 1. Ed. by A.A. Melik-Pashaev, N.L. Karpova. Moscow; 2018. P. 279–284. (In Russ.)
12. Orishchenko SS. Word in the film by Vladimir Khotinenko "Pop". *Izvestiya of the Samara Science Centre of the Russian Academy of Sciences.* 2014;16(2–3):695–701. (In Russ.)
13. Orishchenko SS. Tradition or where the road of death leads (Alexey Balabanov's movie "I want too"). *Izvestiya of the Samara Science Centre of the Russian Academy of Sciences. Social, humanitarian, medicobiological sciences.* 2016;18(1):101–104. (In Russ.)
14. Orishchenko SS. The feature film "Yuriev Day" by Kirill Serebrennikov in the context of semantics and metaphysics of the city. *Izvestiya of the Samara Science Centre of the Russian Academy of Sciences. Social, humanitarian, medicobiological sciences.* 2012;14(2–4):1017–1023. (In Russ.)
15. Svirepo OA, Tumanova OS. *Obraz, simvol, metafora v sovremennoj psihoterapii.* Moscow; 2004. (In Russ.)

References

1. Baudrillard J. Paroli. Ot fragmenta k fragment: per. s fr. N. Suslova. Ekaterinburg; 2006. (In Russ.)
2. Baudrillard J. Sistema veshchej: per. s fr. S. Zenkina. Moscow; 1995. (In Russ.)
3. Bychkov VV. Veshch'. In: *Leksikon non-klassik. Hudozhestvenno-esteticheskaya kul'tura XX veka.* Moscow; 2003. P. 107–108. (In Russ.)
4. Ionesov VI. Things as a cultural reality: projections and coherences. Proceedings of the conference "Veshchi i kommunikaciya: ekonomicheskie i kul'turnye vzaimodejstviya v kreativnoj industrii menyayushchegosya obshchestva"; May 28–29, 2012; Samara. Samara; 2012. P. 242–271. (In Russ.)
5. Ionesov VI. Culture as a overcoming: about the metaphors of transition and symbols of saving. Proceedings of the conference v ramkah VII Vserossijskogo

■ Информация об авторе

Светлана Серафимовна Орищенко — кандидат педагогических наук, доцент кафедры режиссуры театрализованных представлений и праздников. ФГБОУ ВО «Самарский государственный институт культуры», Самара, Россия. E-mail: orichtchenko63_6@mail.ru

■ Information about the author

Svetlana S. Orishchenko — Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor of the Department of Directing Theatrical Performances and Holidays. Samara State Institute of Culture, Samara, Russia. E-mail: orichtchenko63_6@mail.ru

СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ ДЕТЕРМИНАНТЫ РЕПРОДУКТИВНОГО ПОВЕДЕНИЯ ЭТНИЧЕСКИХ ГРУПП

А.А. Пустарнакова

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королёва», Самара, Россия

Для цитирования: Пустарнакова А.А. Социокультурные детерминанты репродуктивного поведения этнических групп // Аспирантский вестник Поволжья. 2021. № 3–4. С. 78–82. DOI: <https://doi.org/10.17816/2072-2354.2021.21.2.78-82>

Поступила: 20.05.2021

Одобрена: 27.05.2021

Принята: 01.06.2021

▪ Статья посвящена рассмотрению социокультурных детерминант репродуктивного поведения этнических групп. Социокультурные детерминанты — это те условия (обстоятельства), которые влияют на характер репродуктивного поведения этнических групп. К ним относятся социальные, экономические и мировоззренческие факторы. В зависимости от того, как меняется культура этнической общности, изменяется содержание этих факторов. Немалое значение в этом случае имеют гендерный и региональный аспекты.

▪ **Ключевые слова:** репродуктивное поведение; социокультурные детерминанты; гендерные аспекты репродуктивного поведения; этнические и религиозные факторы репродуктивного поведения; репродуктивная культура.

SOCIOCULTURAL DETERMINANTS OF REPRODUCTIVE BEHAVIOUR OF ETHNIC GROUPS

A.A. Pustarnakova

Samara National Research University named after Academician S.P. Korolev, Samara, Russia

For citation: Pustarnakova AA. Sociocultural determinants of reproductive behaviour of ethnic groups. *Aspirantskiy Vestnik Povolzhiya*. 2021;(3-4):78–82. DOI: <https://doi.org/10.17816/2072-2354.2021.21.2.78-82>

Received: 20.05.2021

Revised: 27.05.2021

Accepted: 01.06.2021

▪ The article is devoted to consideration of sociocultural determinants of reproductive behavior of ethnic groups. Sociocultural determinants are those conditions (circumstances) that affect the nature of reproductive behavior of ethnic groups. These include social, economic and worldview factors. Depending on how the culture of ethnic community changes, the content of these factors changes. The gender and regional dimension is important in this case.

▪ **Keywords:** reproductive behavior; sociocultural determinants; gender aspects of reproductive behavior; ethnic and religious factors of reproductive behavior; reproductive culture.

Регулирование демографических процессов на региональном уровне всегда было одним из наиболее острых вопросов и остается актуальным сегодня в связи с тем, что в развитых странах на региональном уровне наблюдается снижение рождаемости, а следовательно, и снижение численности различных этнических групп, проживающих в конкретном регионе.

Для решения этих вопросов необходимо детально изучать репродуктивное поведение как социально-философское и социокультурное явление, как систему действий и отношений,

опосредующих рождение или отказ от рождения ребенка любой очередности в браке или вне его. Его обусловленность теми или иными факторами позволяет определить рычаги, с помощью которых можно контролировать процесс рождаемости.

Известно, что репродуктивное поведение зависит не только от социально-экономических, но и от социально-психологических факторов, среди которых выделяются этнические и религиозные традиции. Первые отражают в себе все стороны жизни конкретного этноса — социальную, экономическую,

культурную, политическую, хозяйственную, определяют правила и особенности жизнедеятельности в каждой из отмеченных областей и опираются преимущественно на реальные матери. Вторые затрагивают преимущественно духовную сторону жизни, отражают особый код культуры народа, его видение и понимание мира.

Воспитание в конкретном этносе накладывает отпечаток на отношение женщин и мужчин к появлению детей и заключению брака. Это же касается и репродуктивного поведения конкретной этнической группы. В целом, за последние годы наблюдаются существенные изменения, связанные с увеличением влияния социально-экономического фактора, в результате чего этнические и религиозные традиции отходят на второй план и уступают место стремлению к материальному благополучию, что приводит к снижению рождаемости. В российских регионах, так же как и в других странах, велико влияние процессов глобализации и поглощения культур этнических меньшинств группой большинства — русскими. Несмотря на это, некоторые этнические группы сохраняют и численность, и традиции (например, татары), другие — сокращаются, а культура теряется (например, мордва, чуваш).

При этом остается малоизученным вопрос, что именно влияет на воспроизводство и сохранение одной этнической группы в регионе и сокращение другой, в частности, вопрос о социокультурных детерминантах репродуктивного поведения.

Под детерминантой репродуктивного поведения мы понимаем наличие обстоятельств, способствующих чему-либо, определяющих особенности репродуктивного поведения [6].

С точки зрения социальных наук репродуктивное поведение представляется как весьма сложное явление, определяемое совокупным действием разного рода причин: экономических, социальных, психологических и др. Например, В.А. Литовка отмечает, что важную роль играет ценностный аспект и влияние традиций на репродуктивную культуру и репродуктивное поведение, а социально-экономические условия не всегда определяющие [4]. Последние могут служить факторами или мотивами, которые, с одной стороны, образуют потребность в детях, а с другой, препятствуют её реализации.

Внешними стимулами репродуктивного поведения являются его социальные ценности и нормы, а также политические, экономические и социальные факторы, а внутренни-

ми — потребности и мотивы людей. Именно они составляют основные его социокультурные детерминанты.

Культура — вторая природа человека, во многом определяющая его реакцию на происходящее и его потребности. Соответственно, детерминантами человеческого поведения, в том числе репродуктивного, считаются социальные и культурные ценности и нормы, поскольку общество и каждый отдельно взятый человек — это продукты культуры.

Каждая конкретная культура в совокупности экономических, социальных и мировоззренческих факторов формирует свойственное именно ей репродуктивное поведение. В процессе социализации и инкультурации человек включается в эту систему и начинает мыслить и действовать на её основе. Так, в рамках большинства культур определяющими являются архетипы Матери и Отца, а также ценность продолжения рода, которые способствуют формированию нормы многодетности. Изменение культуры и вместе с тем изменение данных архетипов создают условия для обратного влияния, при котором нормой становится малодетность.

Например, в большинстве доиндустриальных культур репродуктивное поведение было направлено на многодетность. Этому способствовали существующие тогда аспекты культуры, которые определяли факторы влияния на данное поведение и их содержание. Так, экономический фактор включал необходимость обеспечения стариков через их собственных детей и благосостояния общества и семьи через наличие определённого количества её членов в условиях натурального хозяйства. Социальный фактор, в свою очередь, состоял в том, что обществом поощрялись семейные связи и развитие рода. Мировоззренческий — в отношении к родительству как к ценности. В сознании людей в то время божества плодородия, земли и неба ассоциировались с рождающей женщиной и оплодотворяющим её мужчиной. Как всякий культурный паттерн или ценность, это закреплялось в обрядах, праздниках, фольклоре, мифах, табу и поверьях. В целом в традиционных обществах именно традиции и поверья являлись одновременно транслируемой субстанцией и механизмом передачи и закрепления той культуры, которая формировала направленность человека и социума на многодетность. Таким образом, мировоззренческий фактор можно рассматривать как оказывающий влияние на поведение человека в соответствии с присущими его народности традициями и поверьями [5].

Эти факторы являются детерминантами репродуктивного поведения и сегодня, но изменились их внутреннее содержание и результат их влияния.

Во многом особенности репродуктивного поведения определяются гендерными различиями. Мужчины стремятся найти в семье эмоциональную поддержку и взаимопонимание, а также возможность регулярно удовлетворять потребность в физической близости, при этом потребность в признании и успехе они реализуют в ходе профессиональной деятельности, вопрос рождения ребёнка не является для них первоочередным. Более того, многие из них либо вообще не хотят детей, либо видят их появление в качестве дальней перспективы, поскольку это подразумевает отказ от частой физической близости, отсутствие возможности получать в должном объёме эмоциональную поддержку и заботу от жены.

Женщины в своём большинстве признание и реализацию находят именно в семье даже при условии наличия материальной независимости и перспектив карьерного роста. В соответствии с этим рождение ребёнка для них, как правило, является первоочередным вопросом, который решается в первые годы семейной жизни. Появление ребёнка, по мнению женщин, позволяет им закрепиться в семье, занять более влиятельную позицию, а также получить от мужа ожидаемые поддержку и защиту. Изменения в отмеченных установках происходят у мужчин и женщин после рождения первенца, в то время как до рождения ребёнка общая картина репродуктивного поведения является именно такой.

Естественно, что такой подход к вопросу зачатия, рождения и воспитания детей не относится ко всем мужчинам и женщинам. Существуют мужчины, для которых семья, прежде всего, ассоциируется с рождением детей, и женщины, видящие семью только как союз двух взрослых людей без включения в него третьих лиц. Между тем сегодня преобладающим по-прежнему остаётся традиционное отношение женщин и мужчин к семье.

Г.Б. Дикке и Л.В. Ерофеева отмечают, что в целом современная молодёжь независимо от половой принадлежности нацелена на повышение своего материального благополучия, а не на создание семьи и рождение детей, что во многом определяет её репродуктивное поведение [3]. Гендерные взаимоотношения молодых людей при этом определяются в большинстве своём удов-

летворением сексуальных потребностей при низком использовании современных средств контрацепции на фоне недостаточного полового образования [6]. Таким образом, общество получает мужчину и женщину, не готовых к рождению детей и не стремящихся к созданию семьи, но в итоге вынужденных обретать и первое, и второе ввиду безответственного отношения к предохранению. Отсюда можно сделать вывод, что, несмотря на широкое распространение различных средств контрацепции, у современных молодых людей отсутствует осознание и понимание серьёзности последствий создания семьи и появления ребёнка, что формирует у них безответственное репродуктивное поведение. Это во многом обуславливается достаточно демократичным отношением современного общества к вопросу половых отношений.

По мнению М.А. Беляевой, причиной тому также является отсутствие достаточно эффективного механизма трансляции репродуктивной культуры среди современной молодёжи. Под репродуктивной культурой в данном случае понимается «совокупный культурный опыт регулирования способности продолжения рода, складывающийся в ходе эволюционного развития человечества» [2]. Автор отмечает, что большинство молодых людей к моменту своего совершеннолетия и вступления в репродуктивные права обладают репродуктивной культурой фрагментарно. По мере накопления жизненного опыта, проходя через ошибки, разочарования и аборт, они обретают новый уровень знаний, приоритет их жизненных ценностей меняется. В соответствии с этим современные молодые люди независимо от их половой принадлежности нуждаются в оказании помощи в процессе репродуктивного самоопределения.

В качестве механизмов трансляции репродуктивной культуры М.А. Беляева выделяет семью и средства массовой информации, которые, по её мнению, действуют стихийно и фрагментарно, а также церковь, общественные организации, социальные и медицинские службы, оказывающие узконаправленное влияние, фокусируемое на определённых группах населения [2]. Автор отмечает, что данные механизмы характеризуются отсутствием какой-либо преемственности и последовательности в своих действиях, что негативно влияет на качество репродуктивной культуры населения и способствует депопуляции.

Кроме того, на качество репродуктивной культуры могут оказывать влияние такие социальные детерминанты репродуктивного поведения, как этнические и религиозные

традиции. М.С. Абдуллина, рассматривая репродуктивное поведение, отметила, что причинно-следственный ряд рождаемости нельзя объяснить одними только этническими особенностями, хотя они так же оказывают влияние на указанный тип поведения у населения [1]. Это обусловлено тем, что в этничности неизбежно присутствует субъективное, например, определение человеком собственной этнической принадлежности. На основе анализа статистических данных М.С. Абдуллина выделила различия в репродуктивном поведении этнических групп, но отметила, что данные различия не носят радикального характера и в будущем, вероятно, могут исчезнуть.

А.С. Мишукова пишет, что в современной культуре наличие традиций и реликтов не имеет значения в плане передачи ценностей и паттернов в сравнении с остальными её компонентами [5]. Иными словами, традиции — этнические и религиозные — не играют сегодня той существенной роли в формировании репродуктивного поведения мужчин и женщин, как ранее, хотя и оказывают определённое влияние на него.

Это определяется влиянием тех изменений, которые произошли в обществе за последние годы. Ослабление института семьи на фоне усиления позиции других институтов общества снизило в общественном сознании ценность материнства, отцовства и детства. Оно стимулирует внесемейные ценностные ориентации личности на успех во внесемейной сфере и следовательно уменьшает потребность в детях. Таким образом, изменение самой культуры народных общностей, в результате чего снизилась значимость этнических и религиозных традиций, привело к тому, что их трансляция через те или иные каналы стала менее динамичной и эффективной [8]. Всё это привело к общему снижению репродуктивной культуры населения.

Говоря о детерминантах репродуктивного поведения, нельзя не согласиться с мнением О.В. Семеновой и М.Л. Бутовской, которые отмечают, что репродуктивное поведение мужчин и женщин во многом определяется условиями их проживания [7]. В частности, к малодетной модели репродуктивного поведения склонны супруги, проживающие в городах, тогда как многодетной модели придерживаются семьи, проживающие в деревнях, сёлах и кишлаках. Фактор урбанизации, согласно исследованию авторов, значим в формировании репродуктивного поведения как мужчин, так и женщин, но при этом образование выступает фактором снижения рождаемости

для женщин, а материальное благосостояние — для мужчин. Переезжая в город, семья обретает больше удобств и возможностей, появляются условия для комфортного проведения личного времени. Во время как жизнь в деревнях, сёлах и кишлаках сопряжена с необходимостью ежедневного тяжёлого труда, не приносящего должного уровня дохода и лишającego свободного времени. В таких условиях рождение детей — это способ получить помощника в семью, а впоследствии и дополнительный источник дохода.

Подводя итоги нашему анализу, следует отметить, что на репродуктивное поведение оказывает влияние достаточно большое количество социокультурных детерминант, к которым относятся социальные, экономические и мировоззренческие факторы. В зависимости от того, как меняется культура этнической общности, изменяется содержание этих факторов. Немалое значение в этом случае имеет и гендерный аспект. Нельзя однозначно заявлять, что мужчины и женщины по-разному относятся к проблеме построения семьи в целом и к вопросу рождения детей в частности. Между тем наблюдается общая тенденция, при которой большинство женщин готовы к рождению как минимум одного ребёнка, несмотря на отсутствие нужных условий, поскольку видят своё первоочередное предназначение именно в реализации себя как матери. Мужчины, в свою очередь, в семейных взаимоотношениях ищут физическую близость с партнером и получение эмоциональной поддержки и понимания от него, что исключает появление детей в первые годы брака или их появление вообще.

Во многом это обусловлено различием в содержании системы ценностных ориентаций у мужчин и женщин. При значимости таких ценностей, как «семейная жизнь», что чаще наблюдается у женщин, человек будет настроен на создание семьи и рождение детей, тогда как преобладание ценности физической и психологической близости с партнером, а также собственной свободы, что, как правило, свойственно мужчинам, приводит к отсутствию стремления создать семью и родить ребёнка. Ещё одна детерминанта — это преобладание ценности материально-обеспеченной жизни, которая расходуется с возможностью рождения детей. Данная причина становится одной из определяющих для современных людей, не стремящихся к семейным отношениям. Между тем наблюдается повсеместное отсутствие репродуктивной культуры, в результате чего молодые люди плохо контролируют свою

половую жизнь, что приводит к появлению нежелательных для них брачных отношений и детей.

В этом случае имеет значение снижение ценности традиций, являющихся одним из основных детерминантов репродуктивного поведения. Передаваемые из поколения в поколение правила и нормы поведения формируют у человека отношение к семье и рождению детей. В частности, если традициями предусмотрена многодетность, именно этого будет придерживаться человек, выросший в обществе, ориентирующемся на них. Однако сегодня этнические и религиозные традиции не рассматриваются в качестве важных для всех членов современного общества, а только для тех, кто причисляет себя к конкретной этнической группе и соблюдает этнические традиции.

Репродуктивное поведение независимо от половой принадлежности также определяется местом проживания супругов или молодых людей. Как правило, проживание в городской среде ведёт к снижению количества детей в семьях, в то время как семьи, живущие в деревнях, селах и кишлаках придерживаются многодетной модели. Это также обусловлено и ранее отмеченным социально-экономическим фактором — между возможностью больше зарабатывать и иметь личное время и возможностью завести ещё одного ребёнка супруги выбирают первое. Отдалённость от городской среды, напротив, позволяет дольше сохранять этнические традиции, в соответствии с которыми, в большинстве случаев, приветствуется многодетность.

Список литературы

1. Абдуллина М.С. Репродуктивное поведение этнических групп населения в полиэтничной социально-территориальной общности // Вестник Башкирского университета. 2010. Т. 15, № 3. С. 814–819.
2. Беляева М.А. Гендерные аспекты репродуктивной культуры // Грани познания. 2010. № 2(7). С. 55–57.
3. Дикке Г.Б., Ерофеева Л.В. Особенности репродуктивного поведения молодежи // Акушерство и гинекология. 2013. № 12. С. 96–101.

▪ Информация об авторе

Анна Александровна Пустарнакова — кандидат социологических наук, доцент кафедры социологии и культурологии. ФГБОУ ВО «Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королёва», Самара, Россия. E-mail: apustarnakova@gmail.com

4. Литовка В.А. Теоретические основы анализа репродуктивного поведения // Общество и право. 2012. № 5(42). С. 286–290.
5. Мишукова А.С. Репродуктивное поведение как культурологический термин // Дискуссия. 2012. № 8(26). С. 26–29.
6. Морозова И.С., Белогой К.Н., Борисенко Ю.В., Отт Т.О. К проблеме детерминации репродуктивного поведения молодежи // Вектор науки ТГУ. 2014. № 1(27). С. 130–134.
7. Семенова О.В., Бутовская М.Л. Рождаемость в современном российском обществе: роль экономических и культурных факторов в условиях растущей урбанизации // Урбанистика. 2019. № 2. С. 49–63. DOI: 10.7256/2310-8673.2019.2.28966
8. Шрайбер А.Н. Этническая принадлежность как фактор репродуктивного поведения // Социология в современном мире: наука, образование, творчество. 2020. № 12. С. 86–88.

References

1. Abdullina MS. Reproductive behavior of ethnic groups of the population in a multi-ethnic socio-territorial community. *Bulletin of Bashkir University*. 2010;15(3):814–819. (In Russ.)
2. Belyaeva MA. Gender aspects of reproductive culture. *Grani poznaniya*. 2010;(2(7)):55–57. (In Russ.)
3. Dikke GB, Erofeeva LV. Features of reproductive behavior of young people. *Obstetrics and Gynecology*. 2013;(12):96–101. (In Russ.)
4. Litovka VA. Theoretical basis for the analysis of reproductive behavior. *Society and Law*. 2012;(5(42)):286–290. (In Russ.)
5. Mishukova AS. Reproductive behavior as a culturological term. *Diskussiya*. 2012;(8(26)):26–29. (In Russ.)
6. Morozova IS, Belogay KN, Borisenko JV, Ott TO. To the problem of determination of reproductive behaviour of youth. *Science Vector of Togliatti State University*. 2014;(1):130–134. (In Russ.)
7. Semenova OV, Butovskaya ML. Birth rate in the modern Russian society: the role of economic and cultural factors in the conditions of increasing globalization. *Urbanistika*. 2019;(2):49–63. (In Russ.) DOI: 10.7256/2310-8673.2019.2.28966
8. Shrajber AN. Ethnicity as a factor of reproductive behavior. *Sociology in the modern world: science, education, creativity*. 2020;(12):86–88. (In Russ.)

▪ Information about the author

Anna A. Pustarnakova — Candidate of Sociological Science, Assistant Professor at the Department of Sociology and Cultural Science, Samara National Research University named after Academician S.P. Korolev, Samara, Russia. E-mail: apustarnakova@gmail.com

К ПОНИМАНИЮ ПРИРОДЫ И ИМПУЛЬСОВ ОБУСЛОВЛЕННОГО МЫШЛЕНИЯ: О НОВОЙ КНИГЕ ТЕРРЕНСА УЭБСТЕР-ДОЙЛА

А.И. Белкин

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Самарский государственный социально-педагогический университет», Самара, Россия

Для цитирования: Белкин А.И. К пониманию природы и импульсов обусловленного мышления: о новой книге Терренса Уэбстера-Дойла // Аспирантский вестник Поволжья. 2021. № 3–4. С. 83–88. DOI: <https://doi.org/10.17816/2072-2354.2021.21.2.83-88>

Поступила: 15.04.2021

Одобрена: 19.04.2021

Принята: 19.04.2021

▪ Рецензия на книгу «Т. Уэбстер-Дойл. Игры разума: к пониманию природы предрассудков и конфликтов, или как научиться жить в мире = Mind Games: To understanding the roots of prejudice and how learn live peacefully: научно-просветительское издание / Т. Уэбстер-Дойл. – Самарское культурологическое общество «Артефакт – культурное разнообразие». – Самара: Самарский научный центр РАН, 2020. – 55 с.».

Рецензент считает, что книга Т. Уэбстера-Дойла является блестящим примером, как конфликты могут быть разрешены наиболее эффективно без теоретического отвлечения. Книга Т. Уэбстера-Дойла невелика по объёму, но очень значительна по содержанию. Автор предлагает реальную программу укрощения конфликтов и насилия, которые наполняют всю человеческую историю. До сих пор наблюдается явный недостаток исследований, посвящённых универсальным детерминантам возникновения и динамики конфликтов. Парадоксальная ситуация возникает, когда методы разрешения конфликта изучаются и модифицируются, несмотря на то что его исходные детерминанты точно не определены. Модели укрощения конфликтов, которые тиражируются в социальных науках, не решают саму проблему преодоления насилия в обществе. Обратите внимание, что Т. Уэбстер-Дойл определяет свою книгу как самую значительную работу в своей жизни. Автор предлагает оригинальный подход к определению конфликта и путей его разрешения в прямой зависимости от понимания его детерминант. Преимуществом книги является также хорошее литературное изложение материала. Т. Уэбстер-Дойл рассматривает конфликт как явление, созданное человеческим разумом, который в то же время, как это ни парадоксально, пытается решить проблему, которую он сам создаёт. Эта работа посвящена изучению детерминант конфликта, которые всесторонне рассматриваются во взаимосвязи биологических и социальных детерминант: как порождённые генетически запрограммированы мозгом и в то же время как функция восприятия людьми окружающего мира и друг друга. Автор отмечает, что универсальной основой биологического программирования является общая мотивация — желание выжить. Следовательно, в данной работе представлена программа разрешения конфликта, основанная на комплексном рассмотрении конфликта как социобиологического феномена, в основе которого лежит обусловленное мышление человека (изначальная биологическая защита его мозга). Преимуществом книги является её универсальность. Автор не просто рассматривает проблему конфликта, его составляющие, стороны конфликта, конфликтогены, инцидент и т. д. Он ищет подход, который позволит вам по-новому взглянуть на эту проблему и найти способы предотвратить конфликт.

▪ **Ключевые слова:** Т. Уэбстер-Дойл; конфликт; биологическое программирование; мышление.

TO UNDERSTANDING THE EFFECTS OF CONDITIONING THINKING: ABOUT NEW BOOK OF TERENCE WEBSTER-DOYLE

A.I. Belkin

Samara State University of Social Sciences and Education, Samara, Russia

For citation: Belkin A.I. To understanding the effects of conditioning thinking: About new book of Terrence Webster-Doyle. *Aspirantskiy Vestnik Povolzh'ya*. 2021;(3-4):83–88. DOI: <https://doi.org/10.17816/2072-2354.2021.21.2.83-88>

Received: 15.04.2021

Revised: 19.04.2021

Accepted: 19.04.2021

▪ Review of the book “Mind Games: towards understanding the nature of prejudice and conflict, or how to learn to live in peace” by Terrence Webster-Doyle. Mind Games: To understand the roots of prejudice and how to learn live peacefully: a scientific and educational publication. T. Webster-Doyle. Samara Cultural Society “Artifact-Cultural Diversity”. Samara: Samara Scientific Center of the Russian Academy of Sciences; 2020. 55 p.

▪ Reviewer considers that T. Webster-Doyle's book is a brilliant example of how conflicts can be resolved most effectively without theorized distraction. T. Webster-Doyle's book is small in volume, but very significant in content. The author offers a real program for taming the conflicts and violence that fill the entire human history. Until now, there is a clear lack of research on the universal determinants of the emergence and dynamics of conflict. A paradoxical situation arises when methods of conflict resolution are studied and modified, despite the fact that its initial determinants are not accurately determined. The models of taming conflicts that are being replicated in the social sciences almost do not solve the very problem of overcoming violence in society. Note that T. Webster-Doyle defines her book as the most significant work of her life. The author proposes an original approach to the determination of the conflict and defines the ways of its resolution in direct relationship with the understanding of its determinants. Also, the advantage of the book is a good literary presentation of the material. T. Webster-Doyle views conflict as a phenomenon created by the human mind, which at the same time, in a paradox, is trying to solve a problem "which it itself creates." This work is devoted to the study of the determinants of conflict, which are considered comprehensively in the relationship of biological and social determinants: as generated by genetically programmed brain programs and at the same time as a function of people's perception of the world around them and each other. The author notes that the universal basis of biological programming is the general motivation – the desire to survive. Consequently, this work presents a program for resolving the conflict based on a comprehensive consideration of the conflict as a sociobiological phenomenon, which is based on the conditioned thinking of a person (primordial biological protection of his brain). The advantage of the book is its versatility. The author does not just consider the problem of the conflict, its components, the parties to the conflict, conflict genes, the incident, etc. He is looking for an approach that allows you to take a fresh look at this problem and find ways to prevent and destroy the conflict.

▪ **Keywords:** T. Webster-Doyle; conflict; biological programming; thinking.

Терренс Уэбстер-Дойл

ИГРЫ РАЗУМА:

К ПОНИМАНИЮ ПРИРОДЫ
ПРЕДРАССУДКОВ И
КОНФЛИКТОВ, ИЛИ КАК
НАУЧИТЬСЯ ЖИТЬ В МИРЕ

Рассматриваемая Т. Уэбстер-Дойлом проблематика — универсальная детерминация конфликта является актуальной во все культурно-исторические периоды динамики общественного развития. В истории науки и философии тезис о биологической детерминации человеческого поведения выдвинут достаточно давно. Так, ещё английский философ-сенсуалист Т. Гоббс считал, что «природа человека

Из всех работ, которые я когда-либо написал, именно этот текст, состоящий из двух разделов, является самым важным для меня. Как мне представляется, в нём уделяется предельно конкретное и ясное внимание корневым причинам конфликта, который конкретизируется в сознании человека, его мозге. Учитывая природу и биологическую эволюцию человека, - эта гипотеза видится мне вполне логичной и обоснованной. Нескончаемое теоретизирование в изучении причин возникновения конфликта, как показывает опыт, мало приносит пользы. Что остаётся всякий раз незамеченным – это то, что конфликт – не проблема, которую нужно решить, но специфика нашего восприятия себя и друг друга в мире. Конфликт есть реальность, которую нам следует изучить и понять. Парадокс состоит в том, что мысль пытается решить проблемы, которая она сама часто создаёт. В своей книге я попытаюсь показать, что мир не сможет держаться на силе, он держится только на понимании и основанном на этом понимании нашем конкретном и ответственном участии, здесь и сейчас.

зла», что подразумевает врождённую склонность человека к агрессивному поведению, убийству и войне, то есть конфликту в широком понимании этого термина. В дальнейшем Т. Гоббс оправдывает этим идею создания государства, которое как Левиафан, является мистическим чудовищем, однако ограничивает войну всех против всех, проистекающую из врождённой склонности человека к насилию.

Ряд философов вслед за этим мыслителем считают конфликт производным от первоначальной природы человека, запрограммированным с самого начала, как сказали бы мы сейчас, на инстинктивном уровне.

Исследование конфликта традиционно ведётся в междисциплинарной области научных исследований — конфликтологии, которая является пограничной для таких областей научного знания, как биология, культурология, психология, социология и ряда других. В психологии в первоначальном значении конфликт рассматривается как столкновение (исходя из его первоначального этимологического значения) и рассматривается по-разному: либо как сугубо негативное явление, свидетельствующее о процессах дезинтеграции социальной системы, либо в противоположном ключе — как результат объективно существующей ситуации или состояния и как индикатор существования, флуктуации и усиления тех или иных процессов в индивидуальности, группе, обществе и культуре. Конфликт рассматривается как выражение объективно складывающихся противоречий, возникающих в обществе, то есть социальных явлений. В качестве основных средств разрешения конфликтов чаще всего рассматриваются изменение объективно сложившейся ситуации, избегание эскалации конфликтогенов и достижение согласия участниками социальной интеракции. Детерминанты возникающих конфликтов определяются в основном социальными и психологическими причинами (социологизаторский подход). Значимым фактором понимания и сдерживания конфликтов выступает культура (культурологический подход). Роль культуры в процессе укрощения насилия двойственна. С одной стороны, она поднимает уровень социальной ответственности и ценностной упорядоченности в отношениях между людьми, с другой — служит источником противоречий в силу разнообразия мировоззренческих, этнических и символических установок и стилей жизни [1–3, 11].

Вместе с тем до настоящего времени имеет место явная недостаточность исследований и теоретических подходов к изучению универсальных детерминант возникновения и динамики конфликта. Возникает парадоксальная ситуация, когда изучаются и модифицируются методы разрешения конфликта, при том что недостаточно точно определены его исходные детерминанты.

Отметим, что в работе Т. Уэбстера-Дойла (Т. Webster-Doyle) «Игры разума: к пониманию природы предрассудков и конфликтов

или, как научиться жить в мире», которую автор определяет как самое значительное произведение своей жизни, предложен оригинальный подход к детерминации конфликта и определены пути его разрешения в непосредственной взаимосвязи с пониманием его детерминант. Данная работа обобщает многочисленные публикации автора по теории и практике обусловленного мышления [5–8].

Т. Уэбстер-Дойл выделяет две основные детерминанты конфликта: биологически запрограммированную программу реакции на угрозу выживания индивида, включающуюся при реальном и, что особенно важно, мнимом образе врага и обусловленное мышление, функционирующее на основе идентификации различий, и само по себе, порождает специфичное восприятие, предрасполагающее к конфликту. Достоинством работы также является хорошее литературное изложение материала.

Рассмотрим подробнее авторскую концепцию конфликта. Т. Уэбстер-Дойл рассматривает конфликт как явление, порождённое человеческим разумом, которое одновременно представляет собой парадокс, пытается решить проблему, «которую он сам же порождает». Настоящая работа посвящена исследованию детерминант конфликта, которые рассматриваются комплексно во взаимосвязи биологических и социальных детерминант: как порождённые генетически запрограммированными реакциями мозга и одновременно как функция от восприятия людьми окружающего мира и друг друга.

Автор отмечает, что универсальной основой биологического программирования выступает генеральная мотивация — стремление к выживанию.

Следовательно, в данной работе представлена попытка решить проблему конфликта на основе комплексного рассмотрения его как явления социобиологического по своему характеру. Рассматривается классическая для психологии проблема взаимосвязи как личного и социально значимого явления, как атрибутивной характеристики социальной жизни.

Достоинством работы является её универсальный характер: автор не просто рассматривает проблему конфликта, его составляющие, стороны, конфликтогены, инцидент и т. д., он ищет подход, позволяющий по-новому взглянуть на данную проблематику и найти пути профилактики и деструкции конфликта.

Для решения этой проблемы Т. Уэбстер-Дойл предлагает выйти за пределы обусловленного

мышления, которое пытается решить проблему конфликта внутри самого конфликта и не рассматривает причины, которые его порождают. В качестве основной причины конфликта он выделяет запрограммированную человеческим мозгом реакцию на то, что, как представляется индивидууму, угрожает его жизнедеятельности, адаптации и полноценному существованию.

Автор считает, что механизм конфликта универсален и типичен у всех людей, обосновывая это структурной идентичностью человеческого мозга вне зависимости от существующих индивидуально-типических, дифференциальных различий.

Запрограммированный генетически возникающий образ врага обуславливал адаптацию человека в условиях первобытного общества. Данный образ запускает одну из двух запрограммированных реакций — борьбы или бегства.

«Человеческие действия основаны на обусловленном мышлении и мысль не может сама себя контролировать», — пишет автор. По его мнению, конфликт запрограммирован биогенетически и как инстинктивная программа одинаков у всех людей. В основе этого механизма лежит исторически сформировавшийся механизм идентификации и при наличии образа врага или угрозы безопасности он автоматически включается, и обусловленное сознание инстинктивно реагирует на мнимую опасность реальным агрессивным деструктивным поведением.

С этой точки зрения этнические, религиозные, культурные, личностные и другие различия между людьми рассматриваются как созданные биологическим мозгом, которые первоначально были обусловлены стремлением найти безопасность в своей социальной группе и должны были способствовать выживанию. Средство, которое должно было обеспечить выживание в первобытном мире, в постсовременном мире информационного общества стало, напротив, главным фактором, угрожающим безопасности индивидуума и общества.

Такое социально негативное явление, как буллинг (побуждение к травле) возникает на биологической основе и рассматривается как биологически и генетически обусловленный инстинкт, который защищает индивидуума или социальную группу от человека или группы, которые, как им кажется, представляют угрозу существованию группы.

Креативно и диалектически автор рассматривает саму динамику обусловленного мышления (мышления, детерминированного

биологической программой выживания и возникающим на этой основе образом врага). Парадоксально, что знание, в том числе знание о конфликте, рассматривается потенциально в качестве фактора, обуславливающего сам конфликт. Путь разрешения проблемы конфликта лежит, по его мнению, не в знании, которое разделяет людей, дифференцирует их на различные группы, а в образовании, позволяющем понять сам механизм конфликта. Он указывает, что знание по своей природе является «сравнительным, а всякое сравнение основано на противопоставлении и тем самым предрасполагает к конфликту».

Т. Уэбстер-Доил также указывает, что знания о конфликте являются третичными или вторичными мерами его профилактики и предотвращения, в то время как сам конфликт и соответственно меры его преодоления находятся в настоящем времени и содержатся в его первичных условиях. Парадоксальным образом обусловленное мышление создает само конфликт и не может его решить с помощью себя самого.

В основе данной дифференциации лежит эгоцентрическое мышление, а различные стереотипы делят человечество на противостоящие друг другу группы, каждая из которых борется за ресурсы и власть.

Отсюда возникает поистине универсальный вопрос — сможем ли мы превзойти свои инстинктивные программы, свою биологическую природу.

Т. Уэбстер-Доил считает, что существует возможность выйти за пределы генетического программирования, так как конфликт всегда возникает в ответ на мнимую угрозу. Он предполагает, что генетическая структура конфликта может быть модифицирована путем создания правильной образовательной среды для развития интеллекта.

Средством достижения поставленной им цели служит проприоцептивное обучение как когнитивный принцип. Проприоцептивное мышление — это мышление, осознающее, воспринимающее своё собственное движение, это, в отличие от абстрактного мышления, «невяный, конкретный мыслительный процесс», опирающийся на интуицию, лежащий в основе различных видов творчества, философии, музыки, искусства, литературы. Это невяное знание, лежащее в основе действия (Д. Бом / D. Bohm) [9, 10]. Процесс проприоцептивного мышления представляет собой самосознание без привлечения «я», осознающего это. Оно не включает в себя сбор и анализ информации как таковой, чтобы в итоге прийти к определённом интеллектуальному заключению.

В этой связи проприоцептивное обучение определяется как навыки или способность правильно осознавать своё индивидуальное положение и социальные действия в мире за счёт способности к психологической самокоррекции. Проприоцептивное обучение представляет собой противоположность знанию, являющемуся кумулятивным обучением, сбором и анализом информации для последующего создания теории, а также как способность к психологической самокоррекции, состояние осознания, воспринимающее обусловленное сознание таким, какое оно есть. Его основой становится психологический самоконтроль, то есть осознание внутренних чувств и побуждений.

Средством профилактики и деструкции конфликта является возможность идентифицировать всех как единое целое, которое возникает на основе понимания подобия всех людей и механизма конфликта.

Т. Уэбстер-Дойл указывает, что для активизации проприоцептивного обучения необходимо специальное образование, позволяющее понимать природу и структуру генетически обусловленного мышления. Обращение к проприоцепции мышления для понимания природы конфликтов известно и по работам других авторов [4, 9, 10].

Следовательно, в данной работе представлен оригинальный подход к разрешению конфликта. Авторская концепция механизма конфликта состоит из следующих основных идей: биологическая программа реакции на угрозу выживания индивида, включающаяся при возникновении образа врага, и обусловленное мышление, функционирующее на идентификации различий и само по себе порождающее специфичное восприятие, предрасполагающее к конфликту. Анализ проблематики данного феномена позволяет автору сделать вывод о неэффективности попыток разрешить проблему конфликта с помощью обусловленного мышления, которое само по себе порождает дифференцированное знание, являющееся источником конфликта. Для достижения этой цели он предлагает обратиться к актуализации проприоцептивного мышления, не порождающего конфликт, и создания правильной образовательной среды для развития интеллекта.

Вместе с тем можно отметить и некоторые недостатки работы: в работе не представлен детальный научный анализ генетического механизма возникновения реакции конфликта, и не рассматриваются конкретные примеры внедрения нового подхода к его разрешению. В то же время это может быть также связано

с тем, что данная работа является пионерской, задающей основу дальнейшего разрешения проблемы конфликта. Её достоинством стал комплексный характер анализа биологических и социальных детерминант конфликта и предложенный автором оригинальный подход к его пониманию и разрешению.

Список литературы

1. Ионесов В.И. Культура и трансформация: метаморфозы адаптации и развития // Вопросы культурологии. 2009. № 8. С. 4–7.
2. Ионесов В.И., Куруленко Э.А. Культура, миротворчество и социальное подвижничество в региональных проектных практиках // Культурологический журнал. 2013. № 1. С. 15.
3. Ионесов В.И. Сопrotивление культур: к особенностям нашего времени // Материалы Международной научно-практической конференции «Модернизация культуры: идеи и парадигмы культурных изменений», Самара, 22–23 мая 2014 г. Самара. С. 166–173.
4. Тиллманнс М. Применение проприоцепции мышления в философствовании с детьми // Социум и власть. 2019. № 4(78). С. 69–76.
5. Уэбстер-Дойл Т. Игры разума: к исследованию обусловленности конфликта и возможности миротворчества в культуре // Креативная экономика и социальные инновации. 2018. Т. 8, № 2(23). С. 151–157.
6. Уэбстер-Дойл Т. Креативность действия в драме преодоления насилия // Креативная экономика и социальные инновации. 2020. Т. 10, № 2 (31). С. 99–103.
7. Уэбстер-Дойл Т. Наше обусловленное сознание: почему я всегда выбираю себя? // Вестник Челябинского государственного университета. 2019. № 5(427). С. 19–22.
8. Уэбстер-Дойл Т. Почему меня обижают: как справиться с задирами / пер. с англ. М. Дубровской. М.: Рудомино, 1995.
9. Bohm D. Limits of thought: discussions, with Jiddu Krishnamurti. London: Routledge, 1999.
10. Dubashia N. The unity of everything: a conversation with David Bohm. Hamburg, Germany: Tredition, 2018.
11. Ionesov V. Can peacemaking be a peacemaker? *Peace Review*. 2018. Vol. 30, No. 4. P. 527–536. DOI: 10.1080/10402659.2018.1553549

References

1. Ionesov VI. Culture and transformation: metamorphosis adaptation and development. *Voprosy kul'turologii*. 2009;(8):4–7. (In Russ.)
2. Ionesov VI, Kurulenko EA. Culture, peace-creativity and social work in regional project practice. *Kul'turologicheskij zhurnal*. 2013;(1(11)):15. (In Russ.)

3. Ionesov V.I. Soprotivlenie kul'tur: k osobennostyam nashego vremeni. Proceedings of the Mezhdunarodnaya nauchno-prakticheskaya konferenciya "Modernizaciya kul'tury: idei i paradigmy kul'turnyh izmenenij"; 2014 May 22–23; Samara. Samara. P. 166–173. (In Russ.)
4. Tillmanns M. The application of proprioception of thinking to doing philosophy with children. *Socium i vlast'*. 2019;(4(78)):69–76. (In Russ.)
5. Webster-Doyle T. Mind games: to research of conditionality of human conflict and the possibility of peacekeeping in culture. *Creative Economics and Social Innovations*. 2018;8(2(23)):151–157. (In Russ.)
6. Webster-Doyle T. Creativeness of action in drama for overcoming violence. *Creative Economics and Social Innovations*. 2020;10((31)):99–103. (In Russ.)
7. Webster-Doyle T. Our conditioned consciousness: why am I always picking on myself? *Bulletin of Chelyabinsk State University*. 2019;(5(427)):19–22. DOI: 10.24411/1994-2796-2019-10503
8. Webster-Doyle T. Pochemu menya obizhayut: kak spravlyat'sya s zadirami: per. s angl. M. Dubrovskoi. Moscow: Rudomino; 1995. (In Russ.)
9. Bohm D. Limits of thought: discussions, with Jiddu Krishnamurti. London: Routledge; 1999.
10. Nish Dubashia. The unity of everything: a conversation with David Bohm. Hamburg, Germany: Tredition; 2018.
11. Ionesov V. Can peacemaking be a peacemaker? *Peace Review*. 2018;30(4):527–536. DOI: 10.1080/10402659.2018.1553549

▪ Информация об авторе

Антон Игоревич Белкин — доктор психологических наук, координатор Израильского общества кросс-культурной психологии (г. Цфат, Израиль), профессор кафедры общей и социальной психологии. ФГБОУ ВО «Самарский государственный социально-педагогический университет», Самара. E-mail: belkin@pghsa.ru

▪ Information about the author

Anton I. Belkin — Professor of Psychology, Coordinator, Society for Cross-Cultural Psychology (Safed, Israel), Professor of the Department of General and Social Psychology. Samara State University of Social Sciences and Education, Samara, Russia. E-mail: belkin@pghsa.ru